

Желтый кот с голубыми глазами

Роман

«Жизнь мертвая и взор слепой, дух смертный,
Срам мира, труп, украденный из гроба,
И книга скорбная печальных дней,
Найди покой на той земле законной,
Что беззаконно кровью опоили!»

У. Шекспир «Ричард III».

Предисловие

...И настал тот час, когда всемогущий бог Идзанака появился в неясно-пурпурной дымке тумана и, чтобы отделить земную твердь от океанской стихии, ударил своим копьем о гладкую синь океана...Загромыхали, тесня и наползая друг на друга, отверзаемые от водяного пространства громады суши. Забурлила водяная стихия, отступая и беснуясь. А бог Идзанака, выдернув из клокочущей воды копье, поднял его над головой и громогласно возвестил: «Отныне тому и быть!». И упали с его копья друг за другом причудливо изогнутой цепью капли, образовав острова...И заселились на этих островах люди племени Ямато.

Сотворение Японии, красочно изложенное в древней легенде, и по сей день не имеет своего окончания. Молодая суша, не переставая со дня появления, волнуяще дышит вулканами, вспухает и опадает. А людям, живущим на этих островах, постоянно приходится принаравливаться к опасностям разрушительных землетрясений и злым набегам морских стихий.

Вереница окаменелых капель, что по преданию упали со всемогущего копья, начинаются на севере с прерывистых цепей Курильских островов, которые расположились двумя параллельными грядами. Эти острова, практически примыкаемые к южной оконечности российской Камчатки, тянутся на юг на расстояние почти в 1200 километров вплоть до острова Хокайдо – северной окраины Японии. Именно они, в сущности, в течение всего периода новейшего времени принадлежавшие русским, да и открытые русскими землепроходцами, стали с момента окончания второй мировой войны и по настоящие дни главным камнем преткновения в отношениях двух соседей – России и Японии.

Курильские острова (Курилы) еще не так давно были абсолютно пустынными, и на них не проживало ни единой, не только японской, но и вообще какой-либо иной, человеческой души. До недавнего времени эти голые, уныло торчащие из воды полупустынные, покрытые скудной тундровой растительностью скалы мало убеждали рядовых, придавленных собственными заботами японцев в своей исключительной жизненно-экономической привлекательности. Но мало-помалу постоянно поддерживаемый в политических и государственных кругах вопрос о «северных территориях» начал вызывать у большей части жителей Страны восходящего солнца

чувства уязвленного национального самосознания. Сегодня (особенно после того, как в шельфе Курил были обнаружены запасы полезных ископаемых) и в средствах массовой информации, и в публичных выступлениях разве что только ленивый не пытается «пнуть» свое родное правительство за «слабохарактерность» в борьбе за свои «исконные» исторические территории.

Острова Японии (а их в общей сложности – около четырех тысяч) заканчиваются на юге вулканом Сакурадзима. Пять шестых японской земли составляют крутые горные склоны. И лишь одна шестая остается человеку – тут и поля, возделанные словно клумбы, и города, и заводы.

Удивительна и не всякому европейскому уму понятна история этой уникальной островной страны – Японии. С момента революции 1868 года почти все экономические ресурсы Японии стали монопольной собственностью семейных кланов Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясудо. Эти четыре могущественные семьи вместе с императорской со второй половины XIX века захватили в свои руки и контролировали практически все экономические ресурсы страны. Возглавляемые ими гигантские монополистические промышленные и банковские концерны до сих пор называют в Японии дзайбацу, что по российским понятиям равноценно нашим олигархическим группировкам.

Дешевый труд способствовал обогащению дзайбацу. Потому-то они и толкали страну к захватам чужих территорий. Вторая мировая война, о которой император Хирохито говорил, как о «священной войне Японии», была спланирована и развязана главным образом благодаря настойчивым усилиям Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясудо и еще двадцати семей, которые, как и в России, называли новыми дзайбацу.

Именно они, готовясь к войне, повели широкомасштабное идеологическое «промывание мозгов» населения страны, установив государственную систему отравления сознания японцев ядом национализма. В основу всех форм и методов «просветительской работы» был положен принцип божественного происхождения, вечности и незыблемости японского монархизма. Особую роль отводили новоявленные идеологи воспитанию будущих солдат. И здесь на помощь им пришли те древне-феодальные системы, которыми пользовались на древней земле Ямато для воспитания воинов-зомби – самураев. Весь кодекс военной морали (бусидо), которым должен был руководствоваться японский офицер, начиная с обожествления самурайского меча и преклонения перед императором как высшим существом и кончая совершением харакири в случае военной неудачи или «потери лица», проникнут глубоко феодальными идеями.

Мозг японца, а в особенности военнотружущего, забивался всякой мифологией о происхождении японских островов, императорского дома и самого японского народа. И на этом строилась теория об особой миссии Японии по освобождению цветных народов от господства белых. А политическим выводом из всего этого являлось учение о «необходимости» войны и ее «вечной неизбежности» как средства осуществления «божественных предначертаний» и очищения земли от зла и грехов.

И все же до сих пор историки по-разному трактуют причину выжидания японской военщины относительно выступления против СССР. Конечно, военный конфликт у озера Хасан и последующие события на реке Халхин-Гол надолго умили аппетиты наиболее агрессивно настроенных генералов. Однако не только эти поражения оказались решающими при выборе даты начала большой войны. Все дело в том, что японские

разведывательные службы, как оказалось позже, довольно точно определили военный и экономический потенциалы СССР. На их основе правящие круги Японии сделали правильный вывод о балансе сил своей страны и ее могущественного соседа, потому и планы свои корректировали впоследствии с учетом результатов немецкого «блицкрига». И если поначалу, боясь опоздать к дележу «праздничного пирога», японский генштаб лихорадочно готовился к вооруженному вторжению на территорию Советского Приморья и последующего продвижения вплоть до Урала, то уже после первых поражений гитлеровских войск, даже самые нетерпеливые генералы согласились с необходимостью ждать...

И знает ли кто-либо из наших современников о том, что если бы Япония вступила в войну с Советским Союзом, то мир стал бы свидетелем использования для поражения живой силы противника и жителей тыла чудовищного, неслыханно античеловечного – бактериологического оружия? Знает ли кто-нибудь сейчас о том, что в распоряжении Квантунской армии, дислоцированной в Манчжурии, в непосредственной близости от границ с СССР, были тысячи прошедших спецподготовку профессиональных эпидемиологов, что в арсеналах спецотрядов хранились в боевой готовности тонны (!) самых опасных для человечества болезнетворных бактерий и что использование этого оружия уже, собственно (правда, пока в малых масштабах), японской военщиной практиковалось: на территории Монголии (против советских войск) и Китая (против войск партизанского движения)? Знает ли кто-нибудь сейчас о том, что в секретных лабораториях «фабрик смерти» бактериологическое оружие испытывалось на живых людях (китайцах, монголах, русских) которых даже по самым ориентировочным подсчетам прошло через руки убийц в белых халатах не менее 3000 человек? Застигнутые врасплох энергичным наступлением советских войск в августе 1945 года, чтобы скрыть следы своих звериных опытов, руководители спецотрядов уничтожили оборудование «фабрик смерти» (кроме самого ценного, которое впоследствии через Корею вместе с документальными материалами «исследований» передали американцам). А заодно уничтожили наработанные тонны бактерий, оставшийся в живых человеческий «подопытный материал» и даже свой младший обслуживающий медицинский персонал...

Описываемые в книге события охватывают период с июля 1941 года по сентябрь 1945 года, то есть с момента вероломного нападения Германии на Советский Союз и по завершению разгрома главной военной группировки Японии – Квантунской армии. Эти события пропущены через призму вымышленных автором и деталей, и ситуаций, а потому не претендуют на то, чтобы их воспринимали, как задокументированные факты. В число действующих лиц книги автор не мог не ввести реальных людей, оставляя тем не менее за собой право следовать законам беллетристики, описывая их личную жизнь. Однако в главных деталях событий автор строго следовал документальной базе, основанной на официально опубликованных материалах.

1.

Стук молотков и шум голосов за стеной, слившиеся за многие часы в монотонно-занудливую какофонию и напоминавшие Сиро Исии звуки давно забытых воспоминаний юности, связанные с его кратковременной работой на строительстве институтского лабораторного корпуса, неожиданно сменились пронзительно звенящей тишиной. И часы, висевшие в его спартански обустроенном спальном углу, рядом с которыми на полочке

взирал на мир невозмутимо скептическим взглядом изваянный в гипсе его друг и единомышленник, занимающий ныне высокий пост в военном министерстве – генерал Нагата, – тотчас же принялись пробивать 8 часов. Исии медленно встал из-за стола и подошел к занавешенному невесть как очутившимся в его кабинете куском нисидзинской ткани, по которой шел чудесный узор – цветы и птицы. Рассеянно взглянул на лакированную статуэтку камакурского Будды, стоящую неприкаянно на подоконнике. Вдали за горизонтом таял холодный тусклый свет еле видимого сквозь морозную пелену солнца. Во дворе, образованном четырехугольником главного здания отряда, чернело своей плоской, черепичной крышей приземистое строение с ровным рядом забранных в решетки окон. Редкие фигурки в солдатской униформе быстрым шагом пересекали плац, прячась в пружинисто хлопающих дверях от промозглого зимнего ветра. В замысловатом завихрении метались, ударяясь в окно, редкие снежинки, раскачивались провисшие провода, а из одиноко торчащей трубы строения рваными, рвущимися клочками тянулся еле приметный дымок.

Прозвучавший в немой тишине резкий и пронзительный звонок заставил Исии вздрогнуть.

- К вам начальник производственного отдела Киоси Кавасима, господин генерал, – услышал он в трубке телефона голос своего адъютанта.

- Пусть проходит.

Через минуту в дверь постучали, и в комнату вошел, с улыбкой на полном, ухоженном лице в безупречно отутюженной и хорошо сидящей форме человек, держа под мышкой черную кожаную папку.

- Учитывая вашу занятость, господин генерал, я постараюсь быть очень кратким, – сказал он, медленно гася улыбку и маленькими цепкими глазами глядя в глаза собеседнику.

- Я вас внимательно слушаю...

Посетитель достал из папки скрепленные листы бумаги и начал читать:

- Подготовка к опытам на полигоне станции Аньда в целом завершена. Рассмотрен список «бревен» – отобраны наиболее здоровые из числа военнопленных китайцев. Запланированный испытываемый материал апробирован и готов к отправке...

- Меня интересуют технические подробности, - жестко перебил его Исии, - Сколько и каких бомб приготовлено, каким образом будете их метать?

- Позвольте присесть, - попросил, невозмутимо склонив голову набок, Кавасима.

- Извольте, - придвинул ему стул Исии.

- Двадцать бомб серии 15 – энджи...

- С увеличенным расстоянием подлета?

- Так точно, господин генерал.

- «Бревна» из числа вновь прибывших?

- Так точно, подбирал лично...

- Проследите за их экипировкой, мне нужна чистота опыта.

Кавасима кивнул, и Исии заметил легкую тень недовольства, мелькнувшую в холодном взгляде его глаз, прикрытых крупными складками век. И как бы, пытаясь сгладить свою излишнюю придирчивость, Исии, еще минуту подержав паузу, добавил:

- Желаю удач. Я верю в вашу преданность общему делу.

Когда дверь, осторожно придерживаемая рукой посетителя, закрылась, Сиро Исии, грузно откинулся в кресле и прикрыл глаза. В его голове, давно привыкшей работать в жестком, расписанном по минутам режиме, поплыли картины предстоящих испытательных опытов. Ему нестерпимо захотелось самому присутствовать на этом, далеко не рядовом эксперименте, от результатов которого зависели планы последующих

разработок. Но его неожиданно вызвали именно на завтрашний день в штаб армии.

«Надо позаботиться о вызове оператора», - вяло подумал он. И ему снова привиделась жухлая трава на снежных проплешинах полигона с одиноко врытыми в землю столбами. Исии пока в этих своих видениях не видел привязанных прочными, кручеными из сырого льна веревками, людей. Он вообще привык видеть на месте всех, участвующих в его опытах недочеловеков нечто, наподобие подопытных мышей. Эти большие, мерзкие, тоскливоглазые мыши, в своей неопрятной и зловонной одежде всегда возбуждали в нем чувства омерзения и брезгливости. Но даже этих мышей он сейчас не видел. Он сверял в уме сказанные Кавасима цифры с цифрами, которые он тут же определял, как контрольные. Он умножал и делил в уме двухзначные и трехзначные цифры – и все это ради того, чтобы убедиться в надежности умерщвления подопытных людей.

Господин Исии был идеальной военной машиной. С детства впитавший в себя дух самурайства, идеи священного почитания бессмертного всемогущества рода «Ямато», он целенаправленно шел по жизни к военной службе. Даже тогда, когда под влиянием отца, влиятельного на Юге скотопромышленника, поступил на медицинский факультет императорского университета в городе Киото. Уже будучи студентом второго курса, он вдруг был озарен вспышкой гениального открытия: а что если страшными заразными болезнями заразить людей в том или ином, требующемся для целей Великой Империи, месте народонаселения? Чтобы потом войти туда хозяевами положения. Чтобы потом, потрясая колбами с заразой, держать в страхе и повиновении всех остальных - выживших. И тайное общение со священным Буддой внушало ему те же мысли. Не может человек по природе своей изначальной греховности обуздать в себе все, что ведет к неправильному общественному мироустройству. В мире людей, как и в любом живом мире, нет места жалости и сопереживанию. Иначе этот мир неизбежно рухнет в пропасть. Если не попытаться его спасти, вопреки жалким попыткам удержаться в созданном им угарном чаду плотского существования. Спасти жестко, хладнокровно – ножом по живому, как режет хирург, вырезая гнилую опухоль.

О, как он стремился стать военным. Как сладостны были ему парадные марши на плацу воинской части, куда он был зачислен на действительную военную службу. С какой гордостью он примерял форму поручика, когда получил свое первое серьезное назначение – военным врачом войскового госпиталя.

Это было провидением Божиим. Перстом судьбы. Священный Будда услышал его молитвы, и вложил в его руки Меч. В том, памятном для него 1924 году, его приняли аспирантом в Киотский императорский университет по теме исследования «Современная патология и бактериология». А затем через четыре года направили в заграничную командировку.

Два года Исии жадно впитывал в себя знания самых новейших исследований в области бактериологии в научно-исследовательских медицинских центрах Европы и Советского Союза. Его уже чуть ли не считали своим работником сотрудники медицинских НИИ сначала Москвы, а потом – Ленинграда.

Его влажные губы раздвинулись в довольной улыбке. С каким усердием вдалбливали в его оцепеневшую от обилия информации голову известные советские светила новейшие знания по болезнетворным микробам. Он приходил в свою общежитскую келью с ощущением выжатого лимона и только для того, чтобы, наскоро поужинав жареной яичницей, тут же забыться тяжелым, не пробуждаемым до самого утра

сном. И Будда, приходя в его сны, одобрительно и ласково смотрел на него, и незнакомые люди пожимали ему руку, и сам он был преисполнен гордости за свою великую миссию...

Часы пробили 11 часов. Зашуршала за окном снежная поземка, замигала вспыхнувшая нестерпимо ярким светом лампочка в настольной лампе, и Исии вдруг вспомнил, что уже через два дня начнутся новогодние праздники. И в памяти возник далекий родительский дом, обнесенный ровными ажурными рядами кирпичного забора. И большая слива у беседки. И длинная скамья у ворот. И дальний высокий берег речки, поросший диким кустарником. И бескрайнее, уходящее за горизонт, колышное ветром море пшеницы. Он вспомнил те нестерпимо долго тянувшиеся мгновения перед началом ударов большого бронзового колокола, установленного на площади перед зданием городской управы. «Бам! Бам! Бам!...», - далеко окрест летели счастливо-тревожные, возвышенные и очищающие душу звонкие, долгие звуки. И когда пробивал последний сто восьмой удар, все вокруг смолкло: это в священной книге жизни открывалась новая, чистая страница.

Исии открыл ящик стола и из пухлой пачки бумаг вынул потрепанную цветную репродукцию. Он аккуратно разгладил ее ладонью и подумал: «Забавно, кого бы я выбрал себе в союзники сегодня?». Бога удачи Эбису, который в затейливой позе стоит с удищем в руке и окунем под мышкой? Или бога финансового успеха Дайкоку – дородного деревенского бородача, восседающего на куле с рисом? Или улыбчивого и круглолицего бога судьбы Хотея? Или ученого вида старца, которого называют богом мудрости Дзюродзином? Или бога долголетия Фуку-року-дзю – маленького лысого старичка с непомерно высоким лбом? Или стоящего на картинке особняком в шлеме и доспехах рослого Бишамона – покровителя военных, полицейских и врачей? Или единственную женщину в обществе семи богов – прекрасную покровительницу искусств Бентен со своей неизменной лютней в руках?

И когда он укладывал картинку под подушку, бережно отогнув подвернувшийся уголок, то мысленно загадал: «Бога удачи...».

2.

«Только для служебного пользования!»

«Руководство для оперативного сотрудника (часть 1-я).

Из дел Муданьцзянской Японской военной миссии.

Вх. № 9.

Руководство по службе секретной войны.

Страница 112.

Приложение.

Основные положения допроса военнопленных.

Страница 113.

Общие положения.

1. В настоящих положениях предусматриваются случаи производства допроса в целях сбора информации, но сюда не включается допрос преступников.

2. Лица, сдавшиеся в плен, перебежчики, захваченные шпионы противника, нарушители границы, экипажи самолетов, совершивших вынужденную посадку или кораблей, вынужденно приставших к нашим берегам, бежавшие из плена лица, служившие ранее в нашей армии, население вновь оккупированных нами районов, а также

бежавшие к нам мирные жители из сферы влияния противника допрашиваются, за исключением особых вопросов, применительно к методам ведения следствия и допроса военнопленных.

Страница 124.

62. Иногда, в зависимости от обстановки, выгодно применять пытку, но нередко это может вызвать вредные последствия, и поэтому, прежде чем применять ее, необходимо тщательно взвесить, следует ли это делать или нет. Вместе с тем пытка должна производиться таким образом, чтобы это не имело для нас дурных последствий.

Страница 125.

63. Пытка, причиняя физические страдания, должна поддерживаться и продолжаться таким образом, чтобы не было иных способов избавиться от страданий, кроме дачи правдивых показаний.

Пытка является выгодной с точки зрения скорости, с которой сравнительно легко можно заставить лиц со слабой силой воли дать правдивые показания, но при этом имеется опасность, что допрашиваемый, чтобы избежать страданий или стараясь угодить допрашивающему, наоборот исказит истину.

У лиц с сильной волей пытка может усилить волю к сопротивлению и после допроса оставить озлобление против империи.

64. В отношении лиц со слабой силой воли пытка обычно применяется в тех случаях, когда даже при наличии улик допрашиваемый не говорит правду, но имеются полные основания полагать, что этот человек в случае применения пытки будет говорить откровенно.

65. Необходимо иметь в виду, что способы пытки должны быть такими, чтобы их было легко применять, чтобы можно было без чувства жалости поддерживать страдания и чтобы в результате их не оставалось ни ран, ни шрамов. Однако, в тех случаях, когда необходимо вызвать чувства опасения за жизнь, можно не считаться с причинением допрашиваемому вреда, но необходимо делать это так, чтобы не лишиться возможности продолжать допрос.

Можно привести следующие примеры пыток:

1. Заставлять сидеть прямо и неподвижно.
2. Заложив между пальцами по карандашу недалеко от оснований пальцев, связать концы пальцев веревкой и шевелить их.
3. Положив допрашиваемого на спину (ноги рекомендуется положить немного выше), капать воду одновременно в нос и рот.
4. Положив допрашиваемого боком, топтать ему щиколотку.
5. Ставить под полку, находящуюся на такой высоте, чтобы под нею допрашиваемый не мог стоять прямо.

66. В том случае, если допрашиваемому случайно нанесено ранение, необходимо, учитывая общую обстановку и пользу родины, принимать решительные меры, беря за это на себя ответственность.

67. При получении показаний в результате применения пыток следует проверить, не являются ли эти показания результатом стремления избежать мучений и угодить допрашивающему; в этих случаях необходимы какие-либо подтверждения правдивости показаний.

Страница 126.

68. При применении пытки необходимо убедить человека, подвергнутого пытке, в том, что применение к нему пытки было вполне естественной мерой, или же принять такие меры, чтобы он из чувства самолюбия, из чувства чести и т.п. не сказал об этом

впоследствии. В отношении же лиц, от которых нельзя этого ожидать, принимать такие же меры, как указано в отношении случаев случайного нанесения ранений.

69. О применении пыток не должен знать никто, кроме лиц, имеющих к этому отношение. Ни в коем случае нельзя, чтобы об этом знали пленные. Очень важно принимать меры к тому, чтобы не слышны были крики...»

* * *

Начальник Харбинского лагеря «Хогоин», что по-русски означало вполне благопристойное – «приют», Хирано Эдзима обычно после обеда (он ездил обедать домой, благо квартира, которую они с женой снимали в скромном квартале Харбина была всего в двадцати минутах езды от гарнизона) по возвращении в часть отдыхал. Приказав адъютанту никого не пускать, он раскладывал пасьянс и предавался тайному пороку азарта, находя удовольствие от удачной комбинации ходов. Он придумал для себя это занятие сравнительно недавно, но настолько втянулся в него, что оно казалось ему давнишним и всегдашним. Он забывал в эти минуты обо всех превратностях судьбы, забросившей его в этот богом забытый уголок Маньчжоу-Го, забывал о постоянно саднившей душевной ране, ноющей всякий раз, когда вспоминался старший и любимый сын Кунихико, погибший в прошлогодней военной кампании в Центральном Китае.

Эдзима, выросший в небогатой крестьянской семье, никогда не хватал с неба звезд. Все, что ему предписывалось делать по долгу службы, он делал добротнo, обстоятельно, проявляя всеми замечаемое усердие. Призванный в армию рядовым, он уже через три года получил первый офицерский чин, потом через два года следующий. Правда, потом его карьерный рост остановился и только в 35-летнем возрасте в звании старшего унтер-офицера он был переведен в личную охрану «императора» Маньчжоу-Го Генри Пу-И.

К сорока годам Хирано Эдзима обрел солидность старого вояки, вальяжность в движениях и необходимую жесткость в принимаемых решениях. Он знал себе цену, а потому распоряжение начальника военной миссии, его давнего знакомого, о назначении начальником лагеря «Хогоин» воспринял без особых волнений – как должное.

Он ничего не стал менять в установившемся лагерном порядке. Понемногу вникнув в хитросплетение взаимоотношений личного состава и уяснив, что влияние его на дисциплинарное состояние вверенного ему подразделения только на пользу, он потихоньку отпустил вожжи правления, которые поначалу им были слегка натянуты. Он даже всю фактическую работу по оперативному руководству переложил со временем на своего заместителя – холерически беспокойного поручика Кендзи Ямагаси.

Господин Эдзима не раз ловил себя на мысли о том, что начинает считать чем-то чуть ли не подвохом, ставящим под сомнение его собственную деятельность, удивительную работоспособность и вечное, порой кажущееся неестественно нарочитым, рвение к выполнению служебных дел своего заместителя. Но его природная слабохарактерность брала верх, и он, не снимая с лица маски надменной суровости, позволял внутрिलाгерным событиям развиваться своим чередом.

Его благодное пребывание в состоянии послеобеденной дремы вдруг прервал телефонный звонок. Звонил телефон внутренней связи, а потому Эдзима, крайне раздосадованный, резко спросил:

- Ну, что там случилось?

- Осужденная из 3-го барака грубо нарушила распорядок..., - сухим, бесстрастным голосом доложил ответственный дежурный.
- В чем это выразилось?
- Она избилла следователя...
- Что-что? – скорчив на лице болезненную гримасу, прошипел Эдзима.
- Когда он вошел в камеру, набросилась и ударила...
- Немедленно обоих ко мне! – прервал дежурного Эдзима и бросил трубку.

Разложив бумаги на столе, в ожидании вызванных он привычным взглядом армейского чиновника бегло осмотрел их, выбирая по срокам исполнения очередность. «Список лиц для специальной отправки», - прочел он на одной из них. «Вот он – перст судьбы, - не потревожа мимики лица, усмехнулся господин Эдзима. И мысль, крамольная и дерзкая ликующей волной ударила в виски. – Да, вот я, маленький человек, букашка, ползающая по кроне дерева, как сам Бог, творю и милую судьбы...одна моя печать – и все...и нет вселенной, которая жила, возносилась к земным устремлениям, страдала и верила, мечтала и любила – в плотской оболочке человека...

Но, как существо, уважающее религиозные традиции и понимающее их древний и потаенный смысл, господин Эдзима вдруг явственно ощутил чудовищное богохульство своих мыслей. Он поднял глаза к потолку и медленно начал вспоминать слова прощения, и лишь приглушенное эхо шагов в коридоре прервало эту его сентиментальную затею.

...Следователя он тотчас же после доклада отпустил и нетерпеливо уставился в дверь в ожидании осужденной. Когда ее ввели, даже у такого заскорузлого вояки, как Эдзима, сердце екнуло от неожиданной острой жалости: меж двух рослых конвоиров, закованная в ручные кандалы, стояла хрупкая и юная миловидная женщина, внешность которой не портили ни ветхая одежда, ни ссадины и кровоподтеки на теле и лице. Он попросил конвоиров оставить их наедине, разрешил осужденной присесть на стул, дружески спросил:

- Вы говорите по-японски?

Женщина дерзко взглянула ему прямо в глаза:

- Да...

- Ваше имя, фамилия, за что и где арестованы?
- Светлана Зубова. Арестована в Харбине в мае этого года. За что и по какой причине меня арестовали, я не знаю. Я прошу предъявить мне официальные обвинения. Меня уже полгода держат здесь, ничего не предъявляя и ни в чем не обвиняя.
- Почему вы ударили следователя? – сухо спросил Эдзима.
- Он меня пытал...
- То есть?
- Вы не знаете, что позволяют себе ваши подчиненные?

С минуту они сидели, глядя друг другу в глаза. Первым не выдержал Эдзима:

- Кто ваши родители? Чем вы занимались до ареста?
- Мой отец бизнесмен. Матери нет. Я училась в институте.
- Почему вы так хорошо знаете японский язык?
- Не уверена в том, что хорошо...на уровне обыденной разговорной речи...а учил меня языку мой папа...
- Вам нравится наша страна?
- Да, нравятся ваши обычаи, ваши люди...Но не все...
- А именно?
- Военные.

- Значит, и порядки вам наши не нравятся?
- Да.

Господин Эдзима вдруг поймал себя на щекотно зашевелившемся в его грузном и неопратно выпирающем из-под ремня форменных брюк животе желании возобладать телом этой бесноватой и явно сумасбродной горячки. Он, закинув ногу на ногу, пристально, не стыдясь и не прикидываясь аскетом, как это было обычно в его правилах, начал вожделенным взглядом осматривать оголенное тело арестантки.

- Ну-с...я вас слушаю...

А в голове уже, торопливо и сладостно жгуче тесня друг друга, выстраивались картинки похотливой игры с покорным женским телом, постепенно перетекающей в выстраданное соитие...И не стараясь призвать на помощь вышколенное годами службы армейское самообладание, которое всегда в случаях, граничащих с нарушением инструкций, выручало его, он цепко и вожделенно устался на маленькие груди Светланы.

- Я хочу дать вам шанс...но при одном условии...,- начал вдруг изменившимся голосом он, и с нижней мясистой губы на лежащий перед ним список упала смачная капля слюны.

«Будда всемогущий...что я делаю?», – импульсом толкнулась мысль в голове господина Эдзима. «Прощу ли сам себя, когда покаюсь...» – вспомнил он стих одного древнего поэта и прикрыл лицо руками.

- Нет! – резко вскинувшись и дерзко вперив в лицо Эдзима свои источавшие ненависть глаза, пронзительно тонко вскрикнула осужденная.

...Когда конвоиры вошли в кабинет господина Эдзима, он коротко бросил:

- Перевести ее в общую камеру для особых отправок.

3.

«Только для служебного пользования!»

Совершенно секретно.

Штаб Квантунской жандармерии.

Отдел по особо важным делам.

№ 120

Уведомление

по поводу «особых отправок»

(«Токуи Ацукаи»).

На основании приказа довожу до сведения, что, хотя в данном вопросе следует руководствоваться документом № 58 отдела полицейской службы штаба Квантунской жандармерии от 26 января 1938 года, тем не менее, при отборе желательно придерживаться норм, изложенных в нижеследующем приложении.

Характер преступления	Факты биографии	Характер истика лица	Наши расчеты	Другие мотивы
Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела			Если оно не представляет ценности для провербровки и обратной	

в суд лицо будет приговорено к пожизненной каторге или смертной казни.			заброски.	
В качестве разведчика или диверсанта лицо неоднократно переправлялось в Маньчжурию и до последнего момента занималось этой деятельностью.		Если оно просоветски или антияпонски настроено.	Если оно не представляет ценности для перевербовки и обратной заброски	
Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет оправдано или осуждено на короткий срок и вскоре выйдет из тюрьмы.	Если это бродяга, не имеющий постоянного места жительства и родственников. Опиокурильщики .	Если лицо просоветски или антияпонски настроено. Нелояльные элементы.	Если лицо не проявляет чувства раскаяния и есть серьезная опасность, что оно снова повторит преступление	
Лицо занималось противоправной деятельностью в прошлом.	Если лицо было партизаном или совершало подобные этому вредоносные действия.		Если нет надежд на его перевоспитание.	
Лицо было связано с другими видами оперативной деятельности или же если его существование весьма невыгодно для армии и государства, в связи с причастностью к важным секретным вопросам.				
Единомышленники лиц, подпадающих под категорию «особые				Если, несмотря на незначительность преступления,

отправки» («Токуи Ацукаи»).				освобождение их нежелательно.
Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет приговорено к смертной казни.				
Лицо было связано с другими видами оперативной деятельности.				

Примечание: Начальники жандармских отрядов при определении того, как поступить, исходя из перечисленных выше норм, с тем или иным лицом, должны тщательно учесть с точки зрения внутренней обстановки в Маньчжоу-Го, как это отразится на государственной политике, на обществе, на общественной морали, и, взвесив все это, с полной решимостью могут ходатайствовать перед начальником Квантунской жандармерии о применении «особой отправки» («Токуи Ацакаи»).

* * *

Это была первая ночь за все время пребывания в лагере, когда ей удалось выспаться. Светлана смутно помнила, как два дюжих конвоира вели ее по глухим и молчаливым коридорам мрачного здания, стоявшего отдельно от всех остальных лагерных строений. В камере, куда ее грубо толкнули, в непривычно после солнечной улицы глухой темноте неясно шевелились на полу полу люди, полу призраки. Она бессильно опустила на пододвинутую кем-то соломенную циновку, и тут же ее изнемогающее от усталости сознание стало медленно меркнуть.

Когда Светлана проснулась, то первое, что увидела – это по-матерински ласковые глаза склонившейся над ней женщины.

- Ну, вот и проснулась девонька...Ишь как намаялась. И ужин проспала, и завтрак. На-ко вот поешь, я на тебя попросила – и вот дали.

Женщина протянула ей жестяную кружку, в которой тускло поблескивала какая-то бурая жидкость, а на ее ладони лежали две крошечных лепешки.

- Где я? - тихо спросила Светлана.
- В тюрьме, где же еще, - не поняла ее женщина.
- Нет, я не про это..., - туго соображала, что говорит Светлана.
- Если ты про нашу камеру, то она для пересыльных...
- Это значит, что нас собираются куда-то переводить?
- Я от людей слышала..., - уклончиво ответила собеседница.

Только после своего нехитрого завтрака Светлана начала приходить в себя. Она

рассказала сердобольной собеседнице, которая назвалась Татьяной, немного о себе. Потом они вместе слушали такой же незатейливый рассказ подсевшей к ним немолодой худощавой женщины, до этого лежавшей неподвижно к ним спиной. Когда подошло время обеда, дверь настежь раскрылась, и в камеру, впустив с собой острый морозный воздух, с тяжелым энергичным топотом вошли пять конвоиров с цепями и веревками в руках. Они деловито надели цепные кандалы на руки и ноги сидящих на полу женщин, помогли им встать и приказали выйти в коридор. Там их заставили ждать, и только после того, как у входных дверей затарахтел мотор подъехавшей машины, вывели на улицу. Все это время Светлана силилась понять, куда ее хотят переводить? Вначале у нее мелькнула шальная мысль о том, что либо отец, либо Сацо смогли ее выцарапать из цепких лап жандармерии. Но вскоре эта мысль сменилась отчаянием: если везти на свободу, зачем надевать кандалы?

Как в кошмарном сне шла Светлана, брэнча цепными кандалами, до высоких проволочных ступенек черного фургона. Потом тряслась, прижавшись к не менее напуганной неясными предчувствиями Татьяне, на жестком металлическом сиденьи в полутемном, перегороженном решетчатыми клетками, тоскливом и зловеще холодном пространстве машины. Потом шла по каким-то мрачным, пахнущим затхлостью и гниением подземным коридорам большого здания, пока не очутилась в камере с маленьким подслеповатым оконцем в верхней части двери, циновками на полу и парашей у входа, в углу. С ее появлением на полу камеры обозначилось движение, и три женщины неопределенного возраста с такими же кандалами на руках и ногах, приподнявшись чуть от пола, повернули головы в ее сторону.

- Боже мой..., - только и смогла выдавить из себя Светлана, опускаясь на свободную циновку.

4.

Она уже давно перепутала день с ночью и сон с явью. Она никак не могла понять, почему этот кошмар не прекращается и почему никто не приходит ей на помощь и не вытаскивает из этой дурно пахнущей, сырой и холодной камеры? Ей почему-то всегда казалось, что судьба благоволит ей. Даже в самые трудные минуты она верила, что все повернется к лучшему. И это было всегда именно так. Светлана знала себя, как существо крайне миролюбивое, тактичное и умеющее сострадать. А потому ей никогда не приходило в голову, что именно по отношению к ней кто-либо может сотворить зло. Но зло уже было сотворено. И она, красивая, молодая и здоровая беспомощно ждет своей пока не известной, но какой-то ужасной участи. Вот это ее руки, ее тело...а вот окрашенные темно-зеленой краской стены камеры...вот оконце с головой надзирателя, устанавливающего на полочку жестяные миски с дымящейся едой...вот соседка-китаянка со спутанными волосами и болезненным выражением лица...вот стопка книг на китайском языке, которые, судя по всему, никто не читает...вот дальние шумы, наводящие ужас – чьи-то крики и отчаянные стенания. Ей казалось, что выходом из всего этого должно (просто обязано) стать объяснение ей ее положения. Если нет надежды на спасение, и она обречена, тогда зачем ее кормят и тем самым поддерживают ее страдания? Она тщетно пыталась добиться через надзирателя, чтобы ее вызвал на допрос какой-либо тюремный чин и все ей разъяснил. Но вместо этого появившийся как-то в камере молодой и ухоженный японец в военной форме задал ей несколько вопросов, записал ответы в тоненькую тетрадку и, выдав на прощание бирку с ровными и красивыми цифрами 826, вежливо улыбнулся и ушел.

И снова память листала, перелистывала и путано возвращалась к тому, что уже было давно прочитано... Вот она маленькой девочкой сидит в городском саду. На руку садится огромный синий и усатый майский жук. Ей смешно от того, как он топорщит усы и щекотно. А у входа в беседку стоит женщина в длинном светлом платье и протягивает руки. И зовет. И маленькая девочка бежит ей навстречу, и так радуется, что горло перехватывает от счастья... А вот она уже чуть повзрослевшая сидит на диване и беспечно качает ногой. За окном видно море. На море плывет какой-то большой корабль. На кровати лежит больная мама. Она молчит, а в руках теребит носовой платок. Входит папа с мужчиной доктором. Они о чем-то шепчутся у окна. И до сознания девочки долетает страшное: «...не сегодня завтра она умрет...». А потом – грозовой дождь. Папа держит девочку за руку, и они шагают, накрывшись одним зонтом, по размытой и мокрой дороге. А впереди телега. На ней гроб. Возчик идет рядом с лошадьёю. А девочка горько и безутешно плачет...

Как часто Светлана ловила себя на том, что втайне завидовала всем-всем своим подругам только за одно то, что у них у всех были мамы. После смерти матери отец куда-то надолго исчез. А потом, явившись в бабушкин дом обветренный и пропахший запахом конского пота, сказал Светлане коротко: «Собирайся, поедem искать счастья...».

У нее долго хранилась церковная метрика: родилась в городе Далматово 21 мая 1918 года, отец – Зубов Антон Никитович – православный, мать Елецкая Марта Генриховна – католичка, круглая печать с надписью: «Максимовская церковь, Шадринской епархии» и подпись – протоирей такой-то.

Как очутились они сперва в Китае, а потом в Маньчжурии – отец рассказывал неохотно. Светлана знала только, что вскоре после революции отец воевал на юге России в составе белоказачьих войск. После поражения в степях Оренбуржья белоказаки повернули на восток, так с боями и дошли до Маньчжурии. В 1920 году отец на паях с одним белоказачьим генералом построил в китайском городке Дайрене небольшую мебельную фабрику, которую впоследствии выгодно продал и перебрался в Харбин, где в то время уже довольно внушительно разрослась русская диаспора.

В Харбине Светлана поступила в русскоязычную школу, а потом – в политехнический институт в группу, где преподавание тоже велось на русском языке. Так настоял отец, хотя уже в детском возрасте Светлана вполне прилично говорила по-китайски: ей почему-то очень легко давались восточные языки. Когда в Маньчжурию пришли японские солдаты, и повсюду стала слышна японская речь, Светлана освоила и японский язык.

Она впервые вспомнила слова отца о том, что должна в далеких от родных мест краях найти свое счастье тогда, когда встретила Сацо – красивого рослого парня с лицом цвета персика и жесткой, черной ниточкой усов над яркими губами чувственного рта. Если бы ей когда-нибудь кто-то сказал, что ее первой по-настоящему серьезной любовью будет японский парень, она бы тому просто рассмеялась в лицо. А он, Сацо, покорила Светлану с первого взгляда. Он был чутким и нежным, умным и веселым, озорным и тактичным. Он был очень начитанным, и разговаривать с ним было всегда – одно удовольствие. Но весь ужас положения Светланы заключался в том, что Сацо служил в городской жандармерии, и ему его армейский устав категорически запрещал «вступать в легкомысленные знакомства», тем более, с девушкой из оккупационной зоны. Они

встречались тайком: то на квартире у подруги, то в дальних, потаенных уголках городского парка.

Уже после второй встречи Светлана знала почти все о детстве и юности Сацо. Родичи Сацуо Ямадзаки жили в Токио, неподалеку от делового района Марунти, в обычной японской хижине с раздвижными стенками и без окон. Семья Сацо, хотя и была потомственной рабочей, все же благодаря стараниям отца семейства имела некоторый, необходимый для достойного существования достаток. По сравнению с иными, безнадежно нищими семьями, они даже могли сойти за крепкую, средней руки семью. Тем не менее, для семейства Сацо никогда не был свойственен так характерный для многих японцев культ императора. Большое влияние в этом смысле на семью оказал в свое время дед Ямадзаки, друживший с одним из известнейших смутьянов – Сэна Катаяма. Когда в бессмысленной бойне «Сингапурского конфликта» погиб старший брат Ямадзаки – Катори, семья прозрела окончательно, и уже никто в их доме не величал живущего неподалеку высокопоставленного соседа титулом «охорибата», благороднейшей особой, живущей во дворце за рвом. Со смертью первенца сразу постарели и угасли родители. Старенькая ама, работавшая учительницей начальных классов, оставила работу, и уже больше никогда не говорила, будто все они живут «в эпоху Сева», то есть в просвещенном цивилизованном мире. Ушел из семейного бизнеса и отец, все чаще пропадая в компании, таких же обиженных жизнью пенсионеров, коротающих вечера за широкими чашечками подогретого сакэ.

Отец Светланы, узнав от дочери о ее тайных встречах, был вначале так раздосадован, что целую неделю ходил с большой головой. Но потом, убедившись в серьезности ее и, главным образом, его намерений, стал невольным союзником их наивных конспираций. Он, как страус, прячущий голову в песок, гнал, куда подальше мысли о нехорошем, позволив развитию отношений его взрослой дочери со своим избранником пуститься в непредсказуемо свободное плавание. Верил ли он в конец войны, как в единственно возможное благоприятное стечение обстоятельств? Скорее всего, да. Иначе бы сделал все возможное, чтобы отношения прервать. И дочь ему была за это благодарна. Она хорошо знала характер отца, и то, что он принял и понял ее любовь, было подтверждением ее мыслей о его глубокой порядочности и утонченности души.

Память, помедлив, листнула последний листок... Вот последний день июня. Радио захлебывается от бойких сообщений о боевых действиях на германо-советском фронте. Позади последний экзамен за третий институтский курс. Хочется подольше понежиться в постели... Длинный тревожный звонок в дверь. Люди в форменной одежде. Безвольное тело отца на диване, безумные глаза соседки, прибежавшей на шум... И все – дальше пробел...

5.

Подписанный 27 сентября 1940 г. военный союз между Японией, Германией и Италией оказался для мирового сообщества громом среди ясного неба. Особенно для стран, у которых с Японией были отношения, увязанные в тугий узел политико-экономических интриг. Вскоре после начала второй мировой войны (с ноября 1939г.) конгресс США отменил запрет на вывоз оружия и стратегических материалов в воюющие страны, открыв глобальные горизонты для своих промышленных монополий.

Рассчитывала на военный нейтралитет с Японией, ведущая свою игру в Тихом океане и Великобритания. И этот родившийся в умах политиков, вознамерившихся стать властелинами мира, «Тройственный пакт» заставил ведущих игроков планетарной политики внести в свои отношения с Японией существенные коррективы. В Вашингтоне незамедлительно начались совместные совещания государственного секретаря США с британским, австралийским и голландским послами по вопросам организации обороны дальневосточных владений этих стран. Англия, оказавшись, как в Европе, так и в Азии бессильной перед лицом «оси», вынуждена была, «наступив на горло собственной песне», протянуть униженно руку за американской помощью. Более того, пытаясь охладить пыл японцев в отношении Китая, США (а конкретно американский Экспортно-импортный банк) предоставил этой стране заем на сумму в 25 млн. долларов.

Но, как покажет дальнейший ход событий, и американские, и английские политики будут постоянно иметь запасной вариант влияний на военное противостояние с Японией, имея в виду ее никогда не ослабеваемые аппетиты в отношении территорий СССР.

* * *

Этот пакет с красной полосой и грифом «совершенно секретно» уже порядочно намозолил глаза господину генералу Иосидзиро Умедзу, главнокомандующему Квантунской армии. Он лежал поверх почты, которую принес накануне совещания его адъютант, и, как только генерал опускал голову, чтобы собраться с нужными мыслями, его взгляд тут же наткнулся на эти каллиграфически выведенные черным по синему иероглифы. Он вначале никак не мог понять: от кого пакет? А когда уже под конец совещания прочитал внизу выведенное мелким шрифтом: «генерал Сиро Исии», то сразу же, не дожидаясь окончания доклада начальника стратегического отдела штаба армии Томокацу Мацамура, положил его перед собой.

Генерал Умедзу уже три дня ожидал доклада главного бактериолога армии. Для него была полной неожиданностью прозвучавшая на совещании у главы правительства генерала Тодзио фраза господина императора о том, что «в рамках плана «Кан-Току-Эн» преступно медленно ведется подготовка к боевым действиям бактериологического оружия». Он терялся в догадках, что хотел этим сказать господин император. Научно-исследовательские работы по изучению и наработке смертоносных бактерий шли в таком неслыханно бурном темпе, что применение этого оружия в боевых условиях уже приобретало вполне реальный характер.

Господин генерал обвел взглядом припухших глаз, красных от еще не отпустившей его простудной болезни, притихший зал заседаний и, медленно ворочая языком, с тяжелым придыханием спросил:

- У кого есть вопросы и объявления?

Выдержав паузу в долгих три минуты, генерал нажал кнопку звонка и влетевшему в зал заседания референту, моложавому и совершенно седому офицеру набрякшим тяжестью рвущегося наружу негодования голосом резко спросил:

- Где Сиро Исии?

- Ожидает Вас в приемной... - ничуть не смутившись, бойко

ответил референт.

- Извольте объясниться..., - голос генерала сорвался на фальцет.

- Я Вам докладывал вчера вечером... У него на сегодня назначены

испытания...Вы согласились принять его утром...

- Испытания?
- Так точно...

Генерал Умедзу пожевал губами и, махнув рукой, все тем же раздраженным голосом жестко сказал:

- Господа офицеры! Господам Кадзицука и Такахаси остаться. Остальные все свободны.

* * *

Тонкий лучик солнечного зайчика упал на подушку, и комната ожила, простреленная струящимся наискосок от окна до пола потоком пляшущих пылинок. Где-то неподалеку надсадно затарахтел мотоцикл. А за стеной привычно шумели голоса немолодых соседей – украинцев с русскими фамилиями, - которые с утра до вечера выговаривали друг другу всякие обидные слова.

Антон Зубов лежал, уставившись тупо в потолок, а в голове среди беснующейся кутерьмы мыслей настойчиво звенел, прорываясь болезненным стоном вопрос, на который, похоже, уже не было ответа: «...где же моя бедная девочка?». Вчерашние слова жениха Светланы Сацуо Ямадзакки о том, что ее следы теряются в застенках «Хогоин», ввергли Зубова в состояние бессильной прострации. Он понимал, что это какая-то чудовищная ошибка, что его девочку перепутали с какой-то другой, возможно, и преступницей. Но что делать, если она уже попала в жернова безжалостной карательной машины, шестеренки которой по японской щедрости обильно смазаны маслом, а потому никогда не проскользнут вхолостую и, тем более, не дадут обратного хода. Сацуо успокаивал Зубова тем, что один его приятель согласился при случае поговорить о Светлане с самим начальником лагеря Эдзима, сына которого он когда-то знал по армейской службе. Но эта надежда была до того призрачной и хлипкой, что Антон Никитович воспринимал ее, как слабое помахивание листом бумаги над разверзшейся кровавой сущностью раной. «Что с ней? Как она с ее хрупким тельцем и не очень крепким здоровьем держится в тюремных камерах – каменных мешках с оконцами в решетках? А может быть она, не выдержав испытаний, уже умирает медленной и мучительной смертью...». Горло Зубова поперхнулось подкатившим изнутри комом, он закашлялся, и слезы полились из его глаз... «Если бы я знал...как мог я пойти на поводу у компаньона, убедившего остаться в оккупации?». Он поглядел в окно, в котором беззаботно синело чистое, без единого облачка небо. «Как это возможно? Почему не разверзнется бездна, не заполыхают пожары, коли на свете в открытую свирепствует зло? Как это можно живого человека, невинного, как дитя, никого в своей жизни не обидевшего пытаться и корезить, увечить и лишать жизни? И ведь они...те, кто ее пытаются, тоже люди...такие же, как и я, как она, моя девочка...такие же, как и все, кто живет повсюду рядом с нами и вдали от нас...с такими же руками, ногами, головами...с такими же привычками, мечтами и привязанностями...Они тоже едят, пьют, влюбляются, радуются и гnevаются...верят во Всевышнего...У них тот же мир перед глазами...те же дома и строения и та же зелень, те же птицы и то же солнце над головой...Так что же в этом мире неправильного, коли разум у людей не исключает жестокостей и убийств в отношении себе подобных? Как же подло это восприятие, как обыденного явления – к уже даже самой возможности мучить и

терзать физическими болями тела себе подобных живых существ. Убийство врага на поле боя или недруга в кровавой драке, хоть это дикость и варварство, - но все же как то можно, наверное, оправдать...а заточение в неволю и садистские пытки...это что такое? Боже праведный...неужто нету спасения?

И мысли о Боге вдруг как будто пробудили Зубова от сумасшествия. Он быстрым шагом направился к тазику для бритвы, взял со стола и пожевал черствую корочку хлеба (он со вчерашнего вечера ничего не ел)... Его живая и деятельная натура медленно, но решительно стряхивала с души так ей не свойственное маразматически безжизненное оцепенение. «Надо действовать! Надо немедленно искать выход на большое тюремное начальство...в конце концов и среди них есть тоже люди...только бы не опоздать...».

6.

Свет в маленькой комнатке, скромно задрапированной серо-зеленым армейским сукном, погас и тут же на осветившемся экране появилась многозначительная надпись «Особо секретно. Только для служебного пользования». Генерал Умедзу медленным движением достал носовой платок и отер обильно залоснившийся потом лоб. Его живые глазки засветились огоньком острого предвкушения и потянулись к кончику указки, которую снял с крючочка господин Исии.

Вначале на экране возникла картинка большого и ровного, поросшего редкой травой поля с одиноко стоящим поодаль самолетом. Потом крупным планом наехали фигуры трех рослых солдат, крепящих к фюзеляжу самолета какую-то цилиндрического вида штуковину. «...Аппарат, содержащий блох, зараженных чумой, - прошелестел голос Исии в тот момент, когда указка уткнулась в торец штуковины. – А это, - указка скользнула по укрепляемому к крыльям самолета прибору, - аппарат для распыления».

Потом по приставной лестнице на самолет поднялись облаченные в обычную летную форму четыре человека. И вот уже винтокрылая машина, повихляв неуклюже хвостом и смешно подпрыгнув, превращается в маленькую черную точку, уползающую за пределы экрана. Появившийся голос за кадром приятным баритоном тут же пояснил, что самолет летит в сторону противника. Поплыли едва различаемые с высоты полета строения китайских деревушек, отчетливо стали различимыми передвижения по дороге военной техники... Самолет чуть заваливается набок и от его крыльев отделяется клубящимся облаком темный дымок... Когда самолет садится наконец и выруливает на стояночную площадку, на экране крупными, каллиграфически безупречными буквами высвечивается по-военному сухая надпись: «Операция окончена». Показываются вылетаемые из самолета люди, подъезжает дезинфекционная машина, и на экране появляется еще более лаконичная надпись: «Результаты». И сразу вслед за ней во весь экран – китайская газета, которую начинает тут же переводить уже знакомый баритон: «Вчера в районе Нимбо была обнаружена сильная вспышка чумы... объявлен карантин... ведется расследование...предположительно – это провокация со стороны японской армии, на что указывает факт пролета над указанным районом японского самолета, из под крыльев которого был замечен очевидцами выпускаемый дым...».

Когда был включен свет, Исии суетливо убрал со стены экран и ловко повесил, закрепив кнопками, плакаты со схемами и таблицами. Генерал Умедзу поморщился:

- Я попрошу Вас, господин Исии, ответить на несколько вопросов...

- Слушаю Вас, господин генерал...
- Первое и самое главное: насколько же эффективно действует искусственное заражение?
- В естественных условиях, господин генерал, начал уклончиво Исии, - эпидемия чумы возникает легко, а искусственное создание эпидемии не так легко...изучая причины, почему это так, мы пришли к выводу, что недостаточно иметь одни только патогенные возбудители, чтобы при помощи их можно было создать эпидемию. Нужно хорошо знать физиологические условия и физиологические особенности людей. Только при условии изучения физиологических особенностей человека можно узнать условия возбуждения искусственной эпидемии.
- Вы имеете в виду те опыты, какими занимаетесь уже в течении трех лет?
- Да, господин генерал...и наработки уже имеются...
- Не маловато ли наработок для столь приличного для экспериментов времени? – резко прервал его Умедзу.

На мгновение в просмотровой комнатке воцарилась тишина. Лицо господина Исии, бледное и лишенное эмоций, казалось, окаменело.

- Ну, ну...- встретившись взглядом с цепкими и упрямыми глазами Исии, сказал генерал, - прошу Вас – продолжайте.
- ...как известно, для бактериологической войны существуют различные методы, и такими методами являются: во-первых, метод диверсий, во-вторых, применение артиллерийских снарядов и, в-третьих, применение авиабомб. Артиллерийские снаряды и авиабомбы делаются из металла, но если начинить эти бомбы и снаряды бактериями, то при разрыве металла, вследствие высокой температуры, развивающейся в результате взрыва, бактерии погибнут. Мы остановились на фарфоровых бомбах, исследования над которыми и ведутся в настоящее время. Далее. Если разбрасывать бактерии в чистом виде, то при рассеивании с высоты их эффективность будет равна нулю. Надо придать им защитную оболочку. И этой самой надежной оболочкой, мы полагаем, являются блохи...поэтому мы остановились на том, чтобы применять зараженных чумой блох.
- Вы что-то сказали о физиологических особенностях...Кого Вы имели в виду?
- Разрешите, господин генерал, - вмешался в разговор широколицый, с нервно подергивающейся щекой начальник санитарного управления армии Рюдзи Кадзицука и, не дожидаясь ответа генерала, четко доложил, - китайцев, русских, американцев и англичан.
- И все эти нации у вас в разработке?
- Нам важно знать в принципе особенности реакции организмов на заражение эпидемией.
- То есть?
- Основа подопытного материала – китайцы, треть испытуемых – русские...а для более полной картины исследований – небольшое количество англосаксов.
- А что нам скажет ветеринарная служба? - немного повеселев и перейдя на почти фамильярный тон, - обратился генерал к сосредоточенно молчавшему начальнику ветеринарной службы армии Такацу Такахаси.
- В марте 1941 года, во время моего назначения наша служба имела своими задачами изготовление вакцин и сывороток, а также изучение инфекционных болезней. В сентябре мы уже вплотную начали работать по

подготовке бактериологической войны и бактериологических диверсий. Наиболее приемлемыми для этих целей мы выбрали бактерии сибирской язвы, чумы рогатого скота и овечьей оспы.

...Совещание, перенесенное в кабинет генерала Умедзу, продолжалось еще долгих два часа, и господин Исии, чутко улавливая изменения в интонациях генерала, уже совершенно точно видел заинтересованность в его работе высшего руководства страны. Он не мог не понимать, что разрабатываемый им вид оружия для его страны – это последний шанс побороться за мировое господство. Современная война лихорадочно перебирала в поисках самого чудовищного способа массового истребления противника все мыслимые и немыслимые виды оружия. В арсеналах развитых стран уже ломались от избытка начиненные взрывчаткой миллионы тонн бомб и снарядов. Без усталости в круглосуточной лихорадке работали военные заводы, изрыгающие из своих огнедышащих корпусов совершенствуемую на ходу смертоносную технику. И люди...Миллионы, миллиарды людей, обрядившись в форменные робы, строились в колонны, единенные массовой страстью к убийству, чтобы установить на Земле порядок, отвечающий их интересам.

И хитрость замысла Исии заключалась в том, что вся эта взрывоопасная громада иноземных армий сдувалась бы, как проткнутый шарик, застигнутая врасплох невидимыми бактериями смертоносных болезней. Ему виделась бескрайняя равнина безжизненного пространства опустевших городов и селений, бесстрастно шелестящих лесов в мире тишины и вселенского спокойствия, в котором островками движения обозначались бы чуть заметные на общем фоне безмятежности невозмутимо-усердные отряды дезинфекторов, расчищающих путь к воплощению вековых национальных вождлений.

7.

«Только для служебного пользования!»

Выписка из докладной записки начальника производственного отдела отряда №731 Киоси Кавасима:

«...Аппаратура по выращиванию блох как передатчиков эпидемических заболеваний представляет собой следующее: во 2-м отделе отряда имеются специально оборудованные помещения, которые могут вместить примерно 4500 инкубаторов. В каждом инкубаторе последовательно менялись в течение месяца 3-4 белые мыши; эти мыши прикреплялись в инкубаторе при помощи специального фиксатора. В инкубаторе имелась питательная среда и несколько особей блох. Инкубационный период длился 3-4 месяца, в течение которых каждый инкубатор давал около 10 граммов блох. Таким образом, за 3-4 месяца отряд выращивал около 45 килограммов блох, годных для заражения чумой...»

Отряду удавалось в самых удачных случаях доводить размножение блох до 60 килограммов в 3-4 месяца, но если потребует того обстановка, то поставленная руководством армии задача довести это количество до 200 килограммов нами будет выполнена...».

* * *

Потрепанный армейский грузовичок, подпрыгивая на каждой кочке, катил, невозмутимый и ко всему привыкший, по серебрящейся мокрым инеем пустынной дороге.

Киоси Кавасима, прикрыв веками слезящиеся от боли и усталости глаза, молча прислушивался к усиливающимся приступам болезненного сжатия невидимыми стальными обручами его многострадальной головы. Принятые им еще до выезда таблетки, вопреки установившейся практики, боль не только не утихомиривали, но и как будто бы даже усилили. «Боже милосердный, - тихо шептал Кавасима, - когда все это кончится?».

Как ему в такие минуты было жаль себя. «Судьба..., - говорил он сам себе в такие минуты, прекрасно сознавая, что расплачивается за свою природную слабохарактерность.

Хотя, справедливости ради, на природу этому вальяжному, с красивым волевым лицом генерал-майору медицинской службы было грех жаловаться. Родившийся в глухой, малонаселенной рыбацкой деревушке префектуры Чива, он отличался от своих сверстников замкнутостью и досадно терзающей его с раннего детства какой-то до болезненности непреодолимой застенчивостью. Он шел по жизни, преодолевая не столько обстоятельства, сколько самого себя. О, как он изводил себя своим самокопанием. И если бы не его прирожденный острый ум и умопомрачительные, так свойственные людям подобного склада характера амбиции, быть бы ему, как и его родителям, скромным селянином, усохшим и потерявшим интерес к жизни к сорока годам от каждодневного тяжелого крестьянского труда.

Но молодой Киоси, успешно закончив школу, нырнул, как с десятиметровой вышки с обреченностью тихого помешательства, в бурную круговерть шумной жизни большого города. Сторонясь шумных компаний и удачливо избегая настойчивость притязаний женской половины студенческого сообщества, он пытливым впитывал в себя знания и сложные постулаты латинского происхождения медицинской науки. Он никогда никуда не спешил, а потому поспевал везде, как правило, раньше других. У него не было друзей и покровителей, но все это нисколько не мешало уму двигаться вверх по служебной лестнице, так как он умел всегда оказываться в нужном месте и именно в тот момент, когда в его знаниях и опыте возникала острая нужда. К сорока годам он обрел солидность и вальяжность (о которых так мечтал в юности), болячки и хвори, свойственные его малоподвижному образу жизни, красивую и любящую жену, двух очаровашек дочерей и конечно же так долго маячившую ему своим животворным светом – степень доктора медицинских наук. Все звезды благоволили ему. И когда, господин Кавасима впервые примерял новенькую форму подполковника, чтобы удивить своих коллег по военному училищу, где он преподавал свой скромненький предмет гигиены, его гордости не было предела.

Но маленький чертик не изжитой полностью застенчивости никогда не давал ему расслабиться. Господин Кавасима не мог ничего по-настоящему эффективно противопоставить грубой силе и хамству, извечно присутствующим в служебных отношениях военных заведений. Достигнув высокого положения, он значительно сузил круг товарищей по работе, которые могли им помыкать. А вот беспардонности старших по званию он пресечь не умел. Господин Кавасима в таких случаях весь внутренне напрягался, его полная шея багровела, туго врезаясь в воротничок, а взгляд становился жгуче резким и неподвижным.

Перед кем только не приходилось отчитываться господину Кавасима о своей работе и здесь, в отряде Сиро Исии. Даже какой-то подполковник Ямамото, постоянный представитель командования Квантунской армии в отряде, и тот постоянно интересовался

тем, что делал Кавасима и другие сотрудники отряда. И эта постыдная роль агента штаба, неуклюже скрываемая им от его непосредственного начальника – Сиро Исии, – убивала господина Кавасима и морально, и физически.

Вот и сейчас он не знал, нужно ли докладывать по прибытии в отряд о проведенных испытаниях господину Ямамото. «Если не доложу, он все равно узнает, и будет думать, что опыты прошли с нештатными отклонениями, - думал господин Кавасима. – Хорошо, - предположил мысленно он, - если опыты будут иметь положительный результат, отчет уже через три дня будет направлен в штаб. А я...ну, в конце концов, мог ведь заболеть... или быть задействован в непредвиденных оперативных мероприятиях».

А опыты...опыты на самом деле прошли без отклонений. В промозглом, сыром от таявшего еще в воздухе реденького снежка поле коренастые и сноровистые солдаты развели каждого к своему столбу привезенных в грузовике людей и так же сноровисто их привязали – спиной к утоптанной площадке. Господин Кавасима скользнул взглядом по шеренге солдат, ожидающих дальнейших распоряжений и по ряду столбов с привязанными к ним людьми, в согбленных спинах которых угадывалась смиренная покорность уготованной им участи. Он с любопытством маленького ребенка вглядывался в лица подопытных людей, когда их вели мимо него, силясь угадать, что же они чувствуют накануне опыта. Эти лица (в основном с одинаковыми – характерными китайскими чертами) были безвольными и без каких-либо признаков интеллекта. Они смотрели по сторонам равнодушно, как будто, то, что происходило с ними, было давно ими ожидаемо. Ничто в их человеческих сущностях не выдавало предсмертной тоски или безумного страха перед очевидной опасностью. С безвольностью скота они давали себя вязать, терпеливо ждали, пока солдаты, сорвут с них верхнюю одежду и накроют ватными матами.

Когда майор Томио Карасава доложил господину Кавасима о готовности начала опыта, ветер поутих, и в сером, по-зимнему безрадостном небе вдруг высветилось тонкими, робкими лучиками солнце. Господин Кавасима оглянулся на солдат, посмотрел для чего-то на небо. Свистнула за спиной невидимая птичка, дружно засмеялись стоящие поодаль солдаты, а басовитый, простуженный голос майора начал нудно и с безразличием усталого человека перечислять подробности о личностях подопытных:

- ...Сун Чжао-сан из Муданьцзяна, железнодорожник, политзаключенный...У Дян-син, плотник, политзаключенный... Демченко, солдат из России, военнопленный...».

- Из России? – Господин Кавасима приоткрыл зажмурившиеся от солнца глаза, - покажи мне его...
- Третий справа, - вытянул пухлый, скрюченный палец Карасава.
- Начинайте, майор, - сказал после некоторой паузы Кавасима.

...Машину тряхнуло на яме, и господин Кавасима открыл глаза. За окном замелькали знакомые приметы станции Пинфань: два толстых дерева, облепленных птицами, глубокий ров, поросший по краям мелким кустарником и почерневший от времени деревянный сарай на пригорке, оставшийся от некогда добротной усадьбы бывшего начальника железнодорожной станции.

И в свете по-весеннему яркого солнышка и под оголтелое щебетанье оживших после зимних холодов птиц каким-то потусторонним, нереальным событием казались господину Кавасима только-только пережитые им картины в Маньчжурской степи. Как в замедленной съемке немого кино, взлохматились снова в его живом и восприимчивом ко

всем, даже второстепенным деталям сознания грязно-белые комья мерзлой земли, взнесенные к небу мощным взрывом...потом склонились над отвязанными и снятыми со столбов телами испытуемых озабоченные лица дезинфекторов...потом их грузили на военный грузовик...И мрачный запах смерти витал над мешковато раскоряченными в кузове телами, и взглядом мертвеца смотрел из растребушенного тряпья пожилой китаец, скаля зубы то ли от плача, то ли от дьявольской улыбки.

8.

«Только для служебного пользования!»

Выписка из докладной записки начальника производственного отдела отряда №731 Кавасима Киоси:

«Производственный отдел, исходя из наличия производственной аппаратуры и степени ее мощности...способен ежемесячно изготавливать до 300 килограммов бактерий чумы».

* * *

Первое, что решила установить Светлана после того, как окончательно пришла в себя, это календарную дату сегодняшнего дня. Она помнила, что днем вызова ее к начальнику тюрьмы «Хогоин» было 17 февраля. Потом около недели она лежала в пересыльной камере. А в тюрьме, куда ее перевезли, когда она находилась в полубессознательном состоянии, Светлана по ее ощущению была уже недели две. Таким образом, решила она, дело движется уже где-то к концу февраля. Китайки, с которыми она соседствовала в первые дни своего пребывания в тюрьме, были такими полуграмотными и забитыми, что даже самого вопроса о дате сегодняшнего дня никак не могли понять. А нынешним утром ее вдруг перевели в двухместную камеру, такую же, как и все – с земляным полом и ватными тюфяками, но на этих тюфяках белело пускай и не очень свежее, но все ж таки довольно приличное постельное белье. И что удивительнее всего, соседкой Светланы оказалась соотечественница – русская женщина с красивой русой косой с не менее красивым русским именем Глафира. И эта маленькая радость от возможности хотя бы элементарного общения заглушила все недавно пережитые ее душевные страдания.

Однако радость Светланы от встречи с родственной душой была несколько омрачена довольно прохладной реакцией Глафиры на ее появление.

- А тебя за что сюда угораздило? - бесцеремонно разглядывая Светлану, спросила Глафира.

- За что? – переспросила Светлана, - а я сама была бы рада это узнать...
- Только не надо строить из себя невинную жертву.
- Послушай...я не собираюсь перед тобой душу изливать. А сама-то ты по делу здесь оказалась?
- По делу..., - глядя, не мигая, в глаза сокамерницы, чуть помедлив, сказала Глафира и отвернулась к стене.

Светлана, поняв, что дальнейший разговор с ее новой соседкой ни к чему хорошему не приведет, расправила постель и накрылась с головой одеялом. Но уже через пять минут ее плечо тронула осторожная рука Глафиры и удивительно мелодичный голос соседки попросил:

- Ладно вставай...хватит дуться...извини, пожалуйста...нервы...

К концу дня они уже знали почти все друг о друге. И не переставали удивляться необыкновенному сходству не только биографий, но и некоторых жизненных обстоятельств, как будто под копирку выписанных им судьбой. Обе они были дочерьми русских белоэмигрантов. Обе учились в одном институте. Обе отчаянно влюбились...

И эта их такая естественная для юного возраста увлеченность сейчас вдруг показалась им крамольной и преступно-убийственной. Не замечаемая ими ранее из-за любовной слепоты разница во всем, что касалось жизненных устоев двух любящих, но таких далеких друг от друга сердец, сейчас казалась вызовом всем миропорядку, что и повлекло немилость Бога. Ну разве может быть оправдана похоть или минутная человеческая слабость, даже если она и кажется любовью, в условиях, когда кругом рушится мир, а с ним – человеческие судьбы? Простая житейская логика подсказывала, что в таких условиях надо либо бежать куда подальше от горя и беды, либо прятаться и сидеть мышкой, выжидая пришествия лучших времен.

Но ждали они, одинаково изводя себя мыслями, что крохотный шанс на освобождение из тюрьмы все равно еще не весь исчерпан. Что не настолько же тяжел их грех, чтобы вот так их, молодых и красивых, сгноить заживо в упрятанных от людских глаз, этих мрачных и глухих застенках японской тюрьмы. Они обе искренне ловили в движениях, звуках и запахах, проникающих из-за стен камеры какие-то намеки на скорейшее освобождение. Темнота за оконцем камеры сменялась сереньким светом, с педантичной точностью в определенно заданные часы открывались двери камеры, через которые худосочный мальчишка-надзиратель либо подавал еду, либо уносил парашу. И этот установившийся распорядок, и неожиданное появление в тюремном рационе (пускай скудно и не так, чтоб уж и регулярно) рыбы и овощей внушало им оптимизм, и сердца их сжимались от нечаянных мыслей о свободе.

И эти крамольные мысли со временем стали для них такими обыденными, что даже участвовавшие посещения их камеры каким-то старшим офицером были расценены ими не как предвестие чего-то худого, а как призрачный шанс на спасение. Офицер никак им не представлялся, а потому женщины прозвали его меж собой «самураем». Офицер, вежливо постучавшись, аккуратно садился на принесенный с собою стул, доставал из потрепанного портфеля карандаш и листки бумаги и, задав вопрос, начинал, не дожидаясь ответа, покрывать их мелкими иероглифами. И все это выглядело забавно. И умиротворенное лицо офицера выглядело располагающе безмятежно. И женщины с искренним интересом усаживались против него, внимательно вдумываясь в задаваемые вопросы.

- Что вас не устраивает в распорядке дня? – как будто бы искренне соболезнуя, - спрашивал офицер.

- Хотелось бы, чтоб разрешили нам прогулки...да и парашу хотелось бы, чтоб нам меняли почаще...

- А как вам еда?

- Ну, для тюрьмы – сойдет...мы ж понимаем, где мы находимся...

- На здоровье не жалуетесь?

- Спасибо, нет...

Офицер старательно все записывал, а потом, забрав с собою стул, уходил, и то, что после этого ничего, собственно говоря, не менялось, делало его визиты какой-то

неотъемлемой частью того дикого театра абсурда, и участниками, и зрителями которого Светлане и Глафире выпало быть.

* * *

Тот день, когда Светлана поняла, что все ее надежды были напрасными, начался привычно и обыденно. После завтрака она взяла в руки китайскую замусоленную книжку, с оторванными обложками и села, скрестив ноги, на постель. Дверь камеры распахнулась резко и внезапно. И уже сам вид вошедших конвоиров – решительный, спокойно-невозмутимый, порывисто-резкий, - ничего хорошего не сулил.

Женщины суетливо накинули тюремные накидки и, тревожно переглядываясь, пошли на выход. В тюремном коридоре было сыро и прохладно. Где-то слышались шумные голоса и грохот передвигаемых тяжестей. Светлана вдруг почувствовала резкую слабость. Ее пошатнуло, ноги налились тяжестью, во рту стало горько от приступа тошноты.

- Мне плохо, - сказала она, - ухватившись за локоть Глафиры.
- Потерпи немного, - шепотом отозвалась подруга, – а вот, мне кажется, мы и пришли...

Комната, куда их грубо втокнули конвоиры, оказалась тесной, заставленной мебелью и стеллажами и обильно залитой искусственным светом. Глафиру тут же увели за ширму, а Светлана осталась сидеть на кушетке. Она, уныло оглядев то замкнутое пространство, которое заключалось между крепкой железной дверью и обтянутой серой тканью ширмой, уткнула свой взгляд в ржавую шляпку крупного гвоздя, вбитого в стену и подумала: «Наверное, с таких прихожих и начинается преисподняя ада...».

...И то была истина. Ибо еще Великое Откровение – Откровение Иоанна Богослова, списанное с небес и не понятое людьми до конца, предостерегало:

«...Пятый Ангел вострубил, и я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан ей ключ от кладезя бездны.

Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя, как дым из большой печи; и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя.

И из дыма вышла саранча на землю, и дана была ей власть, какую имеют земные скорпионы.

И сказано было ей, чтобы не делала вреда траве земной, и никакой зелени, и никакому дереву, а только одним людям.

И дано ей не убивать их, а только мучить пять месяцев; и мучение от нее подобно мучению от скорпиона, когда ужалит человека.

В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее; пожелают умереть, но смерть убежит от них...».

9.

«Только для служебного пользования!»

Выписка из служебной инструкции:

«Эксперименты по обморожению проводить в самые холодные месяцы года: с ноября по февраль. Техника опытов неизменна по условиям их чистоты: в вечернее время подопытные выводятся на мороз и опускают руки в бочки с холодной водой. Затем вынимают руки и с мокрыми руками, разведенными в сторону, стоят не менее одного

часа. После того, как подопытные получают обморожение, их следует завести в теплую комнату и заставить опустить руки в воду с температурой примерно +5 градусов по Цельсию...».

* * *

На темном квадрате потолка колыхнулась тень и вдруг ярким пятнышком затрепетал, словно поеживаясь от осклизло вонючей сырости камеры, солнечный зайчик. Светлана посмотрела на окошко, за которым беспечно синело весеннее безоблачное небо, и ей показалось, что те прожитые ею недавние дни – это кошмарный сон, от которого она счастливым образом очнулась. Что, словно в детских мечтаниях, когда навеянные страшными сказками чудища совсем уже близко скалили свои большие зубы, вдруг таинственным образом все приходило в чистое и справедливое спокойствие, от которого сладко сжималось сердце и текли из глаз слезы радости. Но тут же мрачные мысли остервенело стали вгрызаться в голову, заставив оцепенеть от ужаса, ибо она снова отчетливо увидела несчастную Глафиру.

В ее болезненном сознании никак не укладывался порядок событий, последовавших за тем роковым моментом, когда она, теряя сознание, сидела у ширмы помещения, похожего на больницу. Вот она лежит на кушетке под яркой лампочкой, от которой ей становится нестерпимо жарко... вот ее раздевают и втыкают в руку шприц... вот она лежит в камере, а рядом, задыхаясь от непрерывного крика, мечется бледная, с искаженным от боли лицом Глафира...

Серые тени скользили по камере. Кто-то брал ее за руку, щупал пульс. Осторожные голоса, словно боясь ее разбудить, вполголоса хрипели о чем-то на одной простуженной ноте и замолкали тоже как-то невпопад.

Когда Глафире делали перевязку, в камере резко запахло йодом и нашатырем. Отброшенные в эмалированный таз бинты были ярко красны от свежей крови, и Светлана вновь впала в небытие.

Очнулась она от резко наступившей тишины.

- Наконец-то гады поставили обезболивающее... - сказала, сев на постель и положив на колени забинтованные до локтей руки, Глафира.

- Что они с тобой сделали? – спросила тихо Светлана, глядя с ужасом на окровавленные бинты.

Глафира поморщилась и отвернула голову в сторону. В ее глазах показались слезы, а губы искривились:

- Обморозили гады.
- Как обморозили? – не поняла Светлана.
- Вывели на улицу и привязали к столбу... а потом заставили сунуть руки в бочку с водой... мокрые руки деревенеют быстро, да так, что палочка, стукнутая об них, звенит...
- Боже мой, - прошептала ошеломленная Светлана, - неужели это возможно? Изверги, нелюди, дикари желтобрюхие...
- Нас четверо там было... Кроме меня, еще три китайки... И тебя бы с нами взяли, если б ты в обморок не упала. Но не радуйся, подруга, тебя для других опытов оставили, ведь ты беременная...

И это такое естественное для женщины ее возраста известие, здесь, в казематах глубоко упрятанной от людских глаз японской тюрьмы прозвучало так нелепо и

кошунственно, что Светлана вздрогнула, как от хлесткой и смачной пощечины.

- Беременная? – еще надеюсь на то, что не поняла сказанного, переспросила Светлана.
- Ну, это тебе самой, наверное, лучше знать.

Светлана растерянно посмотрела на свой живот. Медленно стала вспоминать все свои последние болезненные ощущения. И ужас, всепоглощающий ужас охватил все ее существо. «Я беременная...», - думала она, все яснее осознавая чудовищную нелепость сложившейся ситуации. – Но как же я буду рожать в этой волчьей яме? И что будет с малышом, если он увидит свет?

И самое страшное, как она начала понимать, что из этой волчьей ямы она никогда не выйдет. Как будто мир повернулся другим боком, как будто время сместилось в другое измерение, и все привычные понятия полетели кувырком, оставляя людей наедине с армией тьмы. Это сатанинское царство, укрывшись от людских глаз в глухомани глухих пространств, как паук, вцепилось в ухваченных из солнечного мира пленников, чтобы высосать из них кровь.

Светлана щупала живот и теперь уже явственно ощущала среди дышащей и урчащей своей плоти маленький зарождающийся комочек иной жизни. Она какими-то неясными чувствами улавливала тоненькое биение маленького, едва народившегося сердечка и угадывала пока еще робкие, осторожные движения крохотных ручек и ножек. Ей даже начало мерещиться личико малыша – сосредоточенно умиротворенное.

* * *

Вечером Глафире сделали укол, и она наконец уснула. Спала она беспокойно, вскрикивала, скрежетала зубами, пинала ногами в стену камеры. А утром ее под конвоем увели.

- Лечат, гады, мазями мажут, таблеток каких-то дали...- скороговоркой проговорила она, когда снова появилась в камере, - но руки все равно ужасно болят...

Светлана, облокотившись на локоть, смотрела участливо на подругу, и удивлялась ее оптимизму. Она понимала, что должно было твориться в душе Глафиры. Она догадывалась, что где-то страх и отчаяние ее соседки по камере перешли критическую точку и организм сделался чувственно омертвевшим. Как робот, передвигалась она по камере, механически меря ее замкнутое пространство шажками негнущихся ног. Мурлыкала какую-то нелепую песенку и невпопад улыбалась. «Бедняга, - думала о ней Светлана, - как ей сейчас тяжело...». И промелькнувшим видением представившиеся ей жуткие сцены пыток подруги враз превратили окружающий мир в подобие дешевой постановки замызганного заезжего балагана. «Неужели это происходит наяву? – думала она. – Неужели и меня будут вот так же пытаться и мучить? Корежить живое тело – ее плоть, с которой она сжилась и которую любит, как любят родной и до боли прочувствованный предмет обожания...Но где же взять силы, чтобы это все вынести? Нет...я этого не переживу...».

- А что они говорят, - спросила шепотом Светлана.
- Кто говорят, - обернулась к ней всем телом Глафира.
- Тюремщики...
- О ком говорят?
- О тебе...

- Обо мне...- Глафира присела на постель и, глядя на дверь, так же шепотом ответила, - обезьяну они хотят из меня сделать, подопытного кролика...Ты что, думаешь, они меня за проступки какие-то наказали? Опыты, понимаешь, опыты они над нами делают. Здесь вся тюрьма воем воеет...из всех камер люди ором орут от пыток. Там один парень в приемной сидел... русский...по фамилии Демченко. Его чумой на полигоне заразили. Он один из десяти выжил. Говорит, что вся тюрьма наша – это фабрика по производству заразы. Понимаешь, кто мы с тобой здесь такие?
- А он...этот Демченко, что там в приемной делал? – спросила Светлана.
- Да то же, что и я – ждал, когда к врачам позовут.
- А он...он как сюда попал?
- Ты что, думаешь, у нас там было время беседы вести? Пока конвойный вышел в коридор, мы и поговорили...
- Что он еще успел сказать?
- Да больше и ничего...- чуть помедлив, ответила Глафира, - А держался он молодцом...жаль, все равно его убьют здесь вместе со всеми нами...

И сказала она это таким скучным и равнодушным голосом, что Светлана ощутила в груди тоскливо неуютный холодок, а тело пронзила острая дрожь.

- Ты думаешь, мы отсюда уже никогда не выберемся? – спросила она Глафиру.

И вопрос этот повис в воздухе, потому что ответ был очевиден обоим сокамерницам. И они обе, не сговариваясь, дружно заревели в голос, изливая в слезах все горечи и обиды, все боли и страдания последних дней. Но легче от этих слез все равно не становилось.

10.

...Но действий никаких не получалось. Казалось, что весь мир окружил себя, как заклеивают комнату во время ремонта, газетной бумагой, и когда тянешься рукой, чтобы открыть окно или взять со стола книгу, она неизменно протыкает дырку, за которой пустота. Даже Сацо Ямадзак пропал, две недели не подавая о себе никакой весточки. Одно было ясно Зубову: Светлана почему-то попала в руки военных. Он долго и осторожно наводил справки о тюрьме «Хогоин». Его знакомые, водившие дружбу с новыми хозяевами, при упоминании названия тюрьмы озирались по сторонам и советовали обращаться к чинам высшего эшелона военной власти. Ходили слухи, будто заключенные в этой тюрьме подвергались таким неслыханным наказаниям, что их даже хоронить увозили в неизвестном направлении, куда подальше от людских глаз. Так это было или не так, но Зубов постепенно уяснил, что тюрьма «Хогоин», хотя и входила в ведомство Квантунской жандармерии, имела какие-то связи со штабом Квантунской армии, а в расположении тюрьмы был расквартирован даже небольшой контингент военных.

По сведениям Ямадзак, добытым через приятеля, изредка бывавшем в «Хогоин» по делам службы, Светлану продержали в тюрьме всего две недели. А потом увезли. Увезли живой... Но странное лицо Ямадзак, сообщившего Антону Никитовичу эту новость, испугало его и заставило думать о самом плохом. Он пропустил мимо ушей повторенные японцем несколько раз слова о том, что «теперь найти ее будет гораздо проще», потому что уловил опытными слухом и глазом повидавшего всякого на своем веку человека неестественность тона его голоса и прячущиеся от прямого взгляда собеседника его глаза. Юноша против обыкновения не сел за стол с Зубовым поужинать, откровенно поглядывал

на часы и переминался с ноги на ногу.

- А если я сам попробую обратиться к коменданту? – спросил его Зубов, выходя из себя, - во всяком случае, они мне все равно как-то ответят. В конце концов, как отец, я имею на это право?

- Я бы Вам не советовал этого делать, - робко возразил Ямадзаки.

- Но я не могу ждать, - стонущим голосом сказал Антон Никитович, - Боже ж ты мой...я не могу даже думать о том, что сейчас с ней...

- И все-таки, мне посоветовали действовать поосторожнее...

- Ну, я понимаю, ты боишься за свою шкуру. А мне-то чего бояться?

- Я боюсь за Вас...- голос Ямадзаки напрягся, а глаза впервые за вечер твердо взглянули в глаза Зубова. – Мне посоветовали...

- Да пошли вы все куда подальше со своими советами, - не выдержал Зубов, - Советчики хреновы...Им рассуждать, конечно, сподручнее, сидя в теплых кабинетах...Действовать поосторожнее...Это как – поосторожнее? Иносказательно, что ли, как в басне Эзопа? Господи Боже мой...что мне делать, чтобы спасти мою дочку?

Антон Никитович, как человек неглупый, конечно, понимал поведение японского юноши. «Если дело связано с японской военщиной, - думал он, - значит, меры по сохранению секретности предприняты действительно достаточно жесткие, чтобы не допустить утечки информации. Мне на самом деле не следует его утруждать. Да и, если разобраться, кто ему Светлана? Невеста? И что из того? Какие это на него накладывает обязательства...кроме моральных? И если он сейчас перестанет о ней думать, кто его по-человечески не поймет?».

Но идти напрямую в комендатуру – это, как разумно предполагал Антон Никитович, было равносильно самоубийству. Оставалось одно: действовать через своих компаньонов и ждать...ждать...ждать...

И от этих мыслей Зубову становилось настолько тоскливо, что хотелось волком выть на весь белый свет. «Бедная моя девочка, - шептал он, скрежеща зубами и судорожно до белизны в пальцах сжимая кулаки, - только бы ты выдержала все испытания, свалившиеся на тебя...пусть сохраняют тебя небесные силы...пусть все те боли, что предназначены тебе, перейдут на меня...». Но за окном сияло равнодушное и привычное ко всем людским чаяниям солнце, одинаково грея и праведников, и убийц. И небо было безоблачно безмятежным. И мир не содрогался от кровавых жестокостей, которые чинили над безропотными людьми оскотинившиеся недочеловеки, возомнившие себя властителями всех народов.

* * *

Рана на ягодице, досаждавшая Алексея Демченко несколько дней и ночей нудной и пульсирующей болью, наконец начала заживать, но состояние его, связанное с острой слабостью, ломотой в суставах и хрипом в горле, оставалось прежним. Его постоянно клонило ко сну. Он и жил на грани сна и яви, принимая порой за бред все происходящее с ним. В его камеру то и дело входили с серьезно сосредоточенными глазами люди в белых накидках и таких же белых масках на лице, которые кололи его лекарствами, щупали холодными в резиновых перчатках руками, осматривали и прослушивали фонендоскопом. Эти люди были, как зомби, молчаливы, с неспешными движениями и такими же неспешными голосами, обменивающимися друг с другом короткими, непривычными для уха

фразами. Алексей совсем не понимал японского языка, и эта незнакомая певучая речь казалась ему коварной и таинственно враждебной. За свои короткие 20 лет он еще не научился ожидать от жизни смертельных подвохов, но природный могучий инстинкт к выживанию почти уже вынес его со дна уже сомкнувшейся было над его головой вонючей трясины. Несколько дней в его мятущемся сознании всплывали картинки то далекого безмятежного детства с шумным двором и безбрежно зеленеющей гладью речушки за оврагом; то веселой суеты школьных праздников с пионерскими линейками и торжественными звуками переплетенных меж собой барабанной дробы с гортанными выхрипами горна, то ликующая истома выпускного бала с первым неумелым вальсом и худенькими плечиками одноклассницы, от прикосновения к которым лихорадило и бросало в сладкую дрожь; то слезы матери и ревуций от криков и воплей перрон, от которого уходили в далекую смертельную неизвестность обвитые паровозными дымами составы.

«Что это было?» – думал Алексей в минуты просветления сознания, вспоминая тот оглушительный хлопок на полигоне, резкую боль в ягодице и жгуче ядовитую вонь, которая в тот же момент залепила рот и нос, заставляя его забиться в конвульсивном, изнемогающем кашле. Если бы то была казнь, как он и думал, когда его вязали к столбу, то зачем он остался живой? Зачем его привезли обратно в тюрьму и теперь так старательно лечат. Он каким-то чутьем начинал догадываться, что японцы отнюдь не профанации ради прикладывают все свои усилия, чтобы вырвать его из лап смерти. «Может быть, меня с кем-то путают...», - иногда возникала, дразня своей причудливостью, нелепая мысль, и он ее лелеял и засыпал тотчас, улыбаясь от этих сладостных предчувствий.

Но эта нелепая мысль совсем недолго тешила Алексея. Она мгновенно улетучилась, когда однажды в его камеру шумно и бесцеремонно в сопровождении услужливо суемящегося тюремного персонала вошли какие-то высокие военные чины. Самый главный из них шелестящим голосом, едва раздвигая толстые губы, что-то долго говорил и тыкал при этом пальцем в сторону Алексея.

- Как вы себя чувствуете? - вдруг спросил с явно выраженным акцентом молодой щеголеватого вида военный, строго глядя в глаза Алексея.

- Спасибо, сносно...

Военные снова оживленно заговорили.

- Вы смелый и волевой солдат, - снова заговорил переводчик, - вы истинный солдат, мужество которого восхищает. Господин генерал говорит, что ваша преданность долгу сильнее чумы, от которой умерли до вас все, кто ею был заражен. Он просит вас понять, что мы, военные, часть государственной машины, в задачу которой входит всемерное увеличение военного могущества страны. Понять и не делать глупостей...

...Реденькие облака тихо плыли в небесной синеве. Алексей проснулся от необычной тишины, в которой с улицы были слышны еле уловимые слухом короткие гудки автомобилей да пронзительное стрекотанье поселившейся где-то поблизости сороки. Рана еще болела, но боль уже ослабевала и почти скрадывалась осознанием текущего бытия. Алексей привстал на локтях и с удивлением обнаружил на тумбочке два бутерброда с котлетой и стакан киселя. Он съел обнаруженную еду, по кусочкам, тщательно прожевывая каждый из них, с благоговейным трепетом вслушиваясь в забытые

пищевые вкусы и запахи. Потом он, с трепетной осторожностью включая большие мышцы, тихонько прошелся по камере. У стены, где забранное решеткой синело окно, он остановился, и вдруг взгляд его уперся в какой-то продолговатый землистого цвета предмет, лежащий на полу. Это был большой изрядно проржавевший кованный гвоздь.

И, не вполне еще осознавая своих действий, Алексей сперва нашел для этого гвоздя тайное убежище (у стены, за трубой), а потом занялся с помощью тряпки, оторванной от простыни и земляной пыли, приданием своей находке подобающего кованному железу вида.

И эта незатейливая работа так увлекла Алексея, что он уже свой тюремный распорядок дня считал вполне и сносно обустроенным, находя в нем все необходимые для минимального жизнеобеспечения атрибуты. Кормили его три раза в день, давая на обед вполне сносный овощной суп и морскую рыбу, обильное политую терпким красным соусом. И он жил, в глубине души ощущая себя добродушным домашним животным, единственное предназначение которого – оказаться дымящимся вкусным беконом на столе хлебосольных хозяев. И эта чудовищная мысль о том, что его тело, его живое тело (а по большому счету – и разум?) стало материалом биологических опытов опустошала его, делая бессмысленным дальнейшее существование. «А, может быть, я зря старался выжить?», - однажды, с внутренним содроганием подумал он, - пускай бы они считали совершенными свои малохольные бактерии и успокоились в своих разработках. И сколько жизней спас бы я тогда ценою своей...». Но как он мог умереть, заставив поверить японцев в действенность их бактерий? Он внимательно вслушивался в работу организма и находил совершенно удивительным, что все, что там у него внутри, стучало, урчало и шевелилось, жило вполне самостоятельно – отдельно от его сознания, словно заведенный кем-то однажды будильник, настроенный до определенного часа. И сердце, и почки, и селезенка – все его внутренние органы (так уж позаботился Создатель) не собирались входить в контакт с сознанием и делали бесполезными робкие попытки Алексея сбить их с размеренного ритма.

11.

- Я ничего не понимаю! – начал выходить из терпения обычно невозмутимый (с маской холодно брезгливого спокойствия на лице, которая не менялась даже, когда он улыбался) Сиро Исии, - А кто мне докладывал на прошлой недели, что грызунов достаточно для поддержания двухмесячного производственного цикла? Не вы ли, господин Кавасима?

- Так точно, господин генерал..., – вытянувшись в струну, тут же отозвался начальник производственного отдела.

- Потрудитесь объяснить ситуацию, – не скрывая раздражения, впился суровыми глазами Исии в побелевшее от напряжения лицо своего подчиненного.

- По недосмотру обслуживающего персонала произошла массовая гибель грызунов. Благодаря своевременно принятым мерам падеж был локализован. На сегодняшний день ситуация находится под контролем, - четко доложил Кавасима, - виновные в случившемся находятся под арестом.

- И кто же они, - поинтересовался, передернув нервно плечами, господин Исии.

- Санитары-лаборанты первого отдела Киити Масуи и Рэйдзо Окамото.

- Готовьте их личные дела для передачи в трибунал. И попрошу в срок до... двадцати ноль-ноль подготовить докладную на имя начальника штаба армии о дополнительной поставке грызунов... Что у вас еще есть доложить, господин Кавасима?

В повисшей тишине кабинета зашелестели переворачиваемые листочки блокнота начальника производственного отдела. Кто-то из присутствующих на совещании офицеров громко начал с кем-то перешептываться. Господин Исии недовольно поднял бровь.

- Как я уже докладывал, вчера из оперативно-стратегического отдела штаба армии поступил запрос о состоянии дел во всех четырех наших филиалах. Из Хайлина и Линькоу докладные доставлены, начальники двух остальных пока молчат... Согласно графика возобновились опыты по совершенствованию способов излечения обморожения. Пока в работе задействованы 15 человек: 5 женщин и 10 мужчин...

- Национальность испытуемых? – прервал докладчика, делая пометки в блокноте господин Исии.

- У женщин: одна русская, четыре – китайки; у мужчин: все десять – китайцы.

- Добавьте к мужчинам русских... и проследите, чтобы отобрали тех, кто поздоровее и покрепче... Продолжайте доклад.

Киоси Кавасима продолжил свой доклад не сразу. И господин Исии, шурясь на подчиненного внимательными глазами, милостиво ждал, когда тот сделает необходимые записи в блокноте.

- Русские у нас все задействованы в бактериологических опытах, господин генерал... Может быть вы дадите разрешение на использование американцев?

- В каком они состоянии?

- Удовлетворительном... поставлены на 3-й рацион...

- Нет, - после некоторого раздумья покачал головой генерал, - они нам понадобятся в бактериологических опытах, а на обморожение найдите все-таки русских... У вас все?

- Удивительный случай, господин генерал, произошел на последних испытаниях по чуме. Из десяти испытуемых один не только выжил, но и практически излечился...

- В схеме лечения ничего не меняли? – оживленно вскинув глаза на присутствующих и выпрямив спину, быстро спросил Исии.

- Ничего, господин генерал...

- О перенесенных заболеваниях справки навели? Кстати... кто он... этот испытуемый?

- Русский... военнопленный... по фамилии – Демченко.

... Подождав пока Киоси Кавасима, шумно двигая стулом, усядется, генерал Исии продолжил совещание:

- ...а сейчас о главном. Вчера до меня был доведен приказ генерального штаба армии, который предписывает для отработки наземного способа заражения направить в Центральный Китай, в район городов Юйшань, Цзиньхуа и Фуцзинь, специальную группу из состава нашего отряда. Бактериологические действия экспедиции будут проводиться параллельно с Чжеганской операцией, о которой я уже вас информировал.

В связи с этим, я принял решение, – голос господина Исии зазвенел металлом, – первое, руководителем экспедиции назначаю начальника 2-го отдела подполковника Мураками; второе, подполковнику Мураками в срок до 2-го июля составить план

проведения экспедиции и подобрать группу, численность которой должна быть предположительно 250-300 человек, в срок до 10 июля обеспечить боеготовность двух транспортных самолетов и одного легкого бомбардировщика; третье, генерал Кавасима назначается ответственным за материальное обеспечение операции, для чего в срок до 10 июля подготовить бактерии паратифа и сибирской язвы в количестве 130 килограммов; и, наконец, четвертое, операция строго засекречена, а потому все вопросы, касающиеся деталей, решать только в устной форме и только через меня.

* * *

Гулкий стук шагов по металлической лестнице метался эхом по замшелым стенам тюремного коридора и терялся в темном его конце. «Стук-стук-стук-стук...», – звенело замкнутое пространство, и весь мир выворачивался изнанкой, обнажая свою гнилую сущность. И Светлане уже начинало казаться, что она всю жизнь прожила в этих вонючих стенах, и что жизнь ее вне тюремного здания была лишь сном, который, еще толком не зацепившись за сознание, тут же после пробуждения забывается. «Но ведь я продолжаю жить, - думала Светлана, - здравому смыслу вопреки. Для чего?». И появившийся в ее сознании ответ, который она когда-то бы посчитала естественным: «Ради будущего ребенка...», ударил под самое сердце острой, пронзительной болью.

За ширмой больничного помещения мерно гудел какой-то небольшого размера прибор с никелированными ручками, ярким светом в углу над столом, покрытым оранжевой клеенкой, горела лампа, отчего в комнате было сухо и жарко. Сухощавый пожилой врач с усталым и морщинистым лицом, сидевший за столом и перебиравший тонкими пальцами содержимое картонной коробки, лежащей перед ним, участливо посмотрел на Светлану и показал ей рукой на табурет:

- Падзалуста садиться...

Вежливо подождав, пока Светлана, жмурясь от непривычно яркого света, присядет на краешек табурета, он медленно начал говорить:

- Я плохо говорить рюски. Я буду ваш акушер.

- Говорите, пожалуйста по-японски, - не выдержала Светлана.

- О, Вы понимаете по-японски?

- Да, понимаю...

- Вашему ребенку уже почти пять месяцев, - продолжил начатый разговор доктор, - через четыре месяца вы будете мамой...

- Доктор..., - голос Светланы задрожал, - если в вас есть хоть немного человеческого...если вы не зверь и не изувер...доктор, ради Бога, я прошу вас, сделайте мне, пожалуйста, аборт.

- Аборт нельзя! – категорически отрезал японец, - никак нельзя...будете рожать...

- Но как я буду жить с ребенком в тюрьме? – вскрикнула, еле сдерживая слезы, Светлана, - И что с нами будет потом?

- Я не знаю, - вздохнул японец, - но аборт нельзя...

- Ну почему же нельзя? – не сдавалась Светлана, - неужели вы думаете, что я допущу, чтобы мой ребенок рос в тюрьме...а потом был использован в ваших опытах? Доктор, я умоляю вас...я вас прошу...

Светлана упала на колени и поползла в направлении стола.

- Немедленно прошу встать! – визгливо крикнул японец, выскакивая из-за стола, - Встать...вы низменная женщина...вам надо побояться Бога...как можно желать смерти

ребенка?

И уже миролюбиво добавил:

- Сейчас я вас осмотрю...а руководству вашу просьбу доложу...

12.

Уже второй день информация, доложенная во время последнего совещания начальником тюремного лазарета о том, что одна из заключенных находится на шестом месяце беременности, не давала покоя господину Исии. Убедившись в том, что никто из обслуживающего тюрьму персонала к этому факту не имеет отношения, он сменил гнев на милость и теперь гадал, какую выгоду для его медицинских изысканий можно извлечь появлением среди закоснелых «бревен» младенца.

Сидя в уютном кожаном кресле кабинета, он рисовал и старательно заштриховывал, как всегда во время глубоких раздумий, на линованной бумаге квадратики и треугольники в самых затейливых комбинациях. «Надо обязательно взять ее роды под строгий контроль, - по-военному четко определился господин Исии, - пускай родит...а там посмотрим, какую программу исследований подстроить под нее». В нем, как в былые юношеские годы, сладкими мурашками зашевелился в груди дух исследований и научных поисков. Ему страстно захотелось найти в рутине экспериментов то, чего другие не только не знали, но и о чем даже не догадывались. Для него само понятие «рутина», привязанное к работе, означало подступ к вожделению. А подступ тот был тоже вожделением, только размерами эйфории поменьше.

Господин Исии вспомнил, как всего лишь неделю назад, осматривая в лаборатории скрупулезно собираемую им на протяжении двух лет коллекцию срезов внутренних органов, предусмотрительно оставил свободными несколько ячеек раздела «возраст до 18 лет». Он радостно подумал о том, что коллекция от срезов органов ребенка получит то самое недостающее звено, отсутствие которого значительно обедняет ее общий эффект. Он еще не решил, как использовать так невероятно подвернувшийся ему случай, и это обстоятельство только подогревало его разыгравшиеся амбиции. «Подумать только, - стучала в его воспаленном мозгу мысль, - ведь и мечтать пока не смел о проверке возрастных особенностей иммунитета...а тут – такая удача...». Он думал о ребенке, как об абстрактном объекте, и в какой-то момент поймал себя на мысли, что жалости в нем о том, что ребенок, как существо божие, не заслужил еще своей жизнью такой участи, совсем не было. У господина Исии само слово «жалость» ассоциировалось с мягкотелостью и слабохарактерностью. У него, как и у любого человека, связавшего свою судьбу с медициной, чувство жалости уже в самом зародыше было подавлено чувством врачебного долга, которое уже по определению равнодушно к страданиям, чужой боли и крови. У него не было ни семьи, ни детей, а потому он воспринимал женщин и детей, не более, как равноправных с мужчинами пациентов, у которых, как и всякого нормального человека, всегда есть какие-нибудь болячки. Он догадывался, конечно он чувствовал, как человек, умудренный жизнью, что у ребенка с матерью существуют отношения, каких ему самому испытать не довелось, вернее, он их не помнил (его мать умерла от чахотки, когда маленькому Сиро было всего полтора года), но какие заложены природой и действуют на тонком духовном уровне. Он понимал, что эти отношения ему придется преодолевать, ради чистоты эксперимента не лишая связи матери с ребенком, но тем заманчивее

становилась поставленная цель, и все подробности, связанные с ее достижением, тоже становились от этого более интересными и интригующе непознанными.

* * *

В дверной скважине, пугая тишину, мерзко скрежетнул ржавыми пружинами тюремный ключ, и в тусклом свете лампочки, висящей над дверями камеры, появилась согбенная фигура с тюфяком в руках, которая после некоторого раздумья двинулась по направлению к соседнему тюфяку.

Светлана, несмотря на поздний час, не спала: она всю последнюю неделю была на грани нервного срыва. В какой-то момент ей показалось, что силы оставляют ее. Она как бы со стороны видела себя покойницей с таким же искаженным гримасой страдания лицом, как у Глафиры, и такой же вытянувшейся и некрасиво подвернувшей в сторону ногу. Она даже явственно ощущала похолодание теряющего жизненную силу тела и утяжеление лежащих на груди рук. Но видно срок прихода смерти был еще не так близок. И Светлана стала думать о нем – неожиданно появившемся в этом мире человеке, жизнь которого зависела теперь от ее жизни; о том крошке-человечке, кто своими движениями напоминал ей о кошунственности даже самих мыслей о смерти; кто зародился в ней, вопреки всем навалившимся на нее страданиям и невзирая на тлетворное дыхание тюремных пространств, окружающих ее.

- Ты кто? - дождавшись пока молчаливая фигура, осторожно ощупывая руками тюфяк, опустится на него, шепотом окликнула она.

- Зоя...- неожиданно низким, почти мужским голосом ответила ее новая однокамерница и, звучно зевнув, спросила:

- А ты тоже русская? Давно здесь паришься?

И эта жаргонная речь, и несколько нагловатый тон разговора выдавали в ней девицу, бывалую и повидавшую всякого на своем жизненном пути. Светлана таких людей внутренне боялась и всегда не знала, как вести себя в их присутствии. Она боялась оскорбить их чистой от жаргонов, правильной речью, но и говорить с ними на дикарском наречии тоже не могла.

- Да, русская...- шепотом ответила она и, немного помедлив, добавила, - а... парюсь...почти полгода...

- А ты чего шепчешься, боишься, что подслушают? – грубо перебила ее Зоя, - не дрейфь, им наши с тобой секреты вряд ли интересны.

- А ты...тебя за что посадили, - спросила вдруг Светлана.

- Меня-то, - усмехнувшись, переспросила Зоя, - как и всех – за то, что я русская. А тебя за что-то другое?

- Но ведь два года оккупационные войска нас не трогали...

- Скажи на милость: два года не трогали...А на третий тронули! Им что маньчжуры, что китайцы, что мы, русские – паршивый скот, быдло...А где место для скота? Правильно – в стойле или на скотобойне...

- Ты думаешь, нас убьют? – спросила зачем-то Светлана.

- А ты сомневалась, - ответила вопросом на вопрос Зоя, - Ты, дурочка, хоть знаешь, куда мы с тобой вляпались?

- Куда, - испуганно спросила Светлана.

- А вот туда...откуда выход только один – вперед ногами...

- Ты... это серьезно?
- Нет, ну ты даешь...За полгода не поняла, что наша тюрьма не просто место для отбывания наказания...Ты что, здесь ни с кем не общалась? Твоя подруга давно откинулась?
- С неделю прошло...
- С ней что делали?
- Руки обмораживали...
- Ну вот!
- Ты что, хочешь сказать...
- А чего говорить, тут и дураку все ясно.
- Боже мой, боже мой, - прошептала сухими губами Светлана.
- Ладно давай спать, вдруг резко оборвала разговор Зоя, - еще будет время – наговоримся...

И этот страшный разговор заставил Светлану снова усомниться в правильности своего решения рожать ребенка. Она с ужасом стала представлять себе сцены насилия и надругательства над маленьким и беззащитным тельцем новорожденного младенца. «Неужели это возможно?» – думала она. И в голове ее всплыла картина далекого детства, когда однажды возле своего дома она стала свидетельницей молниеносной и невообразимой по жестокости сцены расправы огромного цепного пса над маленьким котенком. Она только успела разглядеть смертельно испуганную гримаску пушистого малышки...Когда пес убежал, от котенка осталась только горсточка окровавленной шерсти...И ей причудилось, что где-то недалеко от нее, в кабинете с белыми стенами и хромированными инструментами уже ждут не дождутся ее малыша, чтобы вот так же, как тот пес, оскалив рот, кровожадно наброситься на жертву. «Неужели это возможно? – всматриваясь в темноту, думала она, - Неужели есть такие люди, для которых неведомо сострадание и которые занесенную для удара руку не остановят, даже если под ней окажется невинное дитя? ...Боже мой, что же мне делать?». Светлана вспомнила, как однажды прочитала в одной из книжек французского писателя Мопассана рассказ о бедной девушке, которая пытаясь прервать беременность, перетягивала веревкой живот. Беременность прервать она не смогла, а ребенок родился уродом... «...а может, урода они трогать не будут, - вдруг подумала она, - и потом – урода будет не так жалко...». И сама ужаснулась от этих мыслей: «Какая дура...такое думать о своем ребенке...». И ничего путного не приходило в голову. И громадные псы с окровавленными мордами рвались к ней с привязи, и неуклюжие люди в военных одеждах еле сдерживали этих псов, и где-то из-за занавески смотрели на нее любопытные глаза хитрого человечка с блокнотом, старающегося не пропустить ни мгновения предстоящей кровавой расправы.

13.

- Я слышал, ты работаешь в «Токио ниппо»? – голос Сацуо Ямадзаки стал задушевно вкрадчивым от нахлынувшей на него нежности.
 - Да, репортером женского отдела, - скромно опустив глаза, ответила Тацуэ,
 - газетка, конечно, не самой высокой репутации, но я и этому рада.
 - Я помню, ты еще в университете была замечена в журналистике. Как же, как же...У тебя это еще тогда хорошо получалось.
 - Ну что ты, - засмушалась Тацуэ, - разве это можно было назвать журналистикой? Вот сейчас я чувствую себя, как рыба в воде.
- Она весело рассмеялась, и Сацуо невольно залюбовался ее нежным профилем со

слегка вздернутым носиком и коротко стриженными волосами, которые взлетали, пушась, от каждого резкого движения. «Как же она похорошела, - подумал он, - а ведь тогда была серой мышкой, на которую никто не обращал внимания». Он вспомнил почему-то какую-то одну из бесчисленных студенческих вечеринок, где они не только оказались в одной компании, но и соседями по столу. О, как он топорщил свой павлиний хвост перед девчонками, явно млевшими от его смелых речей о грядущей революции. О, какими неумными были их фантазии относительно приближающихся перемен в политическом устройстве общества. Говорили о законах экономики, открытых гениальным немецким ученым, о новаторских течениях западной культуры и даже о религии, находя удивительную близость к реалиям жизни у пронесенных через века постулатов христианской веры.

Он спорил, рассказывал смешные истории, произносил веселые тосты – но все это было на публику. Он совсем забыл тогда о своей курносенькой соседке, которая весь вечер безуспешно пыталась с ним заговорить. Он забыл ее и после окончания университета, шутливо поцеловав на прощание в щечку на быстротечном выпускном вечере.

А она его не забыла...Сацуо чувствовал, каким-то наитием понимал, что встреча их совсем не случайна. Ну, как, скажи на милость, она оказалась в этом богом забытом городке Маньчжурии? И как она нашла его в захлестнутом предвоенными заботами людском муравейнике, где даже близкие люди могли потеряться и никогда потом не встретиться?

Он увидел ее, когда Тацуэ стояла буквально в шаге от него, не решаясь заговорить.

- Таттян, - захлебнувшись восторгом неожиданной встречи, выдохнул Сацуо, - неужели это ты?

- Это я, - простодушно ответила Тацуэ.
- Ну дай я же я тебя обниму...как ты здесь оказалась? Как же я рад, - не сдерживая эмоций, затараторил Сацуо.
- Я здесь в командировке, - уклончиво ответила Тацуэ, улыбаясь своей чуть смущенной улыбкой, при которой на ее щеках появлялись милые ямочки.
- Ну что же мы стоим...пойдем куда-нибудь в кафэшку, поболтаем, - все никак не мог успокоиться Сацуо, и вдруг неожиданно для самого себя добавил, - Эх, если бы ты знала, как я по тебе соскучился...

Вечер был чудным. Они шли по крутому спуску, застроенному добротными домами и обсаженному ровными рядами фруктовых деревьев. Свет фонарей, горевших в каждом дворе падал недалеко от дверей, и улица была погружена в полумрак. Говорить не хотелось, да и сказано было почти все, что хотелось сказать. А то, что было недосказано – они оба не знали, как к тому подступиться.

- Я завтра уезжаю...- тихо сказала Тацуэ.
- Задержаться никак нельзя?
- Нельзя...
- Жаль...

Они еще какое-то время шли молча. Шуршали под ногами мелкие камешки. Звонко цвирикали в прохладной темноте невидимые цикады.

- Ты меня прости, Сацо, - вдруг дрожащим от волнения голосом спросила Тацуэ, - я слышала от друзей, что у тебя есть девушка, на которой ты собираешься жениться?

И этот простой и естественный вопрос вдруг вызвал такое замешательство у Сацуо,

что он не сразу нашелся что ответить. Сказать, что да, есть, но он ее потерял, потому что ее посадили в тюрьму, и, скорее всего, из-за него, - это было выше его сил. Но и соврать после того, как между ними установилась такая сердечная доверительность – он тоже не мог.

- Я не хотел бы сейчас об этом говорить, - сказал он и положил руку на плечо Тацуэ.

- А я тебя прошу, - глаза девушки сверкнули в темноте навернувшимися слезинками, - не обижай меня оставшимися между нами недомолвками. Не бойся, я все пойму...и при любых обстоятельствах останусь твоим верным другом.

- Моя девушка была русская...и ее посадили в тюрьму. Где она и что с ней – я не знаю, - выдавил наконец из себя Сацуо.

- Как посадили? За что?

- Ни за что...просто пришли и арестовали. А потом следы ее пропали... может быть, ее уже и нет в живых.

- Как ты можешь так говорить? – возмущилась Тацуэ, - А почему ты ее не ищешь?

- Искал...- неуверенно произнес Сацуо.

Тацуэ решительно сняла руку юноши со своего плеча и даже остановилась от охвативших ее чувств:

- Как ты можешь? – только и нашлась, что сказать она.

- Ты мне не веришь? – слабо пытался оправдаться Сацуо, - Я подключил к поиску всех своих друзей...но все бесполезно – как в воду канула.

- Так, - решительно сказала Тацуэ, - называй тюрьму, где она сидит.

- Таттян, - взяв девушку за руки и улыбнувшись, воскликнул Сацуо, - а тебе-то зачем это нужно?

- Не знаю...- искренне ответила она, - но чувствую, что нужно...

* * *

В дверь камеры стукнул надзиратель, и со страшным скрипом открылось окошко, в которое тут же просунулась чашка с дымящимся рисом, заправленным красным соусом.

- Кусить! – веселым тенорком крикнул надзиратель и забренчал принесенной посудой.

Светлана поставила чашку с рисом на стол и легонько толкнула спящую однокамерницу:

- Вставай, еду принесли...

Зоя медленно открыла глаза, удивленно посмотрела по сторонам, словно не понимая, где она находится и вдруг, скорчив недовольную гримасу, резко вскрикнула:

- Отстаньте вы все от меня! В гробу я видела вашу поганую жратву! И вообще всех я вас в гробу видела!

Она перевернулась на другой бок, но тут же резко привстала и, сменив гнев на милость, попросила Светлану:

- На меня возьми, подруга...

Они ели, молча и не глядя друг на друга. Когда допивали жиденький морковный кисель, Зоя вдруг спросила:

- А ты я вижу в интересном положении?

И хитро подмигнула:

- Дать дала, а замуж идти отказалась?

Светлана нахмурилась, всем своим видом давая понять своей беспардонной

сокамернице, что разговор ей этот крайне неприятен.

- Ну, ну, извини, конечно... - посерьезнела Зоя, - если не секрет, от кого дите?
- От любимого человека, - взглянув в глаза подруги, ответила Светлана.
 - Вот дела... - покачала головой Зоя, - и на каком месяце?
 - Да уже на девятом...
 - Ну ты даешь!
 - Мне страшно... - вдруг вырвалось у Светланы.

Она закрыла глаза и шмыгнула носом. Но готовящиеся хлынуть слезы остановил требовательный голос Зои:

- А ну хватит нюни распускать! Чего тебе страшно, дурочка? Смерти? Так все мы там будем...кто-то раньше, кто-то позже...и этих идиотов...что нас с тобой здесь держат, тоже черви когда-то глотать будут...

- Да я же не о себе, я – о ребенке...
- А что ребенок? Он такой же человек, как и все...Хотя...послушай, подруга, - вдруг склонилась головой к голове заговорщицы Зоя, - А ведь ребенок – это для тебя какой никакой, а шанс...
- Как это? – не поняла Светлана.
- С младенцем они опыты делать не будут...повременят...годиков до трех-пяти...а с ним они не тронут и тебя. Поняла? А там, глядишь, чего произойдет...придут наши – и по шапке дадут ползучим гадам...
- Не могу, - утирая щеку от скатившейся слезы, - прошептала Светлана, - Я сама вытерплю любые пытки, но если они тронут ребенка...я не вынесу...
- Ну, милая, что ж теперь делать...так уж Богу, видно угодно...
- Зоя! – вцепилась вдруг в локоть однокамерницы Светлана, - Помогите мне сделать аборт! Зоенька милая, ради всех святых помогите мне, пожалуйста...
- Да как скажешь, - освободив свой локоть от цепких пальцев подруги, поморщилась Зоя, - мы это с подругами уже проходили...только смотри потом не пожалей.

14.

Алексей проснулся среди ночи от того, что среди звенящей тишины вдруг отчетливо услышал скраденные тюремными стенами звуки громкого разговора. Он вслушался в тишину и понял, что звуки идут из соседнего помещения, судя по всему, такой же камеры, как и его. Алексея как ветром сдуло с постели: он явственно услышал родную, так давно не слышанную им русскую речь да еще сдобренную ядреными матерными словечками. Он лихорадочно схватил со стола кружку и приставил к стене. Точно...это была русская речь...еле уловимая, но узнаваемая по интонациям и отдельно распознаваемым словам. Голоса были отчаянно растревоженными. Но из-за того, что он не все слова слышал, смысл разговора был ему не совсем понятен. Возможно даже, что хозяева тех голосов ссорились. «Что им делить в этой вонючей дыре?» – с усмешкой подумал Алексей и три раза стукнул кружкой о стену.

- О чем базар, братцы господи! – громко крикнул он, чуть ли не прижимаясь губами к стенке.

За стеной на мгновение установилась тишина, а потом другой, молчавший до этого звонкий голос отчетливо откликнулся:

- Ты кто такой?

- Демченко...Алексей...военнопленный...с первого Дальневосточного фронта...А вы кто?
- А нас тут четверо...Васька Севостьянов, Гоша Островский, Никита Остапенко и я – Петька Булатников. Все работали на КВЖД.
- Давно с воли? – поинтересовался Алексей.
- Все по-разному...Васька и Никита – с месяц, а мы с Гошей здесь с прошлой недели...
- А я, братцы, со счета сбился: недели две в беспамятстве лежал...меня япошки какой-то заразой заразили...
- Васька с Никитой тоже вон пластом лежат, ноги распухли, как у слонов...вот вляпались, мать их...узкоглазые твари...кранты нам, парень...но ты не дрейфь...мы им еще покажем кузькину мать...эй, атас!

За стенкой мгновенно установилась тишина, а в коридоре громким гулом зашаркали шаги надзирателей.

После этого неожиданного разговора Алексей долго не мог уснуть. Ему показалось, что сама судьба решила сжалиться над ним, распорядившись послать ему весточку с воли. «Может, это знак providения, - думал он, - дающий мне путь к спасению. Их четверо, они физически здоровы. И если б мы смогли вооружиться, захватить в заложники охранников, а еще лучше – кого-нибудь из высшего офицерства...потребовали бы машину...а до границы с Родиной – рукой подать...». Но как договориться? Как обсудить детали побега, если звуки голоса соседей едва различимы. Да и не будешь ведь кричать во всю глотку о своих намерениях напасть на охрану. «А если попробовать вынуть пару кирпичей...проскоблить гвоздем швы...», – вдруг неожиданно осенило его. Он аккуратно развернул тряпочку, в которой тусклым серебром блеснул остро заточенный гвоздь. Алексей провел гвоздем по обшарпанной стене камеры. И – о, чудо! – со стены повалились крупные крошки. Он тыкал и тыкал гвоздем в разные места стены – и везде сыпались осклизлые на ощупь крошки то ли кирпича, то ли штукатурки. От сырости кирпичные стены сделались рыхлыми и крошились от малейшего прикосновения к ним металла. « Это же очень здорово...так и сделаю, - решил он, - завтра же проскоблю...». И впервые за последние дни уснул умиротворенно, с растянутыми в радостной улыбке губами.

* * *

В кафе было жарко – не помогли ни открытые форточки окон, ни вертящиеся под потолком пропеллеры вентиляторов. Рэйдзо Масуи, тощий с нервным, дергающимся лицом молодой человек в ладно подогнанной военной униформе, уютно развалился на стуле с резной спинкой, курил сигарету и, поминутно смаргивая глазом струящийся с нее дым, философствовал:

- Идеи христианства, Ямадзаки-сан, человеколюбивы, но насквозь лживы. Чего стоят, например, заповеди о всепрощении или о требовании «не убий!»? Ты согласен, что это хитрая ловушка для легковверных, придуманная циниками, живущими вне морали? В нас, людях, потомках зверей, никогда не умирала привычка жить по законам джунглей, где слабые пожирались сильными. И возмутись однажды слабые...объединись и возьми в руки мечи...где были бы тогда кажущиеся такими непоколебимыми устои нашего общества? И я не понимаю, почему с такой враждой воспринимают христианство наши

политики и духовенство. Искренне не понимаю...

- Но ведь заповеди должны быть священными и для сильных мира сего? Иначе, что это за религия? – возразил Сацуо Ямадзакки.

- Правильно, должны быть...но в каждом конкретном случае всегда могут появиться оправдывающие их нарушения обстоятельства. Ну, например, защита своего жилища от грабителя. Важно, чтобы идеи религий сдерживали общество от внутренних конфликтов. Еще важнее, чтобы сами религии не вступали в конфликт друг с другом...

Сацуо промокнул рот салфеткой и, взглянув на друга нетерпеливым взглядом, прервал этот совсем не интересный ему разговор:

- Ладно хватит демагогии...ты мне лучше скажи, зачем ты меня сюда позвал?

- Вот в этом весь ты, - рассмеялся неестественно громким смехом Рэйдзо. – Всегда найдешь повод уйти от спора. Ты не прочь пропустить еще по рюмашке? – И, не дожидаясь ответа, плеснул в длинноногую рюмку Сацуо пахнувшего ароматом осеннего леса струйку коньяка. – Мне было так одиноко и скверно на душе, что нестерпимо захотелось провести время в компании хорошего друга...

- Ладно, так я тебе и поверил, - уже начал сердиться Сацуо.

- А зря...Ну, так вот, слушай, что я тебе посоветую...Ты, Сацуо, зря недооцениваешь своего старого друга. Вспомни, ты меня просил помочь тебе по съему квартиры для встреч? Я помог. Просил помочь уладить отношения со Светланой, когда о твоих похождениях стало известно в жандармерии? Я уладил и сделал все, что было в моих силах.

- Стоп, - прервал его Сацуо, - не совсем понимаю, о чем ты сейчас говоришь.

- Серьезно? Ты не в курсе, куда подевалась Светлана?

- Ты хочешь сказать, что это все устроил ты?

- Пойми, брат, я это сделал только исключительно ради тебя. Она уже попала в списки неблагонадежных...а ты бы вслед за ней загремел по всем законам военного времени, - заплетаящимся языком промямлил Рэйдзо.

- Да ты...ты знаешь кто, - с перекошенным злобой лицом прохрипел Сацуо, - как ты мог? Ты что не знал, что она уже была моей невестой?

- Знал...- пьяно улыбнулся Рэйдзо, - но если бы я чуток опоздал, то сейчас бы с тобой здесь не разговаривал.

- Где она сидит, что с ней, - схватив друга за грудки, дрожащими от волнения губами спросил Сацуо.

- Убери руки. Что ты себе позволяешь? Откуда мне знать, что с ней. Знаю, что сидит...а где и как – это уж, извини, мне не интересно...

- И ты меня для этого позвал, чтобы плюнуть мне в душу?

- Я тебя позвал, чтобы предостеречь...- Рэйдзо поднял многозначительно вверх указательный палец, - ты это понимаешь? Предостеречь...спасти тебя, дурака, то есть...своими глазами видел – дело на тебя заведено...ты подумай над этим...не сегодня завтра тобой займется следствие – будь к этому готов...ну не мне тебя учить...самое главное, чтобы этот русский, ну, отец твоей девушки, про тебя ничего не сказал...а еще лучше, если б он до следствия не дожил...

До Сацуо не сразу дошел смысл сказанных его пьяным в стельку другом ровным и добродушным голосом слов. Чудовищность этих слов была в том, что они были произнесены человеком, утонченной натуры, воспитанном в семье музыкантов, сумевших привить сыну уважение к религиозным и национальным традициям, и, самое главное, к

праведной морали. Он посмотрел на Рэйдзо, тупо тыкающего палочки в пустую тарелку, и впервые за многие годы знакомства вдруг отчетливо увидел, что профиль его узколобой головы разительно похожа на профиль гориллы.

15.

Зою привели глубокой ночью. Два тщедушных конвоира, бросив неуклюже ее на тюфяк, шумно отдышались и вышли из камеры – бессловесные и бесплотные, как призраки. Светлана сняла с подруги обувь, поправила подушку. Зоя лежала недвижно, не отзываясь на прикосновения подруги, ее руки безжизненно свесились по бокам тюфяка. Лишь сиплый сдавленный хрип, вырывающийся из ее широко раскрытого рта, обнаруживал в ней последние теплившиеся остатки жизни.

- Зоя, милая, отзовись, - заплакала, оглушенная свалившейся на подругу бедой Светлана.

Ей почудилось, что невидимые вампиры, выпив кровь из своей жертвы, где-то отходят ко сну, сыто позевывая и отрывая красным. Бездушные и бесчувственные к чужому горю, они хлопали осоловелыми глазками, прислушиваясь к урчанию в животе. А их кровавые одежды лежали рядом у тюфяка, зловонные от неотстирываемости и непросыхаемости.

К утру дыхание подруги участилось. Поперхнувшись долгим и мучительным кашлем, она вдруг очнулась и тихо прошептала:

- Давно я здесь валюсь?

- Ночью тебя привели...- ответила Светлана, - что они с тобой сделали?

- Не знаю, - после долгого молчания ответила Зоя. Она немигающим взглядом смотрела в потолок, и со сложенными на груди руками была похожа на покойницу, - положили в ящик, наподобие гроба...закрыли стеклянным колпаком...и смотрели на меня, как я мучаюсь...

- Барокамера...- догадалась Светлана.

- Что ты сказала? – еле шевеля губами спросила Зоя.

- Ужасно...Какие они звери...- со слезами на глазах проговорила Светлана, представляя себе мучения подруги под пытками, изощренность которых ничуть не уступала изощренностям средневековья.

- Самое ужасное, что я была абсолютно голая...а они, мужики, пялились на меня, как на уличную девку...и сил никаких не было перевернуться или хотя бы закрыться руками...

Зоя беззвучно заплакала, смешно кривя рот, а Светлана гладила ей руку и приговаривала ласково:

- Успокойся, родная...все пройдет...все заживет...все будет хорошо...

А под вечер у нее начались схватки. Она кинулась вначале к подруге, забыв, что та сама лежит в небытии, потом, дико завыв от резкой и невыносимой боли, принялась стучать в двери камеры.

- Сто такой? – спросил появившийся, как чертик из табакерки, весь помятый и испуганный охранник.

- Мне больно! Позовите, пожалуйста врача...я рожать, наверное, буду...

- Какой рожать? – не понял охранник, - я нисего не знаю...

- Рожаяю я, дурак! Вот видишь пузо! – закричала на него Светлана. - Зови

врача, чего уставился, - не выдержала она тупого ступора охранника.

Она и сама ничего не понимала в тот момент. Она не слышала своей речи, сплошь состоящей из словечек, никогда в других обстоятельствах не произносимыми бы ее. Она забыла страшные мысли по поводу судьбы своего будущего ребенка. Все сейчас было сфокусировано на этом неподвластном разуму состоянии, где включенный неведомым природным механизмом животный инстинкт деторождения диктовал все ее действия и помыслы. Она легла на тюфяк, поджав ноги к животу и начала умащиваться, поправляя постель и подушку под удобную позу. Схватки усиливались, и она ясно вдруг представила пробивающегося наружу ее пока еще несмышленного, но страстно жаждущего выжить малыша. Он судорожно толкался руками и ногами, ища опоры в жидком сплетении окружающей плоти. Он искал и рвался всеми силами на воздух, ежесекундно приближаясь к критическому мгновению...

Как в замедленном кино, Светлана видела вспышки света в дверном проеме и прыгающие тени на пороге камеры, ощущала металлический холод ручек носилок, в которые вцепилась мертвой хваткой. И все ее сознание вертелось вокруг одной мысли, которую она, как заезженная пластинка, шептала запекшимися губами: «Держись, мой малыш...».

Как порванная от непомерного напряжения, тоненько тренькнув, лопнула натянутая тетива. Пронзительный крик ребенка, которого тут же унесли за ширму, заполнил собою всю даль вселенского пространства, которая до того затаенно и выжидательно молчала. Ничего не поменялось в мире: светила все та же яркая лампочка в приемной тюремной больницы, стучали все те же ходики над столом молчаливого врача, пронзительно стрекотали все те же сверчки в прогнивших подземельях, но смысл всего того, что происходило отныне в мире, уже был существенно не тем. Не теми были и умыслы, живущих в этом мире людей. Они не стали добрее или злее – они стали откровеннее, ибо их мотивация стала легко распознаваемой.

* * *

Утром, дождавшись, когда стихнут шаги охранника, Алексей постучал, как они условились, три раза в стенку и крикнул:

- Я буду скоблить...если что – стучите.

Кирпич подавался так легко, что уже через совсем небольшой промежуток времени ему понадобилось относить наскобленную грязь к стене, где он уже заранее заприметил удобную для схорона ямку. Работа спорилась, но Алексей, сдерживая чешущиеся от прилива энергии руки, делал все не спеша, время от времени чутко вслушивался в коридорные звуки, всегда имея в виду те действия, которыми он мог мгновенно, услышав шум у двери, замаскировать следы своих усилий.

Когда он к обеду затих, ожидая прихода охранника, из-за стенки ехидно поинтересовались:

- Перерыв на обед?

Алексей только помотал головой от досады: «Вот баламуты, мать их...». Дырка в стене становилась все ощутимее, и он оглаживая ее края, восхищенно шурил глаза и склонял голову набок, словно выбирая иные ракурсы для нахождения каких-то других, не замеченных ранее деталей. А под вечер он удумал расширить лаз: «Оно на труды не намного дольше, а пользы от широкого лаза будет поболее – вдруг понадобится

пролезть». И сделал мерку по размерам головы: «Отощал, так теперь что голова, что плечи – одного размера». А зачем ему лезть в чужую камеру – он и сам не знал – своей что ли не хватает? Но расширять дырку стал – на всякий случай.

А на третий день соседи закричали:

- Эй, Леха, кончай, стена шевелится! Дай подумать, как дыру замаскировать».

- А я думал, что вы уже готовы, - с досадой произнес Алексей, - что же вы там спите, не на курорте же, ей богу...

- Леха, давай помалу... - советовали из-за стены.

- Если можешь, чуток правее...

- Да все нормально, давай грызи дальше...

И он грыз, не забывая однако прислушиваться к шумам в коридоре. И вскоре гвоздь пролез наружу! Еще немного поскоблив, Алексей уже смог просунуть в соседскую камеру руку.

- Леха, давай гвоздь, теперь мы поскоблим, а ты иди отдохни.

Он послушно передал гвоздь и прилег на тюфяк. Он и вправду устал за последние дни от непривычных физических усилий и недосыпа, потому что ночами одолевала бессонница, а днем сон наваливался зыбкой дремой – нервной и дерганной – от которой никакого не было толку. Стала жутко болеть голова, а перед глазами то и дело бегали мушки. «Не хватало мне только сейчас заболеть, - с досадой подумал он, - когда уже все готово для побега». Он глубоко вдохнул и выдохнул: «Надо поспать, хотя бы часик-другой...». Но за стеной радостно закричали:

- Ну-ка, Леха, подь сюда!

Алексей подошел к дырке и обомлел: вывороченный кирпич, лежавший у стены, открыл лаз, в который уже запросто можно было пролезть. Он просунул в него голову, и четыре улыбающиеся физиономии тоже тискались ему навстречу, дурашливо толкаясь и шепотом незлобливо матерясь.

Радость нежданной встречи как-то враз вытеснила из сознания заговорщиков все те мысли и ощущения, какие были сокровенными и одолевали каждого из них до этого. Им всем казалось, что мгновение этой встречи – не просто событие их вялотекущей тюремной жизни. Как будто бы первый шагок они сделали к своей желанной свободе, и этот шагок оказался удачным. Уже сам этот факт пусть малюсенькой, пусть остающейся в большей степени нереализованной попытки преодоления несвободы пьянил их головы и знобил души щемящим предвкушением счастья. Они обнимались, жали руки, хлопали друг друга по плечам, неловко целовали друг друга в щетинистые щеки и, не стесняясь слез, дурашливо перешептывались.

- Леха, а мы твоим гвоздем кандалы на ногах ослабили...если что, можно запросто сбросить...

- Ребята, давайте о деле, - первым пришел в себя Никита, - сейчас все по местам, а после обеда собираемся обсудить план побега...

И это слово «побег», сказанное буднично, как бы даже всуе, было таким нелогичным и неправдоподобным после долгих дней ожидания пыток, когда ни надежд, ни каких-либо ожиданий нечаянных шансов давно не просматривалось, как если бы в тюремном коридоре вдруг громко грянул танцевальную мелодию духовой оркестр.

Стояли ясные осенние дни. В прозрачном небе проплывали легкие облачка, теплый ветерок сдувал с дороги палые листья, а где-то из дальних дворов винокурен в такт большого деревянного молотка неслось бойкое и звонкоголосое «Эн-я-са, эн-я-са!». На каменных плитах двора и на крышах погребов, где помещались бетонированные сушильные площадки, лежали, ожидая своего часа, льняные рыжевато-коричневые мешки с рисом. Чуть поодаль орудовали ножами бочары, расщепляющие на обручи для новых чанов сложенный аккуратной россыпью у крыльца бамбук. Терпкий запах незрелой хурмы, соком которой были пропитаны мешки, смешивался со сладковатыми запахами бамбука и криптомерии (древесины, из которой изготавливались чаны для сакэ).

Сацуо, как зачарованный, смотрел на эти строения, которые внезапно возникли перед ним на окраине города: с их звуками и запахами, разительно похожими на звуки и запахи винокуренного заводика, соседствующего с его родительским домом в Токио. Та же суэта и крики промывщиков риса, тот же скрип механических прессов, те же детские ватаги, катающие в непроглядной дорожной пыли бамбуковые обручи. «Как это так? – думал он. – Откуда здесь в глухой маньчжурской провинции такой сугубо японский уклад?». Как будто снова он очутился в родном предместье большого города, где прошло его детство. И так защемило сердце, что заслезились глаза. Ему вдруг так страстно захотелось домой. Упасть на колени перед родимым домом, прижаться щекой к материнской ладони. О, как много бы отдал он за глоток свободы... каким счастливым был бы он человеком, если б хотя бы на месяц его отпустили домой. И эти мысли о доме вдруг как будто толкнули его в бок: ну, как он мог забыть о сегодняшнем приезде Тацуэ? Он, на всякий случай перепроверяя себя, достал из кармана скомканный бланк телеграммы: так и есть – «приезжаю пятнадцатого вечерним поездом...».

...Они зашли в маленькую харчевенку, чтобы отдышаться и немного перекусить. В обнесенном черным дощатым забором и узкой, давно не крашенной дверью строении только что, видно, закончилась уборка, и свежепомытые полы вкусно пахли какой-то ароматной травой.

- Ты сильно проголодалась? – спросил Сацуо.
- Съела бы сейчас целого поросенка, засмеялась Тацуэ.
- А если я предложу рыбу в соусе из мисо?
- Тоже не откажусь...

- Извините, что заставила ждать. – Появилась официантка, мило улыбающаяся, в руках которой была переносная газовая плита. Она ловко поставила на нее кастрюлю и расставила на столе мелкие тарелочки и мисочки. Потом она принесла большое плоское ослепительно белое фарфоровое блюдо, на котором лежали тонко нарезанные сочные кусочки белой мясистой рыбы.

- Какая прелесть! – прошептала Тацуэ, у которой от запаха закипающего соуса побежали слюнки.

- Не представляю, о чем же ты пишешь в своей газете на маньчжурские темы.... - вдруг сказал Сацуо, вылавливая палочками ароматные кусочки рыбы из кастрюли.

- Ну, конечно же, не о буднях оголтелых членов «Кевакай» («Общество согласия», политическая организация фашистского толка, созданная японцами в Маньчжурии во время ее оккупации), которые сейчас развернулись не хуже нацистских эсэсовцев.

- А о чем же, если не секрет?
- Обо всем, кроме политики...

- Ах, я болван! – хлопнул себя по лбу Сацуо, - ты же у нас репортер женского отдела.

- Но я пишу и для других отделов.

- Слушай, дай же мне наконец почитать твои статьи. Жутко интересно.

- Ты меня ни о чем не спрашиваешь, - глянув юноше в глаза строгим взглядом, вдруг спросила Тацуэ.

- Пока нет..., - отложив аккуратно палочки в сторону, ответил Сацуо.

- Я навела справки...подключила очень влиятельных людей...и знаешь, что я узнала? Чудовищную вещь!

Тацуэ ожидала увидеть смятение на лице юноши, но его лицо было спокойно недвижимым, и даже глаза не выдавали какого-либо волнения.

- Ну-ну, говори же, - попросил ее Сацуо, но она совершенно растерялась какими словами сказать свою страшную новость.

- Понимаешь...- она боялась совсем не того, что Сацуо, узнав плохие вести, спровадит ее в гостиницу и уйдет от горя в себя. Напротив - она боялась его равнодушной реакции и усилий не придавать значения информации, каким-то непонятым боком вклинившуюся в их милую беспечно-шутливую игру. – Понимаешь...по каким-то неведомым причинам она попала в лапы господина Сиро.

И по реакции Сацуо она увидела, что он все понял. Он побледнел, сжал руки в кулаки и покачал головой:

- Это конец...

- Но это еще не все...

- А что еще?

- Она в тюрьме родила ребенка...

* * *

Мнения заговорщиков о времени начала своих действий разделись на два варианта. Важным аргументом первого была разумная тактика выжидания, сводящая к минимуму риск. Требовалось всего-то ничего – дожждаться, когда в камеру придет с инспекцией какая-нибудь важная птица, и взять ее в заложники. Во втором варианте на руку играл фактор неожиданности, предполагающий нападение на караул в ночное время суток. Но в первом варианте главным минусом была неопределенность сроков, отдаление которых могло обернуться крахом всего задуманного, а во втором – все отдавалось на волю судьбы, ибо они не знали ни численности караула, ни расположения помещений, ни способа преодоления вахты или тюремных ограждений.

Сошлись все же на варианте ночного нападения, а, решив, тут же и определились со временем – завтра. Решили безоговорочно, хотя все понимали, что шансов на успех – почти никаких. А на завтра отложили побег, потому что к нему еще надо было настроиться.

Алексей весь день просидел в оцепенении на тюфяке, откинув голову на сырую стену камеры. Он не понимал, что с ним происходит. Страшно хотелось пить, жестким обручем стянуло голову, а тело обмякло от парализующей все его клеточки слабости. «А что если до вечера мне лучше не станет? – с ужасом думал он. – Неужели они уйдут, а я здесь останусь...». И ему виделись его сообщники, перелезающие через забор на волю, в которых стреляли, но попасть не могли заполошенно бегающие по тюремному двору

охранники. Он так отчетливо видел волю...с предутренней дымкой сырого тумана...с полоской ярко расцветенного солнечными лучами неба...с запахами луговых трав, в которых все оттенки пахучего разнотравья затмевала полынь...

Он впал в глубокую дрему, крепкими веревками спеленавшую тело и сделавшую бесчувственным сознание.

А в это время в соседней камере случилось то, чего все и боялись: пришли забирать Гошу и Петра. Конвойные, как всегда, открыли дверь, чтоб предупредить, и тут же снова ее закрыли.

- Ребята, не надо дергаться, - сказал хмуро Петр, - видно такая наша судьба.

- Ты чего такое городишь? – возмутился Гоша, - дать им, гадам, себя терзать? Так и так погибать...но хоть не задаром...

- А ты, дурак, о ребятах подумал?

- Так и за ними завтра придут...

- Ладно, кончай базар, - оборвал перепалку Никита, - кричите Леху...будем действовать...

Гоша с Петром одевались медленно. Отчаянно тряслись руки, а негнущиеся пальцы никак не могли сладить с пуговицами заношенного тряпья. Василий с Никитой тихо перешептывались. Они, сдерживая готовое вырваться из груди сердце, обсуждали план возможных действий.

- Если нам удастся их свалить, я предлагаю затащить их обратно в камеру, чтобы одеть их шуметь...

- Это в том случае, если мы их возьмем бесшумно...

- Да...если они успеют поднять шум, надо всем нам бежать в караулку, пока они не очухаются...брать оружие...а дальше – по обстоятельствам...

Дверь камеры со скрежетом открылась. Молодой с чуть пробивающимися черненькими усиками охранник, улыбаясь и часто моргая глазами, прокричал:

- Быстро руски, быстро...

Он только чуть покосился на вставшего со своего тюфяка Никиту, который, помахивая зажатым в кулаке листочком бумаги, скорчив заискивающе подобострастную мину и смешно отключивая зад, двинулся навстречу ему.

- Вот гляди, чего тут пишут...

17.

Едва Никита схватил охранника за горло, Василий с Петром бросились ему на помощь, а Гоша выскочил за дверь. Второй охранник стоял с задумчивым видом спиной к дверям и тихо насвистывал, а потому Гоше не стоило больших трудов ухватить его за шею и, закрыв рот ладонью, втащить в камеру.

И это уже была почти победа! Друзья, возбужденные невероятно удачливым поворотом событий, почти не сговариваясь, начали готовиться: Гоша с Петром лихорадочно натягивали на себя снятое с убитых охранников обмундирование, Никита следил за обстановкой в коридоре, а Василий полез выяснять, что с Алексеем. Время, сжатое безмерным напряжением усилий в звенящую пружину, замерло леденящим, безмолвным холодом. В открытую дверь камеры отчетливо задувал свежий уличный воздух, донося дальние голоса и лай собак. И этот пьянящий дух свободы, смешанный с тошнотворным запахом тюрьмы, возбуждал друзей нездоровым азартом смертельной

игры, ставкой которой были их жизни. И не было пути назад. И не было раздумий по поводу того, стоит ли та их безумная задумка, какую они сейчас затеяли, потерь даже призрачных шансов на продление жизни. Теперь их жизни из всех несчастий и побед, из всех бесчисленных мгновений чувственных переживаний ужались, как шагреновая кожа, в крохотные лоскутки, готовые тут же истлеть в безжалостных ладонях обстоятельств.

- Ну, с Богом... - шепнул, нервно сплюнув, Никита и, увидев выпачкавшегося в глине Василия, удивился, - а где Леха?

- Слушай, он, кажется, умирает...

- Чего ты городишь...

- Да лежит, ноги вытянул и почти не дышит...

- Ну, что теперь поделаешь, пошли без него.

* * *

- У Вас все? – спросил Исии, завязывая тесемки картонной папки и тем самым давая понять собеседнику, что время доклада истекло.

- Да, господин Сиру... хотя... я забыл доложить, что беременная заключенная номер 826 вчера благополучно родила...

- Вот как, - раздвинул губы в едва уловимой улыбке генерал. Его глаза оживились, - а поподробнее?

Кавасима покопался в своих бумагах, отыскивая аккуратно исписанный иероглифами листочек докладной тюремного врача, а найдя его, так же аккуратно и ровно доложил:

- Младенец мужского пола... вес 3100 граммов, рост 52 сантиметра. Родился вчера в 23.15. Роды прошли без осложнений. Сейчас роженица находится в стационаре под наблюдением медсестры. За ребенком наблюдает медсестра из производственного отдела.

- Подготовьте для них отдельную камеру.

- Но, господин генерал...

- Никаких «но»... продезинфицируйте хорошенько, смените белье. Больную переведите на питание по первой норме.

Когда за начальником производственного отдела закрылась дверь, генерал медленным шагом подошел к окну и приоткрыл занавеску. В синем безоблачном небе, слепя глаза по осеннему бесхитростным светом, над всем пропыленным и угрюмым пространством Маньчжурской степи повисло теплое и доверчивое солнышко. Оно светило, не обращая внимание на чудовищное скопище зла, выплеснутое из океана людской вселенской свары, спокойное, умиротворенное, одинаково любвеобильное для праведников и убийц.

Генерал, жмуря и без того глубоко упрятанные за веками глаза, перевел взгляд на дворовые постройки своего отряда, и от неожиданности вздрогнул. Из дверей первого отделения один за другим выбежали три охранника и, обогнув угол здания, то и дело озираясь на ходу, стремглав бросились к вахте. И тут же вслед за ними, стреляя вслед беглецам, вывалились из дверей трое с винтовками.

Это было похоже на безумие. Исии провел машинально рукой по глазам и, придя в себя после минутного замешательства, бросился к внутреннему телефону:

- Вахта? Что там у вас?

Голос его срывался от холодного, сковывающего все члены тела ужаса. Неужели это

побег? Как? Каким образом? Как они могли, эти недочеловеки с кандалами на ногах и почти умерщвленные его изощренными опытами? И что теперь будет, если они сумеют уйти? Это же крах всему...крах всей этой глубоко законспирированной, блестяще организованной и такой перспективной военной идеи...в которой главным элементом грядущего успеха была неожиданность...

- Это побег, господин генерал...Мы перешли на повышенный вариант тревоги... Личный состав готов к отражению атаки, господин генерал...ведем огонь на поражение...

- Кто командует караулом?
- Я, унтер-офицер Норимицу Кикучи.
- Я вверяю Вам все необходимые полномочия по ликвидации побега, старший унтер-офицер Кикучи...убейте всех, кто посмел стрелять в воинов Ямато...я верю в Вас...
- Все будет выполнено в точности так, как вы сказали, господин генерал.

Пометавшись по кабинету и немного успокоившись, Исии сел наконец за стол и набрал номер своего заместителя по оперативной работе.

- Ну и почему Вы молчите? Вам нечего мне сказать? – гневно и с трудом подбирая слова, прохрипел он в трубку. – Почему Вы до сих пор не командуете ликвидацией побега? Позор! Такого я даже в дурном сне представить не мог: побег! И откуда? Из образцового во всех отношениях отряда № 731! Беглецы атакуют вахту, а Ваши подчиненные чаи распивают в кабинетах. Позор! Я Вас примерно накажу, если Вы, как истинный самурай, сами не примете правильного решения. Все! Действуйте!

Он откинулся на спинку стула и стал ждать. Он успокоился, потому что прекрасно понимал: этим трем сумасбродным смельчакам укрепленную и ошестинившуюся десятками единиц огнестрельного оружия вахту ни при каких обстоятельствах штурмом не взять. Он даже закурил, достав из стола припрятанную для таких непредвиденных нервных случаев помятую пачку сигарет.

Уже через пять минут бодрый голос начальника караула доложил не без тени самодовольства:

- Беглецы ликвидированы...в количестве трех человек. В личном составе потерь нет.

- Благодарю Вас, старший унтер-офицер Кикучи. Попрошу Вас подготовить списки всех отличившихся для поощрения.

В наступившей тишине Исии даже слышал веселое щебетанье птиц за окном. Молчали телефоны, молчало все многочисленное население этого мрачного строения, как бельмо на глазу, выделявшегося на девственно зеленом фоне безбрежного, пахнущего теплыми ветрами степного пространства. Молчали все, кто понимал жестокую кошмарность случившегося. Молчали и не понимали, как такое вообще могло случиться. А не понимали, потому что подопытные «бревна» были настолько безропотны и безвольны, что, казалось, должны были думать только о скорейшем своем конце во избежание дичайших мучений. Молчали, потому что каждый чувствовал меру своей личной вины и ожидал неминуемой кары, которая по законам военного времени могла оказаться такой же жестокой, как и в отношении их подопытных...и, странное дело, те жестокости, какие виделись повседневными и будничными, как оправка в туалете, примеряемые каждым из проштрафившихся обитателей мрачного строения сейчас на себя, вдруг начинали холодить душу смертельным, пронизывающим сознание страхом. Одно дело смотреть, как извивается в смертельной агонии беспалый, с растлевающимися

промежностями какой-нибудь безропотный китаец, а другое – извиваться на земляном полу самому...

И господин Исии каким-то неведомым чувством улавливал сейчас этот коллективный страх. Он смотрел на колеблемые воздухом занавески, и ему делалось невыразимо хорошо от чувства превосходства над всеми этими людишками с их приземленными чувствами и мыслями. Он испытывал невыразимое чувство блаженства, какое было сродни испытанным в далекие времена юности чувствам от физической близости с женщинами. Ему было в такие минуты хорошо еще и от того, что вся эта огромная и хитроумная машина, винтиками которой были сотни людей, а предназначение охватывало миллионы, если не все человечество, жила и работала, чутко отзываясь на его, лично на его, господина Исии, повеления. И сбои этой машины не могли быть значительными из-за гениальной продуманности конструкции каждого ее узла и их между собой связей. Но как даже маленький посторонний звук работающего механизма выводит из равновесия опытного механика, так и господин Исии был очень расстроен этой пускай и по-дилетантски робкой, но все же состоявшейся попыткой побега. И профессионализм бывалого механика уже ясно подсказывал ему в каких местах нужно подкручивать гайки.

18.

Недалеко от усадьбы, где жили когда-то старые родители, а теперь проживали семья младшей сестры и вдова недавно умершего брата, стоял храм, и начальник отдела кадров штаба Квантунской армии Кодзиру Компару решил заехать туда – этого было достаточно чтобы о его приезде узнали все жители заштатного городишка.

Когда зеленого цвета бьюик остановился у главных ворот храма, к нему потянулись все, кто в это время проходил мимо. Из ближайших лавок выскочили на улицу любопытные хозяйки. Отдав священную дань памяти родителей, господин Компару с трепетом в душе направил машину к родимой усадьбе.

В начале эпохи Мэйдзи, когда дома росли как грибы после дождя, о вкусах некогда было спорить, все следовали быстро меняющейся моде. Потому в обстановке и убранстве комнат этих домов царил полный хаос. Новые вещи помещались между чужеродными им старыми; с ценными, изящными вещами соседствовали безвкусные безделушки. Но все, чем наполнены были старые комнаты; все, что годами занимало когда-то определенное хозяевами место; все, что вкупе и создавало неповторимую ауру детских лет, – было таким родным и близким сердцу, что слезы сами собой наворачивались от теплой, тихой радости.

Господин Компару почти не помнил отца: он умер, когда маленькому Кодзиру было всего шесть лет, а вот мать Кимико стояла перед глазами всегда так явственно, что всегда, когда он вспоминал ее, душа его цепенела от неизбывного горя. Он боготворил мать даже после того, как она благословила его брак с нелюбимой Тадзуко. «Закроешь глаза – и черт за ангела сойдет», - сказала она в тот день, когда он ей признался в своих намерениях. И он был поражен ее пронизательностью, ибо до этих слов и сам не понимал, что чувства его к богатой девушке были очень далеки от тех, какие зовутся любовью. Скромная, небогатая семья Компару была уважаема всей округой, потому что совсем в недалекие времена их родословная соприкасалась где-то своими густо разветвленными ветвями с родословной священного императорского семейства. И маленький Кодзиру с детских лет уверовал в свое великое предназначение, осознанно занимаясь доскональным изучением

школьных предметов и чтением исторических книг. Его юность была чем-то вроде прокрученной перед фильмом документальной черно-белой хроникой прошедшего дня: будничной и ничем не примечательной. Вот он в кругу друзей, отмечая поступление в университет, выпивает первую в своей жизни чашечку саке. Вот он в числе отличившихся в учебе студентов едет на знаменитый студенческий конгресс в Токио, где их приветствует и благодарит за учебу сам император. Вот он сидит со своей будущей супругой за огромным столом, во главе которого восседает его будущий тесть – влиятельный чиновник кабинета министров страны.

Нет, все то, чего он достиг, было не только благоволением судьбы, пославшей ему влиятельного родственника. Кодзиро, унаследовавший умный и склонный к самоанализу характер отца и душевные с ярко выраженным чувством юмора черточки характера матери, был всегда первым кандидатом на заполнение освободившихся вакансий ступенек карьерного роста. И он шагал по этим ступенькам своею легкой, пружинистой походкой (какою обладал вследствие постоянных занятий легкой атлетикой), подолгу не задерживаясь ни на одной из них. Ему не важно было, каким делом он занимается. Волею судьбы сменившийся вид деятельности он воспринимал, как новый полигон для деловых и творческих экспериментов, и брался за неизведанные проблемы с таким энтузиазмом, что результативностью работы ставил в тупик даже бывалых специалистов.

Когда страна стала ощущать себя военной машиной, когда каждый ее житель проникся идеей выживания за счет активного противодействия враждебному окружению соседствующих стран, тридцатилетний Кодзиро поступил на службу в императорскую армию. Все, знавшие его люди – родственники, друзья и приятели – крутили пальцем у виска, справедливо считая, что для манерного аристократа военная служба – это, как седло для коровы. Но, странное дело, он и в армии не затерялся в строю одинаково закамуфлированного и одинаково оболваненного солдафонского братства. Начав службу с младшего офицерского звания, он уже к сорока годам получил звание подполковника, а с ним – высокую должность в штабе Квантунской армии.

Он, конечно, уже был не тем, беспечным и остроумным весельчаком, заводилой шумных компаний, каким его помнили друзья по студенческой поре. Его характер стал сдержанней и скрытней, он стал более разборчив в выборе друзей; ум его, и без того рациональный, от бесконечно аналитической штабной работы вообще превратился в сухую, быстродействующую машину. Он и внешне стал вальяжней и внушительней. Лицо его, сохранившее тонкие черты, перерезалось крупными мимическими морщинами, хотя и не очень старивших, но придававших ему вид бывшего вояки.

Семья у Кодзиро жила в Киото. Он никогда не пытался возить жену с детьми за собой, и они существовали вдали от него сами по себе, никак его не донимая и ничем не волнуя. Он часто звонил жене, интересовался успехами детей, давал советы – все, как полагалось делать заботливому мужу и отцу. Он делал это с добрым сердцем и радовался успехам детей, и успокаивался за жену, искренне досадуя на обстоятельства мешающие им жить вместе. Но в глубине души понимал, что такой вариант семейной жизни его устраивает тоже вполне.

Такой вариант его устраивал, и он с годами начал к этому привыкать (хотя почему-то верил в чудесные перемены), потому что после неудачных попыток любовных связей с легкомысленными женщинами, его физиологические мужские функции уснули крепким

летаргическим сном. Лишь изредка просыпался, щемяще отзываясь позабытым трепетом, жгучий похотливый позыв, когда его глаза встречали точеную фигурку милой скромницы, живущей в родительской усадьбе – Сауко, вдовы его недавно умершего брата. И всякий раз, когда он поминал родителей, ему невольно вспоминался тот теплый летний день, когда у входа в храм, она, прижавшись в людской толчее на мгновение к его груди своим невесомым телом, вдруг обожгла таким неистовым теплом, что все его существо пронзило, будто электрическим током.

* * *

С тех пор, как появилась на свет ее желанная кроха, Светлана стала как будто другим человеком. Она стала мудрее и расчетливей. Она уже вполне осознала, что если ее не умертвили до сих пор и дали возможность во вполне приемлемых медицинских условиях родить ребенка, значит, теперь по крайней мере ближайшее время ей можно передохнуть от смертельных ожиданий. Она просто забыла об этих ожиданиях, уйдя с головой в заботы о ребенке. Как дикая кошка, она, чутко вслушивалась в запахи и шумы, сосредоточив все свое внимание на дитя и поджимая коготки при малейшей опасности.

Камера, куда ее переселили, была чуть поменьше, но в ней, кроме нее, больше никого не было. От земляного пола, шла та же промозглая сырость, так же сквозило холодным воздухом из дверных щелей, и Светлана постоянно подтыкала одеяльце, чтобы ребенок не простудился. Она в последнее время совсем почти не спала. Ребенок, будто чувствуя несвободу, беспричинно нервничал, беспокоился, возясь и не находя места, и она нежно его успокаивала, гладила маленькое, теплое тельце и шептала ласковые слова. Она почему-то сразу стала звать его Витей. «Ви-и-и-тя, - нежно катала она в губах это светлое имя, - Витя, Витя – завиток...спи мой маленький дружок...». И он, сладко причмокивая губками, вздыхал и засыпал невинным сном, доверчивый и беззащитный.

И в распорядке дня установилась для Светланы некая стабильность. Два раза в день к ней в камеру приходила медсестра, чтобы убедиться в правильности ухода за ребенком. Появлялась изредка в камере и еще одна медсестра, хмурая и молчаливая, которая внимательно осматривала младенца, проверяла двигательные реакции ручек и ножек, заглядывала в ротик. И малыш заходился в пронзительном крике, едва она появлялась в дверях камеры.

Она до того свыклась со своей установившейся жизнью, что чувствовала себя вполне сносно, и душа ее успокоилась, устав метаться от дикой безысходности. Где-то в прошлой жизни остались старенький отец, пылкий и порывистый жених, подруги, соседи...ушли, выветриваясь из памяти люди, которые встречались в тюремной жизни: Глафира, Зоя...и какие-то другие женщины-узницы. И ей уже давно не снились, преследующие поначалу кошмары с оскаленными ртами и впавшими щеками ее недавних подруг.

19.

Склонив маленькую головку набок, бледная, с чуть приметными веснушками, Тацуэ внимательно слушала рассказ дяди Кодзири, который плотно покушав с домочадцами, вышел во двор усадьбы, где уже всю щебетали ранние птички. Чуть взволнованный от такого пристального внимания Компару против своего обыкновения начал придумывать к

своей истории несуществующие детали, высвечивающие ее в выгодном свете. Когда они поравнялись с беседкой, Тацуэ вдруг остановилась и, чуть запнувшись, тихо сказала:

- Дядя Кодзиро, у меня к Вам очень серьезный разговор.

Он внимательно посмотрел на девушку – нет, она не выглядела взволнованной: только глаза заблестели, а на лобик набежали тоненькие морщинки.

- Слушаю тебя, племянница.

- Это очень серьезно, дядя...я даже не знаю как начать...

- Ну, начни с погоды...- засмеялся Кодзиро, пытаясь подбодрить девушку. Он любил Тацуэ как свою родную дочь и даже находил в них неуловимое сходство и во внешности, и в характере. Его сводила с ума их одинаковая детская непосредственность и то милое очарование, какое таят в себе раскрывающиеся для цветения и уже источающие благоуханный аромат бутоны. Он неосознанно видел в девушке красоту женского начала, какая приходит к прекрасному полу после рождения первого ребенка. И он радовался, что к этой красоте восходят его родовые связи. Ему хотелось обнять и поцеловать этот невинный цветок уже только за то, что он так нежен и тонок. Ему было так прекрасно от смешения чувств умиления очарованием милых сердцу уголков старой усадьбы и тихого очарования девственной красотой племянницы.

- Дядя, по делам службы я была недавно в Харбине...

У Кодзиро от изумления сделалось холодно в груди:

- В Харбине? Зачем? Что ты там делала?

- Как репортер «Токио ниппо»...там я встретила одного давнего приятеля по учебе в университете. Понимаешь, дядя, у него – страшная беда...его невесту без суда и следствия отправили сначала в «Хагоин», а потом в застенки Исии...что с ней, какова ее судьба – тайна за семью печатями. Известно только, что она в тюрьме родила ребенка.

- И что ты хочешь от меня, - сухим голосом спросил Компару.

- Дядя, я знаю, что Вы очень добрый...

- Девочка, я прошу тебя...

- Вы только не обижайтесь, дядя, я прекрасно понимаю, что можно, а чего нельзя...

- Тогда к чему весь этот разговор?

- Я прошу всего лишь узнать, что с ней...и если спасти ее никак нельзя, то хотя бы помочь ей не мучаться...

- Милая Таттян, зачем тебе все это нужно? – ласково взял ее под руку Компару.

- Вы считаете меня взбалмошной дурочкой, дядя, ну признавайтесь, так ведь? – Тацуэ недовольно тряхнула своими по-европейски коротко стриженными волосами. – А если мы с Вами договоримся, и вы сможете ну, хоть чем-то ей помочь – разве мир от этого не станет чуточку добрее?

- Ну допустим, - пытался переубедить ее Компару, - я о ней поговорю с кем следует...а не ухудшит ли это мое к ней внимание ее положение? И более того, я боюсь, что мою просьбу могут истолковать очень в превратном свете...ты, надеюсь, меня понимаешь?

- Понимаю, дядя, но Вы же у меня умный...

...Уезжая на следующий день из родной усадьбы, господин Компару долго смотрел на остающиеся позади старенький дом в густой зелени дико разросшегося кустарника,

стайку местной ребятни, играющей у ворот и двух родных его сердцу женщин – Сауко и Тацуэ. И на душе у него было светло, и сердце рвалось на волю от невыразимой радости за то, что эти женщины ему так дороги. И ничего, кроме радости за их существование у него в мыслях не было.

* * *

Алексей очнулся от резко ударившего в нос запаха нашатыря. Он импульсивно дернулся головой, протер слезившиеся обильной влагой глаза и недоуменно посмотрел на человека в белом халате, деловито укладывающего в чемоданчик флакончики и шприц.

- Кватит болет...все...давай-давай..., - весело похлопал его по плечу человек, и пошел к двери.

- Пойдите, - тихо попросил Алексей, - что это было со мной?
- Закупорка...кровь...надо...как это...мало двигайтесь...
- Да погодите же вы...где я? – в глазах Алексея блеснули слезы.

Человек в белом халате на мгновение оглянулся и, окинув его равнодушным взглядом, пожал плечами.

Алексей тупо уставился в потолок, пытаясь восстановить в памяти события, предшествовавшие его забытию. Но в еще не отошедшей от болезни голове всплывали какие-то разрозненные обрывки его давней довоенной жизни, где он был беззаботным, босоногим и, как все его дворовые приятели, немного хулиганистым пацаном. Всплывал школьный двор с густыми зарослями черемухи у забора, класс с запахом свежей краски и девчонка Рита с длинной белой косой, которую он любил первой детской наивной любовью. В его воспоминаниях не было ничего такого, что бы могло возбудить его резкими эмоциями, а потому совершенно выпали из сознания его ссоры с отчимом, разочарования в отношении с любимой женщиной – все то, что оставило в памяти горькие зарубки. И время пребывания в японском плену тоже напрочь выпало из памяти. Он силился понять, почему так больно незаживающей занозой саднит душу какое-то неизбывное чувство вины. Какой вины и перед кем – он, как ни пытался, вспомнить не мог.

Ночью он долго не мог заснуть, а когда впал в забытие, увидел вдруг ясно квартирку в деревянном бараке, где они жили дружной семьей: отец, мама и они – два брата близнеца. Ему привиделся теплый летний вечер, когда даже от раскрытого настежь окна веяло липкой духотой. Они сидят за столом и кушают. Отец что-то рассказывает матери. И вдруг их рыжий кот Барсик начинает яростно прыгать на стену и, стучаясь головой, неуклюже падать на пол. «Что с ним?» – испуганно спрашивает мать. «Не знаю, - отвечает отец, - но видишь, какое время пришло...даже коты с ума сходят».

Тускло светила лампочка над дверью камеры. Алексей до рези в глазах всматривался в яркую точку, помещенную внутрь лампочки, точно пытаясь в ней увидеть разгадку скопившихся вопросов. И вдруг лампочка моргнула, а где-то за стеной жалобно замыкала кошка. «Барсик!» – почему-то подумал Алексей. Он медленно встал с тюфяка и шатающейся от слабости походкой прошел от одной стены камеры до другой. «Какой Барсик? – сказал он сам себе вслух, - это же тюрьма...». Тюрьма! Вот он ключ к разгадке! Как он мог позабыть, где находится? Вот тюфяк, на котором он лежит, когда усталость валит с ног. А вот стены и пол...а вот параша. Все! Весь его мир, заключенный в эти мрачные и сырые стены. Он, взволнованный своим открытием, снова прилег на тюфяк, но ясно различимое кошачье мяуканье за стеной снова заставило его вздрогнуть. Алексей,

приставив кружку к уху, приник к стене камеры. Точно! Сомнений не было – то была кошка...или кот. Он мяукал длинно и заливисто, точно в предвкушении каких-то своих кошачьих удовольствий. И этот его истошный крик, переплетаясь с воем пикирующих самолетов и разрывами снарядов, возникших из дальних тайников сознания, ударил его вспышкой света, ярко-красными брызгами разлетевшегося внутри головы, и улетел, отзываясь удаляющимся эхом, в глубокую бездну безразмерного пространства.

И потом этот свет отдалился, колеблясь как в свечке от дуновения воздуха, и в изломе теней возник ярко очерченный кошачий силуэт. Он увеличивался, превращаясь в громадного зверя с ощерившейся пастью, который только и ждал малейшего повода броситься на жертву. И вождельно предвкушая свой кровавый пир, этот зверь пускал слюну и глядел на жертву маслянистыми, круглыми и неморгающими голубыми глазами. И этот зверь был совсем не похож на того еще совсем только недавно безмятежно трущегося об ноги и сладко закрывающего оплывшие от теплой жизни глазки пушистого зверька, который даже и повода не давал подумать о нем что-нибудь плохое.

А утром, наклонясь за упавшей ложкой, Алексей увидел дырку в стене, наспех заделанную еще не засохшей глиной. И он, оглушенный увиденным, сгреб со стола одним махом еду и, запинаясь о вертящуюся под ногами кружку, бросился на тюфяк, не в силах совладать со слезами горя и отчаяния.

Он вспомнил! По крупицам, по маленьким зернышкам деталей Алексей уже к вечеру собрал из разрозненной мозаики воспоминаний хронологию событий последних дней. Ему отчетливо увиделись лица парней, с которыми он собирался в побег. Его снова забил озноб так и не произошедших перемен, в которых неизвестность была выкрашена черным цветом смертельной опасности. «Но почему вместо них в камере кошка?, - недоумевал он, и мысли его путались, и он ничего не мог понять, каким образом они потеряли друг друга. «Они убежали без меня...возможно у них все получилось...а я остался здесь...- думал он, - а может быть они все погибли...и что с того, что я остался? А может быть то, совсем не кошка, а просто я схожу с ума? Нет...если бы я сходил с ума, я бы этого не знал...». Он улыбнулся своей мысли и подошел к стене. И еще не осознавая своих намерений, машинально поскреб ногтями глину в дырке. Рыхлая, холодная глина обильно посыпалась на пол, а за стеной установилась тишина. И ему показалось, что большая кошка за стеной, изогнув спину и поджав когти, изготовилась к его появлению, как она изготавливается к появлению мышки из норы.

20.

Церемония выпуска сводных унтер-офицерских учебных отрядов подходила к концу, и генерал Ямада, подзвав к себе генерала Исии, без обиняков спросил его о трудностях, какие надо устранять в первую очередь. Увидев недоумение в глазах хитрого бактериолога, господин Ямада пояснил, что в этот раз он визита в отряд делать не будет, потому как положение дел ему хорошо известно и попутно, к явно выразившемуся на лице собеседника удовольствию, добавил о правильности программы наращивания продукции на его подопытных объектах.

- Я прошу меня извинить, господин генерал, за повторное обращение, - начал Исии, - и, увидев резко поднятую бровь главнокомандующего, поспешно уточнил, - я имею в виду письмо, направленное Вам в начале мая.

- Слушаю Вас, - нетерпеливо спросил генерал Ямада.
- Я просил Вас для ускорения темпов производства направить в отряд дополнительно 30 офицеров.
- Просьба была обоснована?
- Письмо содержало два листа пояснений...

Генерал Ямада, ничего не ответив, повернулся к плацу, на котором еще маршировали курсанты, и махнул начальнику учебных курсов рукой, что означало «пора кончать!».

А на аэродроме, прощаясь с Исии, он вдруг подозвал к себе начальника отдела кадров полковника Компару и строго спросил:

- Вы знакомы с хозяйством отряда № 731?
- Только заочно, господин генерал.
- Плохо. Я даю Вам сутки...до 15.00 завтрашнего дня. Для ознакомления положения дел. Поезжайте сейчас же. Я Вас не задерживаю.

Генерал Исии оказался очень общительным человеком. Полковник Компару, задремавший было вначале дороги от усталости, накопившейся за три долгих и беспокойных дня маньчжурской командировки, был искренне очарован раскованной манерой ведения беседы своего остроумного попутчика.

- О, я знаю...я был в тех местах, - заговорил Исии, когда речь зашла о родовом поместье Компару. У меня большая родня живет в Юке, от которой до вашей усадьбы – два часа езды на машине.

- Вы сами родом из Юки?
- Нет, но мои предки появились там уже в семнадцатом веке.
- Вы так хорошо говорите о наших местах...
- А как же иначе? Как можно забыть вечерние катания на лодках, когда, кажется, все жители города, веселые и нарядно одетые, спускаются к реке и садятся на большие крытые лодки, украшенные разноцветными бумажными фонариками. А потом, когда все лодки отплывут от берега, ведомые ловкими лодочниками, там закатывается такой пир на весь мир! А с лодки, плывущей в некотором отдалении, где сидят гейши, до очарованного слуха гостей доносятся мелодичные звоны самисэнов...
- Да Вы настоящий поэт, господин Исии!
- Вы мне льстите...
- И Вы душою стремитесь в те места?
- Стремлюсь, но, увы, дела не позволяют...
- А я, грешным делом, хотя бы раз в году стараюсь попасть в родные места...ни с чем, знаете ли, не сравнимое ощущение.
- Да, родина – это святое...как мне порой не хватает ее милого присутствия...я чувствую, что начинаю черстветь и становиться все нетерпимей к людям...
- О, это непреложные издержки армейской службы и военного времени, господин Исии...Дай Бог, закончится смутное время...и вот увидите, весь мир поменяется...
- Вы думаете, война скоро закончится, - спросил генерал Исии, бросив быстрый взгляд в сторону собеседника.
- Не знаю, - откровенно ответил Компару и поправился, - но это, конечно, совсем не означает, что я не верю в мудрость императора и в проведение Божие.

Он сказал последние слова так поспешно и неловко, что его собеседник улыбнулся

и, повозившись на сидении, заметил:

- Вы честный человек, господин Компару, но это, разумеется, не всегда добродетель. И не все безыскусную честность воспринимают так же безыскусно. И то, что Вы со мной откровенны, я искренне оценил.

* * *

Отправив господина Компару в сопровождении Кавасима осматривать производственные лаборатории, генерал Исии вызвал тюремного врача: ему не терпелось узнать состояние новорожденного малыша, которому шел второй месяц.

Врач, скромно опустившись на краешек предложенного стула, положил подрагивающие от волнения ладони на стол и с готовностью преданного пса поднял голову на своего господина.

- Ну, докладывайте, что там с новорожденным? – брезгливо взглянув в сморщенное от напряжения лицо врача, спросил Исии.

- Здоровье и мамы, и малыша – в норме. Развитие – без отклонений. Контроль постоянен.

- В поведении матери подозрительного нет?
- Нет. Она полностью занята ребенком.
- Хорошо...давайте, антропологические данные...посмотрю...

Он совершенно искренне радовался удачному развитию ребенка. Уже одно то, что свершался пускай пустяковый, но давно задуманный план, радовало Исии, как ребенка радует купленная родителями желанная игрушка. «Только бы ничего не стряслось до начала опытов, - думал он, - только бы мне самому дожить до тех дней...». Он подумал об этом машинально, и тут же ему стало немного не по себе. «Что значит дожить? – удивился он самому себе, - хорошенькое дело – дожить...». Он с ужасом подумал о том, что если и в самом деле, с ним что-то нехорошее случится, то вся его гениальная конструкция фабрики смерти в одночасье рухнет. Как у всякого гениального человека, у него практически все многомерье усилий по воплощению идеи замыкались на нем самом, и при этом у него никогда не было времени подумать о замене. Да и самолюбивые до болезненности амбиции не допускали и мысли о готовке достойных его знаниям и опыту преемников.

«Ну что же это еще, если не фарт, честное слово», - подумал он о ребенке, и маленькое голое детское тельце возникло в сознании, как распластанная на лабораторном столе тушка маленького животного – темно-вишневого цвета, рыхлая, скользкая и с характерным запахом свежей крови. И срезы тканей, которые делал опытный препаратор виделись такими же, как всегда, аккуратными и идеально ровными.

- Докладывайте дальше...
- За истекшие сутки, - поборов волнение, сухим и ровным голосом, - заговорил врач, - зарегистрирована смерть семи испытуемых.

Он оторвал на мгновение глаза от бумажки, лежащей перед ним, чтобы посмотреть на реакцию генерала, и увидев привычно насупленные, выжидательные глаза Исии, продолжил, не меняя интонации:

- Трое – от последнего опыта по чуме, двое – от опыта по обморожению, один – от опыта по сифилису и один – от острого отравления...

- Отравления от чего? – поинтересовался деловито генерал.
- Корейского вьюнка...
- Передозировка?
- Нет, господин генерал, непереносимость организмом из-за сильного истощения...

...Врач уже вышел из кабинета, когда генерал вспомнил вдруг об интересном и не совсем еще им осмысленном случае: полное восстановление одного из подопытных после заражения чумой. Ему уже доложили, что следов смертельного для всех теплокровных существ заболевания в организме больного после тщательного обследования не обнаружено. При обычном течении инфекционного заражения и полном отсутствии медицинского вмешательства, при внешне обычной анатомии и психопатических параметрах подопытного это было настолько непонятно и загадочно, что генерал в последнее время места себе не находил, теряясь в догадках. Ему доложили, что подопытный через месяц после заражения перенес гипертонический криз в легкой форме, но это уже, по мнению генерала, не имело к делу никакого отношения. И этот сбой в успешно отработанных методиках массовых убийств оставлял в душе генерала легкий осадок недовольства и не давал ему покоя. Его руки чесались попробовать немедленно подопытного в новом эксперименте, чтобы убедиться в том, что методики не врут. А рассудок противился, заставляя оставить экспериментальное поле маневров свободным от эмоций.

21.

Генерал Компару был неплохо осведомлен о деловых способностях генерала Исии, но уже в первые минуты обхода увиденное им ошеломило его. Развернутая за короткий срок практически в чистом поле фабрика смерти выглядела гигантским, идеально отработанным механизмом. Сотни людей, четко отмуштрованных и великолепно вышколенных, делали свое дело спокойно, без суеты и видимого напряжения. И если бы не специфические запахи и присутствие людей в униформе, это выглядело бы заурядными буднями какого-нибудь медицинского научно-исследовательского хозяйства. Все делалось основательно, без оглядки на тревожность настоящего и непредсказуемость будущего. Лаборатории и производственные цеха работали слаженно, буднично производилось в массовом количестве смертоносная биологическая зараза, меланхолически заученно отрабатывались методики смертоубийства на подопытных людях. Генерал Компару подолгу стоял, зачарованный у вольеров с крысами, где за беззвучием стенок из небьющегося стекла в матовом свечении электрических лампочек происходило неспешное действие выработки бактерий. Крысы лежали, высунув языки, и печальными глазами обречено смотрели на генерала. И читалась в этих глазах невыразимая печаль о заканчивающейся крысиной жизни, и безвольно склоненные на лапы мордочки были осмысленно скорбны. И представлялось генералу, что в крысиных глазах был осмысленный взгляд. Как будто накануне смерти в них пробудился разум, который с ужасом понял всю безысходность ситуации. Как будто встали они по разуму рядом с человеком, но от этого в мире ничего не могло поменяться. «Ну, помогите же нам, люди, - молили их глаза, - поймите нас и умерьте наши страдания». А люди вносили в их

клетки новый полчища блох, предварительно убрав тех, какие уже насосались отравленной крови.

Генерал, брезгливо ставя ноги, заходил и в казармы обслуживающего персонала. На него никто не обращал внимания: мало ли кто тут ходит – и с большими регалиями, и с малыми. Так уж повелось: посланники штаба армии друг за дружкой наведывались в лаборатории, будто боялись, что без их присутствия часовой механизм производства может дать непредвиденный сбой.

- А сейчас мы Вам покажем тюрьму...- льстиво улыбаясь гостю и обернувшись к нему всем туловищем, вдруг сказал Кавасима.

- Пожалуй...только прошу Вас – в общих чертах...- неуверенно промямлил Компару.
- Понимаю Вас...- улыбнулся Кавасима, - но таков протокол, господин генерал.

Все то время, что генерал Компару находился в отряде Исии, в нем трепетало тоненькой ниточкой полузагертое делами и заботами, полузабытое за ненадобностью давнишнее обещание, данное им в последнее посещение родительской усадьбы любимой племяннице Тацуэ. Он вначале даже и думать забыл о том разговоре, настолько он был нехорош и даже опасен. «Взбалмошная девчонка, - сердился он, - такое удумать...». Но потом отходил: «Истинный ребенок, хоть и достигший совершеннолетия...надо и воспринимать его причуды, как детское милое неразумие...». Он и забыл поначалу тот разговор, потому что предмет его совершенно не лежал в плоскости повседневной жизни. Но с того момента, как он получил распоряжение от главнокомандующего армии поехать в отряд Исии, в нем тот разговор как бы начал проявляться тревожащими душу неясностями. Его даже начало удивлять уже само то, обстоятельство, что разговор так скоро начал находить практическое приложение. «Как же так получилось?» – удивлялся он такому невероятному совпадению. И в этом совпадении ему виделся знак судьбы, и сердце его сжималось от нехороших предчувствий.

Уже первая камера тюрьмы ужаснула генерала своей азиатской изоцирено-дикой жестокостью. За открывшимися с металлическим лязгом ржавыми дверями он увидел лежащих на земляном полу вповалку истерзанных и замученных людей в истлевшей одежде, с массивными цепями на руках и ногах. Эти люди даже стонали как-то тихо и обречено. Резкий запах хлорки, обильно рассыпанный у двери не мог перебить трупного смрада, исходящего от этих, лежащих вповалку гниющих тел. Генерал окаменело стоял в дверях, не решаясь переступить порог камеры, и тупо смотрел на своего провожатого, который носком ботинка отопнул от дверей какой-то обрывок тряпья.

- Это отработанный материал. - простодушно пояснил Кавасима, когда они пошли дальше по коридору, - Более одного цикла никто их них не выносит...мы их лечим по самым последним методикам, и только, удостоверившись в необратимости болезни, отправляем умирать.

- Вы смелые люди, - сказал раздумчиво Компару, - ходить каждый день по лезвию ножа...

- Привычка, господин генерал.
- Но это же может стоить жизни и Вам, и вашим подчиненным.
- Мы исполняем свой священный долг, господин генерал, - сказал спокойным тоном Кавасима, и это выглядело немного фальшиво, если не

сказать – иронично – по отношению ко всем штабистам, наезжающим в отряд.

...Когда завизжала ржавыми петлями последняя дверь тюремного коридора, Компару, махнув рукой и стараясь не выдать подступившего вдруг волнения, бодро похлопал по плечу своего провожатого и сказал:

- Достаточно, господин Кавасима. Искренне Вам благодарен за Ваше ко мне расположение.

- Спасибо, господин Компару...

И они уже повернулись к выходу, когда машинально оглянувшись, в просвете открытых нараспашку дверей камеры Компару увидел женщину, державшую на руках грудного ребенка.

* * *

Маленькая черная точка на стене, на которую, проснувшись, смотрел Алексей, вдруг задвигалась и медленно поползла. Он вначале даже не понял, что она сместилась почти на сантиметр от угла. Едва различимая в сумерках камеры, точка неумолимо стала спускаться к полу. Потом она качнулась и стала двоиться. Потом, превратившись в большое, продолговатое пятно, сорвалась со стены и бесшумно улетела в дверь, проскользнув в студеные щели. Но закрыв глаза ладонью, а потом снова их открыв, Алексей увидел вдруг эту точку прямо у своего изголовья. «Да это же паучок!», - обрадовался он неожиданному визитеру. Он заворожено стал смотреть на это маленькое живое существо, которое, почувствовав чужое внимание замерло и оцепенело выжидало. «Дурашка, - шептал ему ласково Алексей, - ну ты-то зачем попал в эти гиблые места, где все отравлено и дышит смертью?». А паучок смотрел на него настороженно немигающими бусинками глаз и тихо шевелил лапами. И этот паучок, эта нежданная весточка с воли так растрогала Алексея, что он впервые за долгие месяцы неволи вдруг по-детски – с полной неприкаянностью чувств и неизбывностью горя – искренне, не стесняясь себя самого, расплакался. Слезы текли из его воспаленных от болезни глаз, и он их растирал по лицу ладонью, ощущая на губах, знакомый с детства вкус соли. Руки его уже не болели и в ногах он уже не чувствовал донимавшей все последние дни ломоты. И он смотрел на свое распластанное на тюфяке тело уже не как на тело покойника. И ноги его и руки были полны прежней энергией и были его прежними ногами и руками. «Я снова живу, - думал он, - и тело мое, растерзанное неволей, не хочет умирать. Я вот он – открытый всем бедам, какие есть на земле. Но разве могу я назвать себя неудачником? Разве могу я быть в обиде на свою судьбу, которая до сих пор берегла меня от смерти? И что может быть слаще вечно живущего в каждой клеточке тела ощущения жизни? Когда просыпаясь по утрам и засыпая по ночам, шепчешь слова благодарности Богу за то, что он тебя бережет.

И снова тюремная жизнь начала обретать для Алексея свой обыденный смысл. Снова вполне съедобной начала казаться тюремная пища, а долетающий из дверных щелей ветерок неуловимо пах степным полынным ароматом. И мысли о каком-то ему неведомом его предназначении снова начали вселять в сознание надежды на какой-то счастливый для него поворот судьбы. Тюремный врач уже появлялся в камере только по утрам. Он, молча, мерил температуру и давление, забирал в шприц очередную порцию крови и, оставив горсть таблеток на столике, поспешно уходил. И мысли о побеге, как-то уже перестали его донимать, отодвигаемые рассудочностью, ждавшей счастливых перемен.

Но перемены все не наступали. Никакие: ни счастливые, ни печальные. Даже приход в камеру самого главного начальника тюрьмы (он об этом догадался по свите визитера и по его поведению) не внес в его положение ясности. Начальник, перешагнув с брезгливой гримасой порог камеры и остановившись у дверей, поинтересовался у Алексея через переводчика о его здоровье. Потом он что-то спрашивал у тюремного врача, при этом глаза его выражали неподдельный интерес. Потом ему что-то начал объяснять тоже важный чин из свиты, но начальник резко его оборвал и долго, эмоционально жестикулируя руками, говорил, то и дело тыкая пальцем в сторону Алексея.

И он скорее от безделья, чем от неосознанной необходимости начал снова ковырять дырку в стене. Сначала перед тем, как ложиться спать – понемногу, потом уже, разохотившись – и по ночам. Ковырял сначала ногтями, потом попробовал сломанной пуговицей – получилось (ногти уже начали болеть и гноиться). И однажды он отчетливо услышал за стеной человеческий голос: женский и певучий, с необыкновенно нежными и добрыми интонациями. И он прекратил работу, подумав, что начинает снова впадать в забытие. И засыпал со страшными опасениями новых проявлений перенесенной болезни. И только на следующий день понял, что услышанный им голос был настоящим, а не навеянным болезнью.

22.

Завершив все дела, связанные с командировкой, полковник Компару с удовлетворением выполненного долга направился исполнять последний пункт своего служебного плана – ему оставалось попрощаться с господином Исии. Вообще-то его не очень вдохновляла перспектива пустого и выхолощенного с протокольными взаимными комплиментами разговора. Но что-то томительно давило на его подсознание, делая предстоящий обязательный разговор необходимым и к чему-то пока неосознанному обязанным. И он шел по длинным и пустым коридорам задумчивый и слегка озадаченный смутными нехорошими предчувствиями.

Несмотря на поздний час, господин Исии был бодр и, судя по завалу на столе, загружен большой работой. Он резво вышел из-за кресла и, встретив гостя у дверей, проводил его в свой уголок для чаепития, где уже стояли на расписанном яркими красками подносе большой термос с кипятком, заварочный чайник и две фарфоровые миниатюрные чашечки.

- Прощу Вас...- театрально жестикулируя, произнес он, и тут же принялся исполнять процедуру чаепития. – Как Вам, господин Компару, наше хозяйство?

- Не буду скрывать, поражен, господин Исии...

- Позвольте, поинтересоваться – чем?

Господин Компару улыбнулся, прекрасно понимая кокетливое желание собеседника покрасоваться своим любимым детищем и с усладой для тщеславного удовольствия услышать хвалебные о нем речи.

- Тем, что о Вас пока ничего не знает страна...- учтиво сказал он.

Господин Исии, чутко уловив желание гостя завуалировать ответ протокольными словесами, поморщился и с присущей ему прямоотой, вдруг резко произнес:

- Было бы не скромным с моей стороны, господин Компару, спрашивать Вас о сущности Вашего доклада главнокомандующему по поводу Вашего визита, но позволю себе Вас спросить о главном: будут ли нам добавлены кадры?

- Извините, господин Исии, в свою очередь поморщился Компару, но это как раз и

есть сущность моего доклада.

- Прошу Вас меня извинить, господин Компару, за мою бестактность, - спохватился Исии, - здесь в глуши не мудрено растерять все манеры тактичного поведения...

- Понимаю Вас, господин Исии, - примиряющим голосом ответил Компару и взял в руки чашечку с ароматно пахнущим чаем.

И они оба надолго замолчали, смакуя глоточками чай. Стучали настенные часы, отбивая летящие в пространстве мгновения. Скреблась где-то неподалеку настырная мышь. И все, происходящее сейчас вокруг показалось господину Компару настолько обыденным, что он в какой-то момент потерял чувство реальности. Но подняв глаза на собеседника, он вдруг снова ощутил дискомфорт от пронзительного, бесцеремонного взгляда холодных глаз и понял, что теперь он вряд ли заговорит с этим человеком о вопросе, касающемся деликатных подробностей трагического бытия запутавшейся в жизненных обстоятельствах какой-то рядовой человеческой личности. Но господин Исии, как будто прочитав мысли собеседника, вдруг проникновенным голосом спросил:

- Я вижу, что Вас эмоционально тронуло посещение тюрьмы?

И этот вопрос, заданный как раз в тот момент, когда Компару думал о женщине с ребенком, настолько застал его врасплох, что он даже вначале не знал, как ответить.

- Да, признаться, тронуло...

- Вы знаете, я ведь тоже не бесчувственный человек...и где-то в глубине души прекрасно даю себе отчет в неслыханном злодеянии над человеческой плотью. Но может ли сострадание к плоти остановить служение глобальной общечеловеческой идее? У плоти коротка жизнь, и рано или поздно плоть завершает свое существование, превращаясь в прах. И жизнь плоти не совершенна. Она сродни жизни примитивного животного, руководствующегося природными инстинктами. И вся история человечества показывает никчемность и абсурдность общественного самосознания нашей плоти. Весь хаос общественного развития – от главенства природных инстинктов над чувствами и разумом. Не будет никогда в мире равенства и братства, миролюбия и любви, если над всем этим не возникнет Власть! Не важно, откуда она придет и каким образом, но она должна прийти, чтобы избавить общество от распри...

- Но плоть любого человека священна, ибо она подарена Богом...- вырвалось у Компару, как будто он забыл о том, что и сам причастен к военной касте воюющей страны. Но господин Исии не обратил на лицемерие реплики (или сделал вид, что не обратил?) никакого внимания.

- А счастье и процветание всего человечества разве нам Бог не завещал?

- Вы хотите сказать...

- Да, я хочу сказать, что все мы здесь выполняем священную миссию Всевышнего – очистить мир от скверны...убрать с лица земли всех тех, кто нам мешает жить...и установить вечный, справедливый порядок...

Господин Компару, тронутый красноречием собеседника и разомлев от чая, улыбался и довольно жмурил усталые от тревожного дня глаза. Он уже и думать забыл о каких-то там ободранных людишках, с синюшными лицами, выглядывающих из дверей тюремных камер, открываемых перед ним при обходе. Что собственно, они за люди? Преступники, сброд, отбросы общества...и женщина с ребенком – тоже, наверное, преступница...

- Да, мы даем себе отчет в том, что можем выпустить джина из бутылки, который не

пощадит ни правых, ни виноватых...И вот тут-то и важен эксперимент...вот тут-то и нужна серьезная и обширная научная практика, которую без человеческого материала осуществить невозможно...мы задействовали все группы возрастов и разные расы, не делая исключения женскому полу...

- Я видел в тюрьме даже грудного ребенка...- вдруг как-то машинально сказал господин Компару.

- Да, так получилось...Но, будьте уверены, господин Компару, что ребенок здесь ни причем. Мы его трогать не будем, в конце концов не с детьми же мы воевать собираемся. А вот подрастет, тогда посмотрим...

- На свободу он не выйдет?

- Господин Компару, из нашей тюрьмы никто на свободу не выходит.

* * *

Когда Алексей окончательно понял, что за стеной женщина, он растерялся и остановил свою работу. Зачем она ему, а он ей? Какое-то странное чувство то ли досады на свою мужскую несостоятельность, то ли огорчения от обманутых надежд охватило его. Он понимал, что его жизнь каким-то образом продлилась из-за неожиданно случившихся обстоятельств. Ему повезло не умереть сразу, но можно ли назвать это везением? Не может быть, чтобы за временным послаблением его режима, не последовали жестокие испытания, которых не вынесет ни тело, ни разум. Зачем ему в таком случае общение с женщиной? Польстить своей плоти возможностью хотя бы духовного сближения с женской плотью? Сблизиться, чтобы умирать было мучительнее вдвойне?

Он лежал ничком на своем тюфяке и прислушивался к голосу за стеной. Женщина снова негромко запела. «Да она, наверное, сошла с ума», - подумал он, грустно вздохнув. И в тот же момент вдруг явственно различил мелодию и слова песни: «Колыбельная? И на русском языке...Боже ж ты мой...». Как такое возможно? Он уже слышал негромкое агуканье ребенка и ласковый говор женщины вперемежку с пением. И ясная картина его далекого детства снова встала перед глазами. Он увидел широкий двор с сараями и поленницами, большой стол посреди двора, врытый в землю, вокруг которого всегда стояли металлические скамьи. А возле двери у подъезда было высокое крыльцо, на котором сидели женщины и бабушки. И внимательный, ребячий взгляд всегда отличал в цветастой гудящей, словно весенние мухи, толпе веселый и светлый лик матери, которая не только внешне выделялась из всех. Ее звонкий хохляцкий говорок придавал посиделкам какую-то ярмарочную праздничность, и Алексею всегда казалось, что мать специально выходила на крыльцо, чтобы повеселить честной народ. «Ой, душечка, да что же ты ребеночка не так держишь?» – смешливо цеплялась она к молодой, первый раз вышедшей с пищащим сверточком на улицу. «Вот смотри как...- говорила она, ловко взяв сверток на руки, - на левую руку, а правой поддерживаешь и поправляешь, если что...». «Ой, смотри, Олеся, чужого ребеночка подержишь, своего тут же нагуляешь». «И нагуляю, бабоньки! Какие наши годы!», - хохотала она в ответ. Но ребеночек, которого она очень хотела, умер вместе с ней накануне весенних первомайских праздников. И с тех пор, когда поблизости агукал маленький ребенок, у Алексея жалостливо замирало сердце, а в горле перекатывался горький комок.

Он снова начал скрести дырку в стене. Глубокой ночью, когда стихали все живые

звук, он взял стершийся до размера копеечной монеты огрызок пуговицы и сел на корточках у стены. Он даже сперва и не понял, что скрестил до сквозного отверстия – всего-то ничего. Уже после первого надавливания на пуговицу, глина посыпалась, и кулак с пуговицей проскочил в пустоту.

- Ой, что это такое, - тихо всполошился женский голос.
- Не пугайтесь... это я – ваш сосед, - неуклюже ответил Алексей и замолчал, ожидая ответной реакции.
- Вы кто? - спросила после некоторого молчания женщина.
- Алексей...военнопленный...а Вы кто?
- А я Светлана...жила в Харбине...училась в университете...
- У Вас грудной ребенок?
- Я здесь родила, в тюрьме...ему уже, наверное, годика полтора...
- А муж Ваш на свободе?
- На свободе...и он ничего о нас не знает...

И разговор их на этом прекратился, потому, что от всхлипывания матери проснулся ребенок и со сна начал капризничать.

23.

- О, да ты совсем далек от политики, - засмеялась Тацуэ, - не зная о великом переходе китайцев с юга на северо-запад страны – это, дорогой мой солдат Отечества, верш политическая некомпетентности.

- Ну, что поделаешь, не у всех ведь есть возможность черпать новости из независимых печатных источников, - засмутился Сацуо.

- Так вот, десятки тысяч мирных жителей, среди которых были даже глубокие старики и малолетние дети за год с небольшим прошли пешком около десяти тысяч километров...ты это себе представить можешь? – решила просветить своего приятеля девушка, - Они перебрались в верховье реки Янцзы, перешли горы Тайсюэшань и, пройдя вдоль тибетской границы, сосредоточились на стыке провинций Шэньси и Ганьсу...и теперь, территория, которую контролируют коммунисты, не уступает по площади всей Японии...

- То есть получается, что в Китае сейчас два правительства? Чего же мы добились?

- Да в том-то и дело, что ничего существенного...Как был для нас Китай чужим и недружелюбным, таким он и остался.

- Ну, хватит о политике, все равно я в ней ничего не понимаю, - махнул рукой Сацуо, - ты лучше расскажи о себе. Как съездила домой, как твои родные?

- Съездила хорошо, - лукаво улыбнулась девушка, - дом есть дом...а для тебя у меня есть хорошая новость...

- Ну говори же, не тяни...
- Мой дядя ездил по служебным делам в хозяйство Исии...
- Боже мой...- с бьющимся сердцем выдохнул Сацуо.
- А до этого я с ним переговорила о твоей Светлане...
- И что же?
- Ты представляешь, она жива и жив ее ребенок...

Сацуо закрыл ладонями лицо и покачнулся.

- Что с тобой, - испугалась Тацуэ, - тебе плохо?
- Что же ты сразу не сказала, что у тебя такие новости, мы б зашли в кафе и обо всем спокойно поговорили.

- Ну, это сделать никогда не поздно, - улыбнулась девушка и взяла своего спутника осторожно под руку.

...Перешагнув порог малолюдного с уютным полумраком помещения придорожного кафе Сацуо вдруг развеселился и попросил себе чашечку сакэ.

- Что это тебя утром потянуло на спиртное? - строго спросила Тацуэ.
- Ты еще меня об этом спрашиваешь? – шутливо огрызнулся юноша.
- Смотри не переусердствуй, а то мне тебя такого упитанного до дома не довести...не обижайся...шучу...
- Ну рассказывай же дальше, что ты знаешь о Светлане...не томи...
- Родила она в тюрьме мальчика...
- Бедная моя девочка...
- Их содержат сносно...отдельно ото всех...
- Дядя говорил о них с генералом?
- Ты что? – возмутилась Тацуэ, - с какой это стати он стал бы о них разговаривать?
- Извини..., - тихо произнес Тацуо и взял девушку за руку, - ты ведь должна меня понять...
- Я понимаю...
- Это чувство беспомощности меня просто угнетает...Я – живой и здоровый мужчина, вполне вменяемый и отдающий себе отчет в степени опасности, которая угрожает жизни родным мне людям, - сижу здесь...а они там...

Он налил себе из чайничка с розовым рисунком в чашечку сакэ и залпом выпил.

- Все! Довольно...надо действовать...

* * *

Весь день Алексей находился под впечатлением ночного разговора. «Ну ладно, - думал он, - меня замуровали в каменную могилу, как врага, воюющего на стороне неприятеля. А женщину-то с ребенком за что сюда определили?». Он никак не мог взять в толк, чем могла так насолить японским военным та молоденькая женщина, что попала к ним в руки уже на последних сроках беременности. «Ну неужели ж только ради своих экспериментов?» – с удивлением думал он, не в силах постичь степень окаменелости и омертвелости сердец военных, которые решились на ее арест. Ему делалось нехорошо уже только от одной мысли о том, что военные могут удумать относительно ребеночка. Он ясно представлял себе картину, где ребенка вырывают из рук бьющейся в истерике матери, а потом вкалывают у нее на глазах в маленькую беспомощную ручку ядовитую жидкость из хищно отблескивающего в полусумраке камеры шприца. «Как ей все это пережить?» - думал он, и ему делалось дико невыносимо от того, что он никаким образом не может ей помочь.

После того, как смолкли шаги надзирателя, делающего последний перед наступлением ночи осмотр камер, Алексей отодвинул тюфяк, закрывающий прокопанный им лаз и сердце его екнуло: в соседней камере было тихо. Он долго прислушивался, надеясь уловить какое-либо движение или звук, а потом чуть слышным шепотом позвал:

- Светлана

И только тут в звенящей тишине он вдруг услышал слабый шорох и тихое покашливание.

1. Светлана, что с Вами? – снова едва различимым шепотом позвал он в тишину.
2. Мне плохо, - отозвался женский голос, - мы с моим мальчиком сильно заболели...

Алексей в комок сжался от безысходного чувства дикой беспомощности. Еще не вполне давая себе отчет в своих намерениях, он вдруг неожиданно для самого себя просунул голову в лаз и пополз.

Светлана как будто даже не удивилась, увидев его у своего изголовья.

- Поддай мне, пожалуйста воды, - попросила она так просто и буднично, будто они были сто лет знакомы и будто он был для нее таким родным и близким человеком, что она не стеснялась лежать перед ним в нижнем белье.

- Вас лечат? – спросил Алексей, подавая ей чашку.
- Врач смотрел, сказал, что простуда...дал каких-то порошков...
- А как мальчик? Почему он молчит?
- Не знаю, - плачущим шепотом ответила Светлана, - он весь горит, кашляет, плохо дышит...и молчит...
- А грудь берет, - деловито осведомился Алексей.
- Берет...хотя и сосет мало...
- Ну значит, выкарабкаетесь...главное, тебе не надо расклеиваться...

Светлана улыбнулась и пожала благодарно ему руку:

- Спасибо, Алексей...ты иди, а то, не дай Бог, заразишься тут от нас...

...А на следующее утро ему все это припомнилось, как тот сон, от которого долго не можешь очнуться. Он долго не открывал глаза, пытаясь в деталях вспомнить каждое мгновение нечаянной ночной встречи. Он вспоминал неясное в темноте лицо Светланы, и виделось ему тоненькое юное личико с милыми чертами; вспоминал фигурку, и виделось очертание мягких женственных линий, от которых пахло теплом и уютным запахом домашних вещей. Вспоминалось неспешное движение невидимых рук и быстрый, шелестящий приятной мелодикой шепот, в котором были и боль, и страдание, и надежда на спасение. Ему было хорошо даже от того, что он просто прикоснулся к этим надеждам: чужим, но таким же выстрадавшим. И ничего больше не было для него в этом мире: ни войны, ни плена, ни боли, ни страха за свою неудавшуюся жизнь. Что это были у него за страдания в сравнении со страданиями девочки-женщины, запертой в тюремной клетке вместе с грудным младенцем? Ему неожиданно вдруг увиделось, что вот он берет эту женщину на руки (а она нежно обнимает его за плечи) поднимает ее (всю такую мягкую со всеми ее припухлостями и округлостями) и несет к свету, навстречу расцвеченному солнцем дню. И рядом где-то смеется ребенок, которого он тоже любит всем своим еще не успевшим познать всех тайн любви сердцем.

24.

Выйдя из машины, на которой его подвез сослуживец, Сацуо прошел асфальтированный торговый проспект и свернул на улицу, застроенную особняками. Оттуда он вышел на узкую неосвещенную дорожку, поднимающуюся в гору, позади кладбища и старинных храмов, которые прилепились на террасах обширного плато.

Когда он очутился на открытом от голых веток пространстве, то увидел на горе цепочку веселых огоньков – свет в окнах неуклюжего двухэтажного деревянного строения. То была гостиница, где жила Тацуэ.

- Господин Сацуо, а для вас оставлено письмо, - скрипучим голосом, с трудом поднявшись со стула и часто моргая болезненно припухшими веками, сказал ему пожилой смотритель. – Госпожа Тацуэ уехала сегодня утром и сказала, что вернется не раньше, чем через неделю.

- Она мне ничего об отъезде не говорила, - вслух удивился Сацуо.
- Ей позвонил какой-то важный господин, и она тотчас же засобиралась...
- В каком она была настроении?
- Да в обычном, господин Сацуо, в озабоченном...

Сацуо медленно повернулся к выходу, на ходу надрывая конверт. «Неужели ничего не получилось, - с горечью думал он, - завтра истекает срок формирования группы пополнения кадров отряда Исии, а я пока ничего не знаю о результатах». Он сел на скамью врытую возле густых кустарников вишни и развернул письмо.

«Милый мой, любимый Сацуо! – с удивлением прочел он: Тацуэ никогда не была столь сентиментальной, чтобы говорить подобные слова. – Прости меня, но я полная идиотка. Я никого не любила, как тебя, и уже, наверное, никогда не полюблю. Если б ты знал, как тяжело было мне знать, что ты любишь другую. Я ничего не могла поделать с собой, и со временем моя любовь переросла в нечто непереносимое. Мне постоянно не хватало тебя, как будто ты стал частью моей жизни. Я жила все это время только с мыслями о тебе. Если мне было плохо, я советовалась с тобой. Я радовалась всем твоим успехам и горевала от твоих неудач. И твое горе, связанное с арестом Светланы, я искренне переживала, как свое. Нет, конечно, где-то в глубине сознания иногда мелькали темные мыслишки о своем шансе на счастье, но ты ведь знаешь меня: я никогда бы не смогла перешагнуть через чужую беду, чтобы самой быть счастливой.

Я смогла добиться невозможного: ты зачислен в штаты отряда №731. Не знаю кем, но списки уже утверждены в штабе армии. Сегодня, наверное, тебя уведомят о назначении, и уже совсем скоро ты будешь направлен по месту новой службы.

Я очень боюсь за тебя. Будь осмотрителен, мой любимый. Знай, что я всегда буду любить тебя. Пусть мы никогда уже больше не увидимся на этом свете, в будущей жизни я обязательно буду с тобой».

Сацуо обхватил голову руками и тихо застонал. «Ну как же сложно устроена жизнь... - думал он, - какой же я был глупый болван по отношению к моей милой Таттян». Ему стало нестерпимо жаль Тацуэ. Дремавшее где-то в тайниках души чувство вдруг вырвалось на волю и захватило его настолько, что он не знал что ему делать от нахлынувших нежности и обожания. И отошли куда-то на задний план Светлана с ребенком, и позабылись волнения и заботы последних дней – все вытеснили из сознания мысли о Тацуэ. И он потерял счет времени – какой смысл следить за мгновениями жизни, когда они перестали ощущаться? Какой смысл был во всех его поступках и намерениях, если их результатом могла стать всего на всего невыясненная в ощущениях горечь запретных встреч? Он их не мог бросить – свою Светлану и своего ребенка. Но те невидимые, повисшие над его разверзнутой душой весы, где на одной чаше лежали чувство долга и забытая любовь, а на другой – безумно терзающая душу влюбленность в другую женщину, дрогнули и пришли в непредсказуемо мучительное движение. И ему было больно и нехорошо. Ему было стыдно за себя и свою слабость. И волком выть хотелось на весь белый свет со всеми его вымороженными и надменно довлеющими над душами людей сложностями.

* * *

Антон Никитович Зубов тихо и покойно лежал на своей железной кровати и прислушивался к шумам за окном. Дикая, не дающая спать по ночам боль отступила, и он, еще не доверяя чувствам, боялся потревожить ее каким-либо неосторожным движением. Он уже давно жил один, забытый и брошенный людьми. Даже соседи, некогда заглядывающие к нему спросить не нужна ли помощь, перестали интересоваться его здоровьем, как будто смирились с безысходностью ситуации. Боль терзала его тело так страшно и так мучительно долго, что Антон Никитович с каких-то пор стал откровенно с вожделием ждать смерти. Ему уже не было стыдно за полнейший разор обстановки и хаос вещей в его маленькой квартирке, за его нищенское обличье и неприличный запах, исходящий от его истлевшей от нечистот постели. И смерть ему виделась ярким светом в конце далекого коридора, куда он плыл по воздуху, задыхаясь от приступов подступающей радости. Весь мир, затаившись, ждал этого мгновения. И никто не упрекал его за стремление покинуть всех, чтобы уйти в неведомое пространство, в котором ничего не будет, кроме бездонной пропасти, в которую он воспарит без мыслей и без чувств.

И когда у его изголовья появился Сацуо, он вначале ничего не понял.

- Ты кто? – слабым голосом спросил он.
- Сацуо, жених Вашей дочери...Вы меня не узнали? – удивился юноша и пододвинул к кровати стул.
- Сацуо? Какой дочери? ...Светланы?

Он сделал попытку привстать, но бессильно упал на подушку, не отрывая от юноши умоляюще просящих сострадания глаз.

- Почему с вами нету сиделки, - строго спросил Сацуо, - ей заплачено за два месяца вперед...

- Что со Светланой, моей доченькой? - тихо простонал Антон Никитович, не слыша слов собеседника и словно электрическим током пораженный возникшей в его воспаленном сознании мыслью о дочери.

- Жива Светлана...хотя до сих пор сидит в тюрьме..., - юноша посмотрел в слезящиеся горьким бессилием глаза старика и добавил, - я не знаю, радоваться или нет, но она в тюрьме родила...

- Что? – не понял Зубов, - родила?
- Да, и этот ребенок мой.
- Так что же ты здесь сидишь, - вскинулся было Зубов, но тут же затих и слабым голосом прохрипел, - ты прости меня, Сацуо...
- Да что Вы...я конечно сделаю все возможное, чтобы вытащить Светлану из тюрьмы...Я и зашел к вам, чтобы попрощаться...
- Ты едешь к ней? – спросил Зубов.
- Да...- чуть слышно сказал Сацуо.
- Тогда прощай...и передай ей, что я ее очень люблю.
- Вы выздоравливайте, Антон Никитович, - сказал юноша, вставая со стула, а я Светлане обязательно помогу.
- Ты обо мне не беспокойся...а сиделку я сам отпустил, что ей смотреть на мои мучения...

...И когда юноша вышел за дверь, Антон Никитович повернулся к стене и, расслабленный свершающимся благом, снова поднялся над земным покровом, чтобы

лететь к спасительному свету. И боли уже не было в его немощном теле. Не было ни чувств, ни попыток к движению членов. Был покой и приятный холодок приближающегося умиротворения.

25.

Третью экспедицию в Центральный Китай генерал Исии решил возглавить сам. Нет, он полностью доверял своим подчиненным, но ему не терпелось самому поучаствовать в том шуме, какой он предполагал наделать своими опытами и которого, как он пролагал, ждало от него командование армии. Японская армия оказалась неспособной сломить сопротивление освобожденных районов Китая. К тому времени 8-я и Новая 4-я армии Коммунистического Китая накопили достаточный опыт, чтобы успешно воевать с начинающим терять былую самонадеянность врагом. Японское командование было крайне раздражено тем обстоятельством, что Китайский фронт отвлекает значительную часть контингента от операций на Тихом океане. Как ни пытались хитрые и изворотливые, до какого-то времени везунчики – японские вояки переломить ход событий, но к концу 1943 года англо-американские морские силы захватили острова Тарава и Макин, откуда было уже рукой подать до собственно японской территории. И пока сопротивление Китая не было сломлено, у японских военных не было возможностей для маневров.

Да и на Китайском фронте ситуация завязалась к тому времени в клубок причудливых хитросплетений. Гоминдановский Китай, где вся власть была монополизирована «кликкой четырех семейств» (представленной от каждой семьи: Чан Кай-ши, Кун Сян-си, Сун Цзы-вэнь, братьями Чэнь Ли-ф и Чэнь Го-фу), воспользовавшись «мотивами военной целесообразности» установил «правительственный» контроль над не оккупированными японцами территориями. За японскими же линиями фронта прочно обосновался другой Китай – освобожденные районы, где народ в условиях блокады и непрерывных боевых действий защищал отвоеванную территорию.

И если с гоминдановским режимом Япония воевала вяло, оставляя на «регулярном фронте» за все время боевых действий всего 5 – 6 дивизий, то против армии народного сопротивления концентрировались гораздо более внушительные военные силы. Гоминдановский режим, называемый в международных дипломатических кругах «чунцинским правительством», воевал американским оружием и вел себя так, чтобы и американцам не дать повода разочароваться в его амбициозных намерениях, и японцам не показать излишней агрессивности. И японский генералитет, решивший разрубить клубок одним ударом, делая свой очередной глубокомысленный ход в шахматной партии за мировое господство, дал отмашку военным бактериологам на полномасштабные действия.

...Когда прибывшие поездом из Харбина офицеры и вольнонаемные вывалились шумной толпой на перроне Нанкина, было уже далеко за полночь. Их ожидали грузовики с обтянутыми брезентом кузовами и небольшая группа людей в военной форме. Генерал Исии не был сторонником долгих церемоний приветствований, а потому, сухо поздоровавшись с подошедшими к нему людьми, увлек в сторону руководителя своего нанкинского филиала – отрядов «Нами» и «Эй» – Сюндзи Сато и попросил коротко проинформировать о состоянии дел. Генерал Сато, поджарый и очень живой, в свойственной ему развязной манере начал рассказывать, вдаваясь в совсем ненужные

детали. Исии его слушал внимательно, хотя легкое раздражение понемногу начало сказываться на его вопросах. Глубоко уважая этого внешне взбалмошного человека за его фундаментальные знания (Сато до войны, имея звание доктора медицинских наук, патолог по специальности, работал преподавателем Военно-медицинской академии) и хорошие организаторские способности, он всегда приходил в негодование от совершенно неумело построенной манеры разговора своего подчиненного. В его докладе то и дело проскальзывали жаргонные словечки, а в тоне доклада совершенно не просматривался положенный по этикету и чувствуемый интуитивно любым должностным лицом прозрачно завуалированный намек на чинопочитание. И у генерала Исии в разговоре с Сато даже при благоприятных обстоятельствах в служебных делах то и дело прорывались неприязненные нотки, нить разговора делалась нервной и напряженной, и это никак не способствовало сближению коллег во внеслужебной сфере их взаимоотношений.

Именно поэтому, обсудив с Сато программу экспериментов, Исии отказался от вяло предложенного коллегой приглашения расположиться на ночлег в его служебной квартире и отправился с колонной приехавших с ним людей обустроить палаточный городок на территории отряда «Эй».

* * *

Какое липкое и неотвязно парализующее все твоё существо наваждение – это сон, обволакивающий сознание пеленой рассеянного и вспыхивающего затуманенными бликами света. Монотонный голос пожилого учителя растворяется в мерном хаосе повседневного шума, и будто лесной ручеек, журчит где-то поблизости, никому не мешая и никого не обременяя своим присутствием.

Неимоверными усилиями приводя себя в чувство, Сацуо принимался за дальнейшее написание иероглифов, с ужасом обнаруживая корявую абракадабру только что им выведенных текстов накануне. Как ему в эти минуты было жаль себя. Он совершенно не понимал, что будет с ним в ближайшей перспективе и почему из всей группы прибывшего в отряд пополнения кадровики «Отдела профилактики и водоснабжения и Квантунской армии» отобрали вместе с ним только двух человек. Поначалу его определили в интенданты и даже вручили, как и всем, направление на службу, отпечатанное на тонкой розовой бумаге. Но потом, изучив более тщательно личное дело, кадровики передумали и отправили на учебу лаборантскому делу в специально оборудованный для этого учебный корпус при отряде «Эй».

Дисциплинированный по натуре, Сацуо терпеливо и дотошно вникал в хитрости бактериологии, испытывая при этом глубокое отвращение к изучаемым дисциплинам. Только иногда, заслушавшись занимательно подаваемым стареньким и мудрым учителем материалом лекций, он начинал принимать зигзаг судьбы таким, какой он есть, и покорно приспособливался к реалиям курсантских буден. Он быстро был замечен местным руководством, его назначили старостой группы, поручили заведовать инвентарем комнаты для публичных собраний. Он активно участвовал во всех спортивных состязаниях, проводимых на курсах, и во многих из них выделялся, благодаря еще тем навыкам, какие приобрел во время учебы в университете.

...В тот день, когда на курсы пришел с инспекцией генерал Исии, Сацуо вместе со всей группой занимался в лаборатории вирусологии. Вошедшие шумной делегацией

офицеры внимательно осмотрели стенды и лабораторное оборудование, задали несколько вопросов учителю, а потом вдруг заинтересовались степенью подготовленности по инспектируемой дисциплине курсантов. Внимательно посмотрев на робелых от волнения курсантов, генерал Исии показал рукой на Сацуо и спросил:

- Знакомы ли Вы с конструкцией культиватора «системы Исии»? Если да, то возможно ли применение этих культиваторов для выработки вакцин?

- Нет, господин генерал... - ответил, невозмутимо глядя прямо в глаза Исии, Сацуо.

- Прошу Вас, продолжайте, – попросил его строгий экзаменатор.

- Я знаком с конструкцией культиватора... и считаю, что его назначение – это массовое производство бактерий...

- И что из этого следует?

- Судя по характеру бактерий, их накопление свидетельствует о создании бактериологического оружия.

- Да! – торжественно поднял руку генерал, - Мы стоим у истоков великого перелома мирового противостояния цивилизаций. И вам, будущим вершителям мировой истории предстоит сделать тот решающий шаг, который сделает нашу страну победительницей в последней кровавой бойне. Он, этот шаг, будет непростым выбором между жалостью к врагу и твердостью духа. Но от вашего выбора будет зависеть цена победы. Чем больше будут потери врага, тем зримей будет финал этой последней войны за утверждение господства рода «Ямато»... Успеха вам, в вашей учебе... прошу вас, продолжайте...

...И, повернувшись к выходу, генерал Исии тихо спросил сопровождающего его начальника учебных курсов:

- Как фамилия этого курсанта?

- Сацуо Ямадзаки, господин генерал, - поспешно выдохнул его собеседник.

26.

Как и две предыдущие, третья экспедиция в Центральный Китай особо знаменательных успехов генералу Исии не принесла. Те же незначительные очаги заражения...то же необъяснимо малое число пострадавших...Там, где генералу казалось, что должно было полыхнуть кошмаром в десятки тысяч смертей, обернулось всего-то жалкими сотнями...И это обстоятельство повергало его в ужасное состояние. Он буквально истаял физически за последнее время: щеки его ввалились, под глазами появились черные круги. «В чем же дело? – мучительно думал он, не находя объяснения столь низкой эффективности применения бактериологического оружия, - Почему эпидемия затухает сама собой, едва начав разгораться?». Весь накопленный наукой опыт, все полученные на его фабрике смерти результаты исследований говорили о том, что полномасштабное применение бактерий чумы и паратифа, какое было проведено при атаке мятежных районов Центрального Китая, должно было вызвать заметную всем мировым сообществом вспышку массовой эпидемии. А единичные случаи заболевания не только обошли стороной мирное население, но и в среде воюющей людской массы паразитическим образом выкосили лишь жалкую полоску необъятного взглядом поля.

Он стоял у раскрытого окна своего кабинета и смотрел на привычную взгляду картину серых и угловатых, чуть тронутых восходящим солнцем, строений, синеющее прозрачной глубиной небо и далекие, уже с признаками увядания бескрайние пространства зеленых лугов. «Неужели есть какой-то неучтенный наукой фактор, оберегающий популяцию от массовой смерти?» – думал он. Ведь все китайцы, зараженные даже малой дозой болезнетворных вирусов в его лабораториях, умирали, даже если предпринимались все мыслимые и немыслимые попытки к их спасению. Умирали смиренно, безропотно, не предпринимая даже на краю ухода в небытие никаких попыток к несогласию по поводу такого чудовищного вмешательства в их судьбу. Так почему в реальных условиях они бешено цеплялись за жизнь и настраивали свои организмы на перемалывание атакующих вирусов страшных болезней, как на нейтрализацию вирусов какого-нибудь безобидного простудного заболевания?

Он вспомнил лихорадочные усилия его подопечных, когда после шутовски обставленного отступления на одном из участков фронта до этого успешно наступающей японской армии они забрасывали сотни колодцев, болота, речушки и заброшенные дома склянками и фляжками, заряженных бактериями чумы. Перед его глазами промелькнули тени тех трех тысяч китайских военнопленных, которых его научные сотрудники сперва накормили булочками, нашпигованными при помощи шприцов бактериями тифа и паратифа, а затем отпустили домой с прочувствованной напутственной речью. Сотни пачек отравленного печенья, разбросанного вблизи населенных пунктов; тысячи отравленных фруктов и овощей; сплошь зараженные губительной заразой источники питья... А эпидемии не получилось...

И гениально настроенный на чудовищно сложные умственные процессы мыслительный аппарат генерала вдруг явственно ощутил присутствие в его опытах какого-то неведомого науке механизма, который строго следил за регулированием численности народонаселения. Как будто бы некие высшие силы, определив лимит численности для каждого народа, строго очерчивают границы предельного вымирания даже во времена самых мрачных периодов его существования. И эти силы были настолько всемогущи и непоколебимы, что, наверное, попытка их игнорирования могла бы обернуться неминуемой катастрофой. Потому что эти силы и есть Всевышний. Человеческий разум, возникший, как плод живой природы, несовершенен уже в силу того, что он полностью подчинен животным инстинктам. И дозволено ли ему подняться вровень с разумом высшего порядка? Ему дозволено пока лишь, не осознавая своего предназначения, расталкивать локтями себе место под солнцем, чтобы, найдя это место, считать себя счастливым и вполне состоявшимся во всех своих плотских удовлетворениях. И грехопадение, связанное с человеческими пороками, уже переходило все немыслимые пределы. И мир замер в ожидании Высшего знамения, остановившись на краю разверзнувшейся перед ним пропасти.

* * *

После долгих бессонных ночей Светлана стала чувствовать себя очень утомленной и разбитой до такой степени, что по утрам не хотелось даже шевелиться. Она, с трудом поднимая с постели больного в каждой клеточке, изможденное тело, брала со стола бутылочку с водой и давала ее малышу, чтобы он не начинал кричать в ожидании утренней порции скудной тюремной еды. «Господи, дай мне силы снова стать на ноги», - тихо шептала она, всякий раз при этом крестясь на отсыревший и прозелененный мхом

угол камеры. Она с ужасом представляла себе судьбу своего малыша, если бы с ней что-то случилось. Ей уже давно стало казаться, что установившийся порядок вещей – это та жизнь, какую ей суждено прожить отведенным судьбою сроком. Она свыклась со сложившимся распорядком и мерным, повторяющимся с невыразимо однообразным чередованием казенно-тюремных ритуалов ритмом, и если бы не ее извечно трепещущая в груди боль за судьбу Витеньки, то она давно бы считала эту жизнь вполне сносной и приемлемой для сложившихся условий.

Она, как любая кормящая мама, ушла с головою в заботы о ребенке, когда даже мысли кружились вокруг желания притронуться к родному крошечному тельцу, погладить его нежную розовую кожу, притронуться губами к мягким завиточкам на затылочке. Витенька уже всюду ползал по ее тюфяку. Что-то агукал на своем младенческом языке, и в его невинном взгляде была по-детски милая уверенность в том, что весь мир любит его и с благоговением наблюдает за его неуклюжими движениями.

Медсестра, навещающая Светлану, приносила тряпье, и Витенька ползал по тюфяку в этом тряпье, намотанном на голое тельце наподобие индийских одежд. Он уже пробовал вставать, но худенькие ножки подгибались, и он тут же испуганно садился, чтобы продолжить намеченный путь на коленках.

В такие минуты Светлана забывала все на свете. Она смотрела на малыша и ей казалось, что не все в мире устроено глупо и мерзко. Ведь не могло зло, охватившее ослепленный и оглохший от какого-то вселенского наваждения этот мир, иметь прочную основу, если все люди рождаются вот такими невинными. Ей чудилось, что рождение Витеньки – это тайный знак, напоминание о том, что счастье уже в пути на долгой дороге военного лихолетия. И, глядя на своего малыша упирающегося розовыми ладошками в сырую и замшелую стену камеры, она вполне внутренне успокоилась, решив, что кроме забот о нем, ее ничто не должно беспокоить.

Уже месяц продолжавшиеся ночные разговоры с соседом по камере помогли ей продержаться в момент сильнейшей душевной депрессии, и теперь впервые за долгие месяцы слабости и разбитости она почувствовала, что начинает медленно выкарабкиваться из болезненного состояния. Она была благодарна Алексею за то, что он не особо досаждал ей в те дни, когда она никого не хотела видеть, обнаруживал свое присутствие именно тогда, когда она нуждалась в посторонней помощи. Это не имело никакого объяснения, но Алексей всякий раз интуитивно угадывал ее желание с ним пообщаться. И Светлана давно перестала удивляться, что привычный, с придыханием шепот Алексея она улавливала чутким слухом именно тогда, когда этого ей хотелось услышать.

Они с того памятного дня, когда Алексей пролез в ее камеру, больше никогда не видели друг друга, потому что решили, что этот риск в их положении совсем не оправдан. Они оба, как могли, замаскировали каждый со своей стороны дыру в стене и разговаривали, только глухими ночами и только по случаям крайней необходимости.

...Светлана хотела снова прилечь на тюфяк, как вдруг за стеной услышала громкие голоса. «Нет! – отчетливо услышала она, - Никуда я не пойду! Убейте меня лучше здесь и сразу!». Когда шум утих и где-то вдалеке раздался громкий смех и дальний скрежет запираемых дверей, она вдруг поняла страшную суть произошедшего. Она обнаружила, что та последняя ниточка надежды, что связывала ее с этой жизнью, оборвалась, и ей

ничего не осталось, как по инерции тихо скатываться в пропасть, где в зыбких провалах дымящегося дна белели острые клыки каменных глыб.

27.

Сизые жирные тучи густо обволакивали дымящуюся низину, а из руин вчерашнего строения струились в небо последние струйки остывающего пожарища. Ноги увязали в рыхлом пепле, и Алексей падал в этот пепел, пачкая руки и одежду. Он карабкался, цепляясь пальцами за ветки и корневища деревьев, растущих по краю низины, и никак не мог выбраться наверх. А там, наверху, подпрыгивая и смешно дрыгая ногами, хохотал, запрокинув голову толстяк в форме японского офицера, но со славянскими чертами лица. Он хохотал, держась за живот и показывая пальцем в сторону Алексея, и все его тело тряслось, а лицо дергалось.

Алексей знал, что его снова заразили. Его мучители даже и не пытались скрывать своих намерений. Они надели на него наручники, закрепили на ногах кандалы и повели не направо по коридору, где была тюремная больничка, а длинным путанным путем – туда, откуда постоянно доносились сдавленные нечеловеческие вопли. Он шел понуро, искоса поглядывая на своих провожатых, и никаких мыслей у него не было в голове. Шуршали шаги по деревянному крашеному полу, шумели где-то голоса, гудели осиным роем приглушенные толстыми стенами лабораторные двигатели. Его долго осматривал молоденький японец с фонендоскопом на шее, щупал живот, велел показать язык. Потом положили на кушетку и воткнули шприц в ягодицу. Укол был безболезненным – как укус комара.

И вся процедура заражения прошла так обыденно и так по-будничному деловито, что Алексей даже не успел ей воспротивиться. Он, как послушный жертвенный агнец, безропотно обнажил свои телеса, молча лег на кушетку и, не слова не говоря, ждал набираемой медленно в шприц специально приготовленной для него смертельной дозы яда. Он, совершенно уверенный в цинично творимом на его глазах убийстве, как загипнотизированный блестящими медицинскими инструментами и неспешным ритуалом процедуры, даже пальцем не пошевелил в знак своего несогласия. Он не заорал в яростном бешенстве предсмертного гнева, не бросился с кулаками, закованными в наручники на своего мучителя, не попытался устроить погром этого стерильно убранного медицинского помещения. Все это прокрутилось в его запоздало усталом воображении только тогда, когда он вошел в камеру и упал на тюфяк. «Ну вот и все», - устало подумал он, и взглядом остановился на своем безвольно распластанном теле. Он, как бы со стороны, посмотрел на свои раскинутые худые ноги, обутые в рваные тапочки, на руки с обкусанными ногтями и кровоточащими заусенцами. «И меня больше не будет...не будет мыслей, не будет надежд на спасение...не будет того огромного мира, который остался за тюремными стенами...», - подумал он и тихо заплакал, утирая ладонью обильно струящуюся из глаз влагу.

* * *

В отряд Исии из 25 курсантов, закончивших учебу, были направлены только 15 – остальных распределили между филиалами отряда. Сацуо Ямадзаки, обнаружив блестящие знания на выпускных экзаменах, получил звание старшего унтер-офицера и

был зачислен в штаты отряда №731 на вакантную должность старшего лаборанта в четвертый отдел, который в тюремных документах значился производственным.

Этот отдел по сути был мощной, оборудованной новым высокопроизводительным оборудованием фабрикой по изготовлению смертоносных бактерий. Как и на любом таком производстве, здесь все было подчинено плану и строгой дисциплине. Сацуо, никогда не работавший на больших предприятиях, поначалу чувствовал себя потерянным, был несобран, рассеян, чем вызывал недоумение со стороны начальника отдела генерала Кавасима по поводу того, чем же таким особенным мог понравиться жесткому и педантично-брезгливому в общении с подчиненными генералу Исии этот молодой офицер. Но природный ум и трудолюбие помогли Сацуо со временем освоиться на новом месте. Уже через месяц он настолько вник в тонкости производства, что его стали пробовать в качестве стажера на должности начальника одного из отделений. Все это время Сацуо вел себя предельно осторожно в общении с коллегами по работе. Он старался не выдавать своего интереса в вопросах, касающихся опытов над «бревнами», слушая рассказы старожилов отряда с напускным равнодушием и даже иногда демонстративно переводя разговоры на другую тему. Он знал, что рано или поздно ему будет доверено то, чего он так добивался – право самостоятельно производить отбор человеческого материала для проверки качества выпускаемой его подразделением продукции.

Сацуо ждал этого момента спокойно. Он уже давно подготовил себя к участию в опытах над живыми людьми. Собственно говоря, чем эти опыты, связанные с умерщвлением людей, были отличны от бесчеловечной бойни на полях боевых сражений? Когда одни, более совершенно вооруженные люди, безжалостно сокрушали других? Мог ли он знать те высшие цели, какие ставила перед собой святейшая императорская семья, посылая своих верноподданных на смертоносную бойню? А значит, стоило ли испытывать какие-либо угрызения совести, если за тебя все уже решили люди, которым ты обязан доверять беспрекословно? Он, конечно, не мог не понимать, что их опыты – это подготовка к войне не против живой силы врага, а против мирного населения. «Но если другого выхода нет?, - думал он, - если не имея столь грозного оружия, мы рискуем сами быть уничтожены врагом другим, не менее эффективным оружием, то можно ли осуждать наш генералитет за выбор такого метода ведения войны, в котором бы мы наиболее преуспели? Если русские или англо-саксы будут знать, что попытки стереть Японию с лица земли будут встречены ответными ударами смертоносного оружия по их территориям, это сразу охладит их воинственный пыл». Он не сомневался, что исход этой последней войны полностью зависит от разрабатываемого ими бактериологического оружия.

Сацуо так обвыкся на своем новом месте, что порой обстоятельства, связанные со сменой его прежней жизни, казались надуманными и неправдоподобными. А ведь с другой, особо интимной стороны этого ожидания, было ставшее уже навязчивым желание увидеться со Светланой. Он совершенно терялся в определении для себя нужности этой встречи. Если поначалу он верил, что проникнув в потаенные, овеванные дурной славой, мрачные застенки, сможет, действуя по обстоятельствам, как-то повлиять на судьбу невесты и сына, то теперь твердо знал, что помочь им ничем не сможет. А раз так, то об открытости свидания не могло быть и речи. Или он, или она совершенно точно не смогли бы сдержать своих чувств, а это была бы смерть. Он, в последнее время возмужавший и

уверовавший в свою мужскую силу, теперь особо внимательно стал относиться ко всем обстоятельствам, способным принести вред его репутации, и как следствие – его возможности выжить в круговерти смертоносных событий. И потому желание увидеть Светлану так и осталось для него просто навязчивой идеей, в которой уже не было тех светлых чувств, какие он испытывал раньше. Он жил в согласии с этой идеей, давая ей владеть собой ровно настолько, насколько мог считать свою совесть спокойной за соблюдение норм, прописанных Богом. Он шел к исполнению своего долга перед любимой женщиной шагами, какими ходят клоуны на сцене: энергичными, но оставляющего хода на одном и том же месте. И ему от этого становилось порой тоскливо, и кошки скребли на душе; но он с этим ничего не мог поделать. И он ждал, что обстоятельства сами повернутся так, что вся эта неопределенность станет ясной и разрешимой. И надеялся, что это произойдет так, что каким-то сверхъестественным образом все образуется без смертельной опасности для него.

28.

Это чувство неопределенности и страха, охватившее Светлану со скоростью вспыхнувшей спички, росло и переполняло все ее существо, отзываясь острой болью в каждом ударе рвущегося из груди сердца. Она немигающими глазами смотрела на бесшумно парящий в темном, грозовом небе ширококрылый самолет, по бокам которого были ясно различимы две огромные бомбы.

- А-а-а-а-а...- на одной ноте закричала стоящая рядом с ней женщина.
- А-а-а-а-а...- эхом отозвалась многоликая толпа.

И ужас происходящего на глазах собравшихся в одном месте людей был умножен стократ своей неподдающейся никакой общежитейской логике сущностью и своей чудовищной неотвратимостью. И никто не пытался даже сдвинуться с места, потому что парализованная воля была способна только на немощное ожидание. И весь смысл жизни был сосредоточен в двух скособолено прикрепленных к самолету бомбах, готовых в любое мгновение оторваться и упасть на землю.

Светлана не сразу пришла в себя, очнувшись от небытия в холодном и липком поту. Она пощупала лежавшего перед ней Витеньку, укрыла его обнажившееся плечико лоскутом тряпья, повернулась на другой бок и снова начала было погружаться в сон, как вдруг этот нечеловеческий вопль заставил ее подскочить на тюфяке.

- А-а-а-а-а...- бился под потолком камеры загнанной и издыхающей птицей этот безумный крик, - а-а-а-а-а...а-а-а-а-а...а-а-а-а-а...

«Алексей...это Алексей», - наконец дошло до нее. – Это он...ему плохо... это ужасно...почему же никто ему не поможет?». Она на четвереньках подползла к лазу в стене и, еще до конца не осознавая последствий своего поступка, начала его расковыривать. Она ковыряла его вначале ногтями, потом зубами отрывала какие-то матерчатые комки. Она, повинувшись каким-то неведомым инстинктам заботы о ближнем и совершенно забыв о чувстве самосохранения, рвала в клочья набитое в лаз тряпье, остервенело спеша на помощь. И когда голова Светланы очутилась в соседней камере, ослепительно яркий свет ударил по ее глазам. То стоящий посреди камеры охранник направил на нее свой висящий на поясе фонарь.

* * *

Это случилось так неожиданно, что Сацуо даже не успел помертветь от ужаса неожиданной встречи. Ровно в половине шестого утра на его столе, подпрыгивая от усталости замшелого прозябания, затрещал телефон и усталым голосом шефа прохрипел: «Старший унтер-офицер Ямадзаки, немедленно ко мне!». Он застал генерала Кавасима, согнувшимся над своим рабочим столом и отдающим короткие команды по телефону, наспех небрежно одетым и непривычно взволнованным.

- Как прошло дежурство? – хмуро осведомился он.
- Происшествий и чрезвычайных ситуаций не допущено. Производство работает в штатном режиме. На смене дежурят пятнадцать сотрудников отдела. Смена дежурства – в восемь ноль ноль. - скороговоркой доложил Сацуо, ощущая волнение, которое, как инфекция, моментально передавалась всем входящим в помещение главного дежурного.
- Оставьте за себя ответственного. Через пять минут я Вас жду в караульном помещении тюрьмы. – морща лицо, как от зубной боли, сказал генерал и снова повернулся к столу.

Выбегая из помещения главного дежурного, Сацуо столкнулся нос к носу с тощим и сутулым приятелем Уэмурой, с которым вместе проходил стажировку в отряде.

- Что случилось, - горячим шепотом обжег приятель его щеку.
- Пока ничего не знаю, - ответил на ходу Сацуо.
- Говорят, опять побег предотвращен... вот будет шуму, когда узнает Исии.
- Побег? – приостановился Сацуо, - разве это возможно?
- Да они ж сумасшедшие – эти бревна... что с них возьмешь...
- Ничего пока не знаю, - махнул рукой Сацуо и побежал дальше по коридору.

В маленькой, пропахшей потом и испорченной пищей комнатке караульного помещения уже толпились офицеры, поднятые по тревоге, объявленной ответственным дежурным. Несмотря на ранний час, все собравшиеся выглядели бодрыми и собранными. Тихо переговариваясь между собой, они ждали появления генерала Кавасима, и ожидание это было спокойным и деловитым, ибо все уже знали о том, что их собрали только для предварительного «разбора полетов» и, более того, что сам случай чрезвычайного происшествия не был уж столь вопиющим, чтобы после него летели с плеч чьи-то головы.

И в самом деле, генерал вошел в помещение уже не таким озабоченным, каким был всего несколько минут назад. Проинформировав собравшихся офицеров о том, что по недосмотру младшего персонала охраны была совершена попытка вступления в непосредственный контакт двух сокамерников путем прорыва в стене лаза, он пояснил, что расследование случившегося уже начато оперативной службой и что урона деятельности отряда это происшествие не нанесло. Однако для определения последствий случившегося на то, что они называли «медицинскими исследованиями», требовало ознакомления с деталями происшествия специалистами первого отдела. А потому генерал, внимательно оглядев помещение, закончил свою короткую информацию таким же сухим и коротким приказом:

- Все свободны. Офицеров Курусима, Хиразакура и Ямадзаки прошу следовать за мной.

...И то что Сацуо попал в число сопровождающих генерала Кавсима в тот момент, наверное, было знаком судьбы. Он никогда бы сам не решился на встречу со Светланой.

Он, как мог, делал все возможное, чтобы любая возможность встречи была бы полностью исключена. И когда дверь камеры, куда сразу же нетерпеливо шагнул генерал, со скрипом пропустила тяжело дышавшую от быстрой ходьбы делегацию суровых мужчин в форме, Сацуо чуть не вскрикнул от неожиданности этой встречи.

Это была она – его Светлана. Она смотрела испуганно на вошедших, прижимая к груди черноволосую головку ребенка. Малыш громко плакал, размазывая по грязному личику обильно струящиеся из глаз слезы.

«Бедная моя девочка», - держась рукой за дверной косяк, прошептал немymi губами Сацуо. Он смотрел сквозь упитанные и ловко схваченные ремнями спины своих сослуживцев на Светлану, и кровь стыла в его жилах. «Как такое возможно? – думал он, - почему ей все это?». Почему военная машина поглотила в свои жернова эту маленькую, хрупкую и незащищенную женщину? Почему не пощадила даже ее ребенка? Ее ребенка...

Он даже вначале не сразу сообразил, что этот ребенок – его. Что этот ребенок – его сын! И Сацуо, внимательно всмотревшись в личико малыша, сразу же уловил знакомые черты мужского рода Ямадзаки. И, не отдавая отчета в своих действиях, Сацуо тронул за плечо генерала и, взволнованно глядя прямо в зрачки удивленно оглянувшегося на него Кавасима, срывающимся от волнения голосом произнес: «Я должен Вам срочно доложить важное сообщение... но только строго конфиденциально...».

29.

- Я Вас внимательно слушаю, - нервно подергивая щекой, спросил генерал, когда они вышли из камеры в коридор.

- Это долго объяснять, господин генерал...но эта женщина в камере – моя невеста, а ребенок – мой сын...

- Простите, но я Вас не понял...что вы такое говорите? – морща лоб в глубоком недоумении, проговорил генерал.

- Я понимаю, что Вы меня сейчас можете сразу же отдать под суд за сокрытие компрометирующих меня анкетных данных, но все же рассчитываю на Вашу ко мне благосклонность...

- Что Вы такое несете, старший унтер-офицер! Как Вам в голову такое могло прийти? Какая такая благосклонность?

Генерал, багровея от гнева, намеренно кричал так, чтобы слышали все те, кто мог слышать весь разговор. Он был взбешен не самим фактом вскрывшейся неслыханной кадровой ошибки, а тем, что называя благосклонностью его, генерала, действительно доброе участие в карьере молодого офицера, он намекал на какую-то особую привилегированность своего положения.

- Я еще раз прошу у Вас прощения...и надеюсь, что вы не заподозрите меня в намерениях противоправных поступков...

Генерал медленно полез в боковой карман кителя, достал носовой платок с цветным фамильным вензелем и вытер пот с лоснящегося лба.

- Я ничего не понимаю... и даже слушать не хочу Вас по поводу объяснения случившегося...И считаю, что Вы немедленно должны предстать перед генералом Исии...

Генерал Кавасима открыл дверь камеры и, указав пальцем оглянувшимся на ее скрип офицерам на Сацуо, сухим и твердым голосом приказал:

- Арестовать...и немедленно доставить к начальнику отряда.

И последнее, что видел Сацуо в камере Светланы – это полные слез, все понявшие и благословившие его на мученические терпения ее глаза.

* * *

Когда арестованного офицера увели, генерал Исии, вдруг улыбнувшись, поправил туго облежавший шею воротничок и бесцеремонно спросил оцепенело сидящего на краешке стула Кавасима:

- А Вы бы смогли вот так, генерал, рискуя собственной жизнью, пойти на выручку любимой женщины?

- Нет, - потихоньку расслабляясь, честно ответил Кавасима.
- Вот и я бы не смог...
- Долг и честь у нас, у самураев...
- Долг и честь перед Родиной – это долг и честь перед собой, прежде всего, как говорил один старый мудрец...Долг и честь – это обязанность перед Богом не стать подлецом и трусом...Ведь по сути, он клятвы, данной Великому императору по защите родины от врагов не нарушил...
- Да я знаю его, как честного и дисциплинированного офицера...
- И я верю, что он таковым остался. Но он не виноват в том, что все его помыслы по спасению любимой женщины тщетны...Я одного не понимаю, господин Кавасима, зачем ей понадобилось проникать в камеру русского мужчины?
- Она сказала, что действовала бессознательно...
- Знаю, с ее предварительными показаниями я знаком...Но что-то верится с трудом в ее слепое безрассудство, если брать во внимание ее положение матери грудного ребенка...Кстати, что с этим русским?
- Сегодня утром он умер...
- Вы успели выяснить, откуда взялся лаз?
- Нет, господин генерал, но судя по показаниям женщины, он уже был прорыт до ее перехода в эту камеру.
- Кто в этой камере был до нее?
- Трое русских, которые пытались бежать...
- Это неслыханная служебная распущенность! – вдруг, наливаясь кровью, прохрипел генерал. – Кто осматривал камеру после побега? Кто допустил соседство русских, и притом – дважды? Прошу Вас, господин Кавасима, немедленно провести служебное расследование...

И остановив резко двинувшегося к выходу совершенно обескураженного случившимися событиями подчиненного, генерал Исии уже успокаивающимся голосом добавил:

- Только попрошу Вас, господин Кавасима, физических мер воздействия по отношению к женщине пока не предпринимать.

30.

- Я все знаю, - тихо произнес Уэмура, тронув легонько плечо Сацуо, - но поверь мне, еще не все потеряно...и, может быть, именно сейчас тебе надо обрести холодную голову, чтобы найти правильное решение...

- Правильное решение? – поднял на приятеля свои, полные горя глаза Сацуо, - Взять в руки автомат и стрелять...стрелять?

- Этим ты своей любимой не поможешь...
- Но ты же знаешь, что выхода сейчас отсюда ни для кого из нас нет...
- Послушай, перестань молоть чепуху, - Уэмура оглянулся на дверь казарменного помещения и шепотом продолжил, - ты помнишь веселого толстяка Мандзабуро? Ну, того, что учился в группе, выпустившейся до нас? Так вот, он сейчас назначен заместителем начальника 5-го отдела...
- И что из этого следует? – так же шепотом спросил, удивленно взглянув на приятеля, Сацуо.
- А то, что он знает гораздо больше, чем мы с тобой...
- Ну не тяни kota за хвост, - не выдержал Сацуо, - говори же, что он знает...
- Он слышал, - невозмутимо проговорил Уэмуда, - что Германия вот-вот должна капитулировать...
- ...И тогда с Россией воевать будет себе дороже? – попытался закончить его мысль Сацуо.
- Вот-вот...А теперь подумай сам, кому нужны будут наши наработки, когда войне придет конец?
- То есть начнется сворачивание производства...Но нам-то что с того?, - продолжал недоумевать Сацуо.
- Ты понимаешь, что в мутной воде рыбку ловить легче? В суматохе, какая обязательно будет сопутствовать сворачиванию, и может появиться твой шанс...
- Шанс? – переспросил, раздумчиво, Сацуо, - ты полагаешь, что еще не все потеряно?
- А ты подумай сам. Тебя арестовывать не будут: ты присяги, данной императору, не нарушал...Твою невесту с ребенком уничтожить тоже не станут: уж если их до сих пор не трогали, то выявленная связь с тобой – это не повод для их наказания. Скорее всего, наказание ограничится дисциплинарным взысканием по отношению к тебе и, принимай это как данность, ужесточением режима содержания по отношению к ним.
- Но как я буду жить дальше, ничего не зная о них? – простонал Сацуо.
- Другого выхода нет, как ждать...- тихо выдохнул Уэмуда.

* * *

«И все же тут что-то не то..., - уже засыпая подумал генерал Сатору Озеки, начальник армейской службы внутренней разведки - не мог пройти сквозь сито тщательного отбора человек, имеющий сомнительную связь с русской женщиной, если не было какого-либо на то исключительного влияния. Он, привыкший к прагматическому стилю жизни, сразу почувствовал, что в романтически чувственной истории со старшим унтер-офицером присутствует некая полунелегальная составляющая, которая обязательным образом должна иметь криминальный оттенок. И в самом деле, каким же таким хитроумным образом можно было обхитрить идеально отлаженную машину кадрового отбора японской армии, кроме как не найти слабое звено, непонятно почему совершившее смертельно опасную пробуксовку.

Наивно было полагать, что это слабое звено было в первичных механизмах отбора. Строжайшая атмосфера тотальной суперподчиненности дисциплине, которая утверждалась не столько на подавлении воли военными уставами, сколько на внедрение с малолетства в сознание божественного почитания существующих законов и руководящих положений. Маленький винтик, вознамерившийся сотворить сбой большой машины, был

бы тут же затерт массой инерции, не дав машине даже заметить этой попытки. И потому, едва открыв глаза после короткого – шестичасового – забытья, генерал Озеки вызвал к себе своего заместителя – полковника Касуга Митомо.

Глядя в бесстрастно ждущие указаний глаза старого вояки Митомо, генерал Озеки с усталым запозданием подумал о том, что теперь от романтически закрученной истории любви японского парня к русской женщине останутся лишь зола и дурно пахнущий запах. Он громко прокашлялся, прочищая горло, прошелся по кабинету неторопливым шагом: от стола к окну и обратно.

- Господин Митомо, я надеюсь Вы осведомлены о чрезвычайном происшествии в отряде генерала Исии? Об открывшейся связи старшего унтер-офицера Сацуо Ямадзаки с русской заключенной?

- Осведомлен во всех имеющихся на сегодняшний момент подробностях, - тут же, явно готовый к заданному вопросу, ответил полковник.

- Как Вы думаете, почему такое стало возможным?

Полковник ждал и этого вопроса, но, судя по его напрягшемуся лицу, он тоже пока не располагал в отношении случившегося никакой проясняющей его обстоятельства информацией.

- Я считаю целесообразным, - медленно проговорил он, продолжая немигающим взглядом смотреть в глаза генерала, - проверить всю цепочку отбора, не ставя пока в известность руководство службы кадров.

31.

11 февраля 1945 года Ялтинская конференция, на которой руководители трех великих держав (Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании) подписали судьбоносное в отношении Японии соглашение, обрушила все надежды, которые не без расчетливого на то основания питало Японское военное руководство.

Дело в том, что еще в конце 1944 года в США стараниями бывшего американского посла в Токио Джозефа Грю развернулась неожиданная полемика по вопросу, касающемуся будущего Японии. В пространных статьях и в публичных выступлениях мистер Грю, назначенный к тому времени заместителем государственного секретаря усиленно муссировал тему восстановления в отношении Японии «мюнхенской» политики государственного департамента, предусматривавшей хотя и контролируемое, но военное сотрудничество.

Англия в этих вопросах тоже была на перепутье. С одной стороны очень уж хотелось британскому руководству больно щелкнуть по носу своих «закадычных» соперников по тихоокеанскому региону, а то и растереть в прах по горным склонам Японских островов, да так, чтобы больше никогда не слышать об их амбициях. А с другой стороны грядущие изменения мирового военного противостояния подсказывали, что смирение гордыни во имя сохранения более гибкого политического влияния в этом стратегически важном регионе – есть очень заманчивая и перспективная идея. И появившийся в то время документ «Япония периода поражения», подготовленный неофициальным подсобным органом британского министерства иностранных дел – королевским институтом по международным вопросам (авторы – группа из 10 человек во главе с советником британского министерства иностранных дел Батлером), предлагал без

лишних экивоков, чтобы «Японии после ее поражения было позволено возвратиться к институтам и силам, которые сохраняли ее равновесие в прошлом».

Но «хитрый азиат» Сталин и в этот раз был проницательно расчетлив. Он так неумолимо жестко гнул свою линию на переговорах в Ялте, что союзники приняли почти все его условия. Мало того, что получалось будто это не Советский Союз собирался вернуть обидно утраченные в 1904 году территории и политическое влияние на Востоке, так еще и условия были достаточно серьезными, как бы безапелляционно показывающими кто в данной ситуации уговариваемая сторона.

И союзники согласились. Из этого соглашения следовало, что СССР вступит в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии. А условиями для этого было официально принято:

- а) возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к нему островов;
- б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановление аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР;
- в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги;
- г) передача Советскому Союзу Курильских островов.

Япония еще пыталась сманеврировать, направив подписанное главой правительства адмиралом Судзуки обращение к США с предложением о перемирии. Но американцы, что называется, уже «закусили удила». 26 июля 1945г. в Постдаме от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, призывавшее Японию безоговорочно капитулировать. Советское правительство официально присоединилось к Постдамской декларации, и 8 августа народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым было вручено в Москве японскому послу Сато заявление о том, что с 9 августа «Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

* * *

Тихо скрипнула половица возле дверей кабинета, и полковник Компару убрал уже налитую рюмку старого сакэ в ящик стола. Он в недоумении поднял глаза на вошедшего почти без стука своего заместителя – не улыбочивого, с вечно поднятыми густыми бровями, худого и медлительного в движениях подполковника Таруми. Несмотря на поздний час (часы уже показывали половину одиннадцатого ночи) заместитель был бодр и чем-то очень озабочен.

- Извините, господин Компару, но обстоятельства таковы, что я не вправе откладывать информацию о случившемся на завтра..., - начал он своим глухим и бесстрастным голосом.
- Докладывайте, - так же сухо бросил ему в лицо Компару. Он давно уже питал глубокое чувство неприязни к этому замкнутому и неискреннему выскочке, которого все боялись из-за темных и неясных связей с кем-то из высших эшелонов военного командования империи. Когда-то он искренне считал вполне приемлемыми в военной повседневности немногословие и неприкрытую хамовитость своего подчиненного. Он умело пользовался способностью Таруми лбом прошибать любые препятствия, случавшиеся порой в служебных делах кадровой канцелярии. Озадачивал своего

заместителя решением конфликтных вопросов, от каких у него самого возникало чувство глубокой тоски и душевного дискомфорта. Он со временем понял, что хитрый Таруми только потому не рвется на должность начальника кадровой службы армии, что ему хорошо на своем месте, а потому смирился с его своеволием и только временами ставил на место, делая, впрочем, это всегда несколько неуклюже, о чем впоследствии сожалел.

- Сегодня вечером получено сообщение из отряда Исии об аресте одного из офицеров за связь с заключенной женщиной, - голос Таруми зазвенел металлическими нотками, - офицер был из нового пополнения, направленного в отряд менее, чем полгода назад.
- В чем эта связь была выражена? – дрогнувшим голосом, но пытаясь справиться с волнением, спросил Компару.
- Не в том, о чем Вы подумали, господин полковник. – вызывающе смело глядя в глаза генерала и чуть помедлив произнес Таруми, - Он просто выдал своим поведением свою давнюю связь...Она оказалась его невестой...
- Он арестован? – бледнея, спросил Компару.
- Я интересовался – пока нет. В его действиях не было ничего предосудительного...но нам нельзя ожидать пока им займется полковник Митомо, господин Компару, – Вы ведь прекрасно знаете, какие скандалы он умеет поднимать буквально на ровном месте.
- Но при чем здесь это? – поморщился, смахивая невидимую пылинку со стола, Компару. – Вы же сказали, что она была невестой, а каким образом мы должны были знать о тайных связях отбираемых кандидатов?
- Я уже распорядился навести справки о степени легальности этой конкретной связи...- прищурился в хитрой усмешке, ответил Таруми.
- Только попрошу Вас не делать много шума, - постукав карандашом по столу, сказал раздумчиво Компару.
- Не беспокойтесь, господин полковник...
- И впредь, - Компару многозначительно посмотрел на заместителя, - попрошу все свои действия по этому случаю согласовывать со мной...И вот что, господин подполковник, - жестко взглянув сузившимися от еле сдерживаемой неприязни глазами в невозмутимые глаза собеседника, добавил он, - никаких самостоятельных решений... никаких резких действий...Вы поняли меня?
- Так точно, господин полковник. Разрешите идти?
- Никаких самостоятельных решений..., - повторил Компару, намеренно повышая голос, и только потом добавил, - идите...

...И как только начался рабочий день, и Сацуо сослуживцы с многозначительным видом передали, что его вызывает начальник отдела генерал Кавасима, он понял, что это – конец. Собственно, плохих для себя последствий после открывшейся его связи со Светланой, он ждал уже с самых первых минут, как только тайное стало явным. Но его почему-то сразу не тронули, более того, не стали пытаться дотошными расспросами о подробностях связи. И это давало ему надежду на счастливый исход. Он видел, что его проникновение в отряд Исии так и расценило военное руководство – как ребячество, донкихотскую выходку, от какой не застрахован ни один мужчина юного возраста. Он и готов

был отречься от любимой женщины и ребенка, если б теперь на чаши весов положили бы все их жизни. Он порой совершенно не понимал, почему он столько времени так целеустремленно рисковал собой. Да, он любил Светлану. Да, он любил своего маленького, с уже стершимися в памяти чертами лица, сына... Но разве эта любовь равноценна его жизни? Жизнь... Дуновение ветерка в теплом пространстве необъятного воздуха. Счастливые мгновения, яркими пятнами оставшиеся в сознании. Ощущение нескончаемости дальней, безбрежной дороги... Чего он добился в конце концов? Мало того, что не облегчил участи своей возлюбленной, так еще и сам угодил в положение, из которого теперь вряд ли возможно выкарабкаться.

За окном зеленела одинокая ветка маньчжурского клена. И все это небо, бездонное и немое, обрамленное рамкой оконного переплета, и весь этот мир, вобравший в себя немыслимые хитросплетения событий и обстоятельств, кричали ему о том, что жизнь на самом деле – совершенно капризная и непредсказуемая штука, в которой никогда не надо верить ощущениям и предположениям. И этот кабинетик со стеллажами, уставленными лабораторным оборудованием, вдоль стен, и эти ужасные запахи, доносящиеся из коридора, и эта бесконечная голготня сослуживцев, постоянно сующихся в кабинет по делу и без дела – все это непрочная картинка готовой сейчас же рассыпаться на рваные кусочки действительности. И Сацуо вдруг ощутил себя самураем. Он не знал, что это такое, но древняя память крови успокаивала его естество, освобождала от инстинктивных страхов и делала его рассудительным перед открывшимися несправедливостью и осознанием неискупимой вины. Он почти машинально привел в порядок все свои бумаги, мысленно простился со всеми своими родными и положил перед собой тускло блеснувший в солнечном свете тонкий и изогнутый медицинский скальпель.

...Ничего не изменилось в мире, когда в его полыхнувшем от резкой и дикой боли сознании поплыли картины далекого детства с милыми и родными лицами родителей. Когда он упал, истекая кровью и удерживая руками вываливающиеся из живота внутренности, мир был таким же бесстрастным и жестокосердным, каким породила его Природа.

* * *

Слабый отсвет лунного отражения тронула легкая рябь, и тут же из-под деревянного навеса послышались звонкие шлепки плещущейся об лодку воды.

«И лунный свет падет на умершие души...» – почему-то вдруг вспомнилась Компару строчка из когда-то прочитанных им стихов известного поэта. «Умершие души... - прошептал он и вдруг с отчетливой ясностью понял, что это о нем. О нем и о его пошлой и пустой жизни... О такой ли жизни мечтал он, когда-то одухотворенный высокими юношескими помыслами, навеянными вечно мудрыми творениями поэтов древних эпох? О, как он быстро предал те свои искренние и целомудренные идеалы, увлеченный вихрем модернистских с примесью меркантильного душка перемен. Как быстро он был вовлечен в круговорот той жизни, где мотивация поступков и жизненных ориентиров была упрощена до уровня природных инстинктов. Ему вдруг нестерпимо больно стало за то равнодушие, какое он питал к своей семье и которую он уже на протяжении многих лет не жаловал своим вниманием... Его нелюбимая жена покорно несла свой крест, в одиночку воспитывая чужих ему по духу и восприятию дочку и сына. Ему теперь стало

остро жаль и этих несказанных слов любви своим тихим и чересчур скромным детям, и этих неразделенных счастливых общений и дурашливых игр на дворе, и неучастия в их стихийном взрослении... Ведь были же они, эти неслучившиеся семейные счастья где-то в параллельно промелькнувшей, отвергнутой им по неумению разбираться в своих противоречивых чувствах жизни. Сколько же людей недополучили по его вине своего, положенного им по законам мудрой природы умиротворения в своих чувствах и желаниях. Семья, родные и близкие... Он никому не принес счастья – того, какое ставит человека наравне со Всевышним. Он не сделал счастливыми ни жену, ни тех любимых женщин, которые ждали его в родовом поместье.

И когда он спустился к лодке и грузно ступил на ее качающееся дно, то где-то вдали звуком нечаянно оборванной кем-то струны тоненько свистнула в прибрежных кустах невидимая пичужка. И Компару, всмотревшись в темную поверхность воды, увидел в бликах отражающейся луны барахтающегося жучка. Он зачерпнул пригоршню воды с жучком и выбросил ее на берег. А речная глубина бездна, над которой он замер на минуту, путаясь в обрывках своих нескладных мыслей, вдруг обдала его густым и тягучим запахом тины. Он заплакал, и слезы обильно покатались по его небритым со вчерашнего дня щекам.

...И вода только глухо всплеснула, когда после звонкого щелчка выстрела большое и тяжелое тело Компару перевалилось через борт лодки и, медленно колышное в мертвенно бледном лунном свете, скрылось в глухом мраке безучастно равнодушной речной глубины.

33.

Японцы оказались неспособными отразить массированную атаку всех трех фронтов советских войск: Забайкальского, 1-го Дальневосточного и 2-го Дальневосточного, ударивших одновременно с трех сторон, которые с моря поддерживали части Тихоокеанского флота.

Стремительное продвижение советских войск и последовавший за этим развал Квантунской армии привели к тому, что японские войска, расположенные во Внутренней Монголии и Северном Китае, в страхе перед перспективой окружения начали поспешно отходить к морю – к крупным портам и городам Пекину, Тяньцзиню и Циндао.

И это было началом краха японской военной доктрины, в основе которой лежали наивные принципы веры в свое божественное предназначение...

* * *

...И увидел я другого зверя, выходящего из земли; он имел рога, подобные агнчим, и говорил, как дракон... И дано ему было вложить дух в образ зверя и говорил и действовал так, чтобы убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя...

Откровение святого Иоанна Богослова.

* * *

...И земля, вздернутая мощными зарядами тротила, встала на дыбы. Безбрежное облако пыли, перемешавшее в себе землю, камни, кирпич, доски, металл с человеческой плотью, густыми и смрадными клубами полетело над хмурой Маньчжурской степью в

высокое, бессолнечное небо, скрывая в себе беспощадно пожирающее останки живого пламя. И корчились в том пламени клочки разорванной бешеным ураганом плоти безмянных людей, национальность которых не имела никакого значения перед лицом неслыханного злодеяния. И летели ввысь неприкаянные души японских лаборантов и солдат, не успевших вовремя покинуть это проклятое место, и летели души китайских, монгольских и русских людей, томившихся в зверских камерах пыток...И отдельно, особняком, переплетясь в последнем объятии, летели души русской женщины и ее четырехгодовалого ребенка...

Послесловие

Сиро Исии бежал из пылающего ада, в котором безвозвратно сгинули плоды его многолетних сатанинских изысканий не с пустыми руками. Он спрятался за ошестинившимися колючей проволокой укреплениями оккупационных властей США, прихватив с собой всю самую главную информацию о проводимых им в застенках тюрем под Харбином опытах. Он не только избежал суда Международного военного трибунала, но, вернувшись на родину из США, где консультировал специалистов по массовому истреблению мирного населения, спокойно вышел на пенсию, благоденствуя на назначенное ему послевоенным правительством денежное довольствие в 90 тысяч долларов в год. Материал, который Исии передал оккупационным властям, оказался чрезвычайно обширным (сказалась его годами выработанная привычка к систематизации научно-практических знаний): помимо описанных результатов опытов, генерал собрал бесчисленное количество образцов человеческой кожи, а также срезы внутренних органов с трех тысяч жертв (называемых в документах – «бревнами»).

Пентагон, с благодарностью воспользовавшись сим научным багажом, смог без особого труда развернуть работы по воспроизводству собственного бактериологического оружия прямо вблизи Вашингтона (и где были возмущенные голоса такой свободной и смелой американской прессы, куда смотрели их ярые борцы за экологию?), в американском научно-медицинском центре Форт-Детрик (штат Мериленд) и на учебном полигоне Дагуэй (штат Юта).

Потому, наверное, и не стоит удивляться, что большинство высокопоставленных японских изыскателей бактериологических средств массового поражения избежали участи других военных преступников, судьбы которых решал судебный процесс в Токио. Более того, многие из них счастливо жили и занимались профессиональным делом практически до конца своей жизни. Так Наэо Икеда, прошедший блестящую практику на «фабрике смерти» под Харбином, где заражал своих жертв столбняком, в мирное время возглавлял клинику крови в Осаке. Доктор Кодзо Окамото, служивший в отряде №731 экспертом по чуме, тифу и бруцеллезу, возглавлял медицинскую лабораторию Осацкого университета Кинки. Будущий уважаемый профессор, преподаватель медицины в Женском университете города Кобэ, кавалер ордена Восходящего солнца Хисако Есимура начинал свою профессиональную «трудовую деятельность» в той же тюрьме отряда №731, собственноручно проводя дикие по своей бесчеловечности опыты по лечению обморожения конечностей.

Нет, сегодня Япония это образец делового добрососедства в современном высокоиндустриализованном мире. И пусть ей пока не хватает собственной территории для

нормальной человеческой жизни, но ведь, в конце концов, планета Земля у нас одна на всех, и мы когда-нибудь научимся мирным путем решать все свои территориальные проблемы.

Говорят: история учит. Вот и в отношении Японии госпожа История очень постаралась, заставив ее платить по долгам военных амбиций смертями миллионов ни в чем не повинных своих мирных жителей. И это – главный урок всем прошлым и нынешним агрессорам.

Использованная литература:

1. Вторая мировая война 1939 – 1945 гг. Военно-исторический очерк. Воениздат, 1958.
2. Рагинский М.Ю., Розенблит С.Я. Международный процесс главных военных преступников. Академия наук СССР, 1950.
3. Международные отношения на Дальнем Востоке (1840 – 1949). Госполитиздат, 1956.
4. Богачев Николай. Крах операции «Тени Ямато». Москва. Издательство «Ключ», 1992.
5. Овчинников В.В. Горячий пепел. Москва. Издательство «Правда», 1987.
6. Ногами Яэко. Лабиринт. Москва. Издательство иностранной литературы, 1963.
7. Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Москва. 1950.